

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

24414 d. 36

BEQUEATHED TO
THE BODLEIAN LIBRARY
BY
BENEDICT HUMPHREY SUMNER, M.A.
WARDEN OF ALL SOULS COLLEGE

ПАТРИКЪ ГОРДОНЪ

И

ЕГО ДНЕВНИКЪ.

СОЧИНЕНІЕ

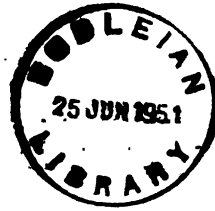
А. Брикнера.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Екатерининскій каналъ между Вознесенскимъ и Маринскимъ мостами, д. № 90—1.

1878.

(Оттиски изъ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1878 года.)

ПАТРИКЪ ГОРДОНЪ И ЕГО ДНЕВНИКЪ.

Едва ли кто нибудь изъ иностранцевъ, находившихся въ Россіи въ XVII-мъ столѣтіи, имѣлъ столь важное значеніе, какъ Патрикъ Гордонъ. И продолжительностью своего пребыванія въ Россіи и участіемъ въ самыхъ важныхъ событіяхъ, и положеніемъ, занимаемымъ имъ въ государствѣ и обществѣ, онъ заслуживаетъ большаго вниманія чѣмъ многіе другіе болѣе извѣстные современники-иностранцы, не исключая и Франца Лефора. Между источниками для исторіи этой эпохи дневникъ Гордона занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Объемомъ этотъ дневникъ превосходитъ всѣ подобнаго рода произведенія, за исключеніемъ развѣ записокъ Болотова, превосходя однако послѣднія богатствомъ содержанія.

Изложеніе біографіи Гордона можетъ поэтому содѣйствовать изслѣдованію многихъ вопросовъ исторіи Россіи отъ 1661 до 1699 г. Указаніе на содержаніе дневника Гордона составляетъ нѣкоторую часть источниковѣднія русской исторіи въ данную эпоху.

И личность Гордона и его дневникъ уже скоро послѣ его кончины сдѣлались предметомъ вниманія любителей отечественной исторіи и специалистовъ.

Изъ бумагъ графа Остерманна, конфискованныхъ по случаю его катастрофы, видно, что ему былъ извѣстенъ дневникъ Гордона и что онъ уже въ 1724 году заботился о переводѣ его на русскій языкъ. Этотъ трудъ былъ возложенъ на Волкова, который и успѣлъ перевести часть дневника, относящуюся къ 1684 и отчасти къ 1685 годамъ. Графъ Остерманнъ, между бумагами котораго находился переводъ, сдѣланный Волковымъ, передалъ затѣмъ дневникъ какому-то переводчику Зинавичу для продолженія труда; послѣдній, однако, оказался небрежнымъ и неспособнымъ къ исполненію возложенной на него обязанности. Изъ замѣчанія въ бумагахъ Остерманна,

что послѣ этого рукопись дневника была отправлена въ Петербургъ, можно заключить, что подлинникъ находился въ то время въ Москвѣ ¹⁾).

Немного позже дневникомъ Гордона занимался весьма тщательно извѣстный академикъ Бейеръ. Изъ его исторіи Азова, напечатанной въ издаваемомъ Г. Ф. Миллеромъ сборникѣ „Sammlung russischer Geschichten“, а именно во II-мъ томѣ, явившемся въ 1737 году, видно, что Бейеръ, говоря о походахъ Голицына въ 1687 и 1689 годахъ и объ азовскихъ походахъ Петра Великаго, воспользовался дневникомъ Гордона, выписавъ изъ него нѣсколько страницъ.

Въ 1759 году графъ Строгановъ, по предложенію академика Г. Ф. Миллера, приобрѣлъ значительную часть рукописи дневника отъ вдовы внука Гордона, бывшаго переводчикомъ при адмиралтействѣ въ С.-Петербургѣ. Затѣмъ Миллеръ открылъ другую часть дневника въ архивѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ. Тамъ же—въ архивѣ находится статья Миллера о Гордонѣ, писанная въ 1766 году; извлеченіе изъ этой статьи въ 1778 году было напечатано въ „Опытѣ трудовъ вольнаго руссійскаго собранія при Императорскомъ Московскомъ университетѣ“. Переводъ этой замѣтки, а также статьи „О началѣ Преображенскаго и Семеновскаго полковъ гвардіи“, при составленіи которой Миллеръ также пользовался дневникомъ Гордона, былъ напечатанъ въ „S.-Petersburger Journal“ 1778 года (апрѣль).

Между тѣмъ Штриттеръ занимался составленіемъ нѣмецкаго перевода дневника ²⁾, а къ концу XVIII-го вѣка появился цѣлый рядъ біографическихъ очерковъ о Гордонѣ и извлеченій изъ его дневника. Такъ, въ Мѣсяцесловѣ на 1782 годъ было напечатано „Описание жизни бывшаго руссійскаго генерала Гордона“, въ Мѣсяцесловѣ на 1783 годъ „Извѣстія объ осадѣ Азова въ 1695 году“. Обѣ статьи были перепечатаны въ „Собраніи сочиненій, выбранныхъ изъ Мѣсяцеслововъ на разные годы. Часть V, 1790 г.“. Въ „Новыхъ ежемесячныхъ сочиненіяхъ“ на 1788 и 1789 годы появились выдержки изъ дневника Гордона о двухъ Чигиринскихъ походахъ въ 1677 и 1678 годахъ. Въ „Руссійскомъ магазинѣ“, издаваемомъ Туманскимъ, въ 1793 году (іюнь и декабрь) былъ напечатанъ переводъ той части

¹⁾ См. предисловіе Посселята къ изданію дневника I, стр. XIX.

²⁾ См. объ этомъ переводѣ предисловіе къ изданію Посселята, томъ I, стр. XXI и XXIV, и далѣе III томъ, стр. 360.

дневника, которая относится къ 1684 и 1685 годамъ ¹⁾. Наконецъ, въ 1800 году Голиковымъ были изданы вмѣстѣ біографіи Лефора и Гордона ²⁾.

Изъ замѣчаній Сахарова по случаю сообщеннаго имъ въ „Запискахъ русскихъ людей“ отрывка перевода дневника Гордона видно, что въ 1784 году списокъ дневника былъ составленъ какимъ-то Англичаниномъ Джономъ Ридлеемъ по приказанію одного вельможи ³⁾. О переводѣ одного изъ томовъ дневника г. Кэлеромъ (Köhler) младшимъ на русскій языкъ упомянуто въ замѣткѣ Аделунга въ его сочиненіи „Uebersicht der Reisenden in Russland“ ⁴⁾. Объ англійской книжкѣ о Гордонѣ, купленной Тургеневымъ у одного книгопродавца въ Лондонѣ, упоминаетъ Поссельтъ ⁵⁾, замѣчая при этомъ, что онъ не имѣлъ возможности приобрести эту книжку. Мы знаемъ только, что этотъ трудъ былъ извлеченъ изъ тѣхъ частей дневника, которыя относятся къ эпохѣ отъ 1684 до 1698 года.

Въ послѣднее время, какъ намъ кажется, не было обращено достаточнаго вниманія на Гордона. Такъ, напримѣръ, въ изданіяхъ Бантышъ-Каменскаго ему не посвящено статьи. Даже въ трудѣ „Дѣянія знаменитыхъ полководцевъ и министровъ при Петрѣ Великомъ (Москва, 1812)“ не упомянуто о Гордонѣ. Аделунгъ въ своемъ сочиненіи „Uebersicht der Reisenden in Russland“ (1846) говоритъ о Гордонѣ весьма кратко, а къ тому же ошибочно указываетъ на 1661—80 года, какъ на время пребыванія въ Россіи Гордона ⁶⁾. Германъ при изданіи „Geschichte des russischen Staats“, не могъ пользоваться дневникомъ Гордона, потому что первый томъ изданія этого памятника въ нѣмецкомъ переводѣ вышелъ одновременно съ четвертымъ томомъ сочиненія Германа (въ 1849 году).

Въ 1849 году явился первый томъ нѣмецкаго изданія Поссельта, въ 1851 году второй томъ, въ 1852 году третій ⁷⁾. Въ первомъ

¹⁾ См. предисловіе Поссельта I, стр. XXI.

²⁾ Историческое изображеніе жизни и всѣхъ дѣлъ... Лефорта и сослужебника его, подобно же посвятившаго себя службѣ отечества, нашего знаменитаго Шотландца войскъ его величества генерала - аншефа Патрика Гордона и проч. Москва. 1800.

³⁾ Сахаровъ, Зап. р. людей. Приложенія, стр. 97.

⁴⁾ II, 365.

⁵⁾ I, XXIII.

⁶⁾ II, 364.

⁷⁾ I, въ Москвѣ, II и III въ С.-Петербургѣ.

томъ показаны издателями князь Оболенскій и докторъ М. Посельтъ, во второмъ издателемъ является только послѣдній. Предисловія къ изданію и разныя замѣчанія и приложения писаны, очевидно, исключительно Посельтоу. Довольно дѣльно составленный біографическій очеркъ въ первомъ томѣ, однако, не обратилъ на себя достаточно вниманія ученыхъ, такъ какъ, напримѣръ, даже у Устрялова въ первомъ томѣ „Исторіи царствованія Петра Великаго“¹⁾ встрѣчаются разныя неточности, какъ, напримѣръ, замѣчаніе, будто Гордонъ находился десять лѣтъ въ польской службѣ, будто онъ въ своемъ дневникѣ „говоритъ только о самомъ себѣ“ и т. п.

Впрочемъ, Устряловъ вполне умѣлъ цѣнить значеніе дневника Гордона, которымъ онъ при своемъ трудѣ о Петрѣ пользовался весьма добросовѣстно, обращаясь даже къ самому подлиннику. Характеризуя содержаніе дневника, Устряловъ пишетъ: „Сокровище неоцѣненное, матеріалъ по преимуществу историческій, не уступающій никакому акту въ достовѣрности, исполненный множествомъ любопытнѣйшихъ подробностей! Онъ тѣмъ болѣе важенъ, что о царствованіи Петра до 1700 года сохранились скудныя извѣстія и проч“.

Вообще же при разработкѣ исторіи второй половины XVII-го вѣка дневникъ Гордона не въ достаточной мѣрѣ былъ принимаемъ въ соображеніе нашими историками. Такъ, напримѣръ, г. Соловьевъ при составленіи своей „Исторіи Россіи“ пользовался имъ какъ-то случайно. За исключеніемъ нѣкоторыхъ замѣтокъ о походахъ Голицына въ XIV-мъ томѣ своего труда, а далѣе весьма важныхъ данныхъ о событіяхъ 1689 года, заимствованныхъ изъ дневника Гордона, г. Соловьевъ даже въ такихъ случаяхъ не прибѣгалъ къ дневнику Гордона, въ которыхъ этотъ памятникъ можетъ служить важнѣйшимъ источникомъ. Сюда относятся между прочимъ Чигиринскіе походы; выписки нѣкоторыхъ случаевъ неприятностей, которыя имѣлъ Гордонъ съ русскими подъячими, въ сочиненіи г. Соловьева имѣютъ характеръ какой-то случайной ссылки.

Г. Замысловскій въ своемъ сочиненіи „Царствованіе Θεодора Алексѣевича“, говоритъ о дневникѣ Гордона весьма кратко, замѣчая только, что это „драгоценный и одинъ изъ наиболѣе важныхъ источниковъ для исторіи турецкой войны въ царствованіе Θεодора Алексѣевича“. О другихъ источникахъ въ сочиненіи г. Замысловскаго говорится гораздо подробнѣе.

¹⁾ I, LXXXVI.

Изложеніе біографіи Гордона и изслѣдованіе о значеніи дневника его въ ряду историческихъ источниковъ второй половины XVI-го вѣка, имѣетъ цѣлю обратитъ вниманіе нашихъ изслѣдователей на этотъ предметъ, полный недостаточнo оцѣненный. Обстоятельства заставляли насъ при этомъ случаѣ ограничиваться разборомъ изданія дневника Гордона, страдающаго, какъ мы увидимъ ниже, многими недостатками. При громадности размѣровъ подлинника, едва ли можно рассчитывать на новое изданіе, болѣе удовлетворяющее требованіямъ науки. Печатаніе дневника цѣликомъ на англійскомъ языкѣ съ надлежащими объясненіями могло бы быть дѣломъ весьма полезнымъ, но печатаніе отъ шести до девяти большихъ томовъ было бы сопряжено съ большими расходами, между тѣмъ какъ трудность подлиннаго нарѣчія дневника и объемъ его едва ли дозволили бы многимъ историкамъ воспользоваться этимъ источникомъ надлежащимъ образомъ. Если уже гораздо легче доступное каждому трехтомное нѣмецкое изданіе сравнительно мало, можно даже сказать, лишь въ видѣ исключенія было принято въ соображеніе изслѣдователями исторіи XVII-го вѣка, еще менѣе можно рассчитывать на научную разработку англійскаго подлинника дневника.

Жизнь Патрика Гордона.

Молодость.

Родъ Гордоновъ уже въ XV-мъ столѣтіи занималъ въ Шотландіи видное мѣсто. Александръ Гордонъ въ 1449 году былъ удостоенъ графскаго достоинства. Во время борьбы Карла I съ революціоннымъ парламентомъ члены этого рода были роялистами. Георгъ Гордонъ, захваченный въ плѣнъ противниками короля, былъ казненъ въ 1649 году. Когда вступилъ на престолъ Карлъ II, въ 1660 году все семейство было удостоено разныхъ наградъ и почестей. Одинъ членъ его былъ возведенъ въ герцогское достоинство. Объ этомъ „Duke of Gordon“ упоминается довольно часто въ дневникѣ Гордона; съ нимъ Патрикъ Гордонъ находился въ перепискѣ; онъ считался главою всего рода и занималъ высокія должности. Въ 1686 году онъ былъ губернаторомъ въ Эдинбургѣ ¹⁾. Патрикъ Гордонъ, какъ мы увидимъ;

¹⁾ О немъ не разъ упомянуто между прочимъ въ сочиненіи Маколея, напр. II (Tauchnitz edition), стр. 350 и III, 395. «the Duke of Gordon a great Roman catholic».

въ этомъ году бывшій въ Шотландіи, обращался съ нимъ съ глубокимъ почтеніемъ. Въ своихъ письмахъ къ нему, нашъ Гордонъ называетъ своего родственника „Young Grace“ ¹⁾. Всѣ Гордоны оставались вѣрными дому Стюартовъ и поэтому многіе члены этого рода по случаю первой и по случаю второй революціи въ Англіи оставили свое отечество, переселяясь въ разныя страны. Не только политическія, но также и религіозныя причины заставляли ихъ сдѣлаться эмигрантами: они были ревностными католиками. Имя Гордоновъ встрѣчается весьма часто во второй половинѣ XVII-го вѣка въ войскахъ шведскихъ, польскихъ, русскихъ, прусскихъ, австрійскихъ и французскихъ. Далѣе мы встрѣчаемъ нѣкоторыхъ купцовъ Гордоновъ въ разныхъ городахъ, напримѣръ, въ Кенигсбергѣ, Замосцѣ, Львовѣ, Роттердамѣ, Хмѣльницѣ. Изъ сорока Гордоновъ, упоминаемыхъ въ дневникѣ, кромѣ членовъ семейства Патрика Гордона въ тѣсномъ смыслѣ, впрочемъ, нѣкоторые не были, какъ кажется, родственниками его.

Патрикъ Гордонъ родился 31-го марта 1635 года въ Шотландіи, въ имѣніи своего отца Джона Гордона, въ Эбердинскомъ графствѣ ²⁾. Его мать, рожденная Огильви, принадлежала также къ извѣстному въ исторіи Шотландіи роду ³⁾. Патрикъ Гордонъ, какъ членъ младшей линіи этого рода, не имѣлъ ни графскаго, ни герцогскаго достоинства. Какъ младшій сынъ — у него былъ старшій братъ Александръ — онъ не могъ ожидать наслѣдства отъ отца. О своемъ гербѣ онъ говоритъ подробно въ одномъ изъ писемъ отъ 1693 года ⁴⁾.

Братъ Гордона скончался въ 1665 году (I, 360). Родители умерли до 1685 года, какъ видно изъ прошенія Гордона въ этомъ году, въ

¹⁾ См. факсимиле письма Патрика Гордона къ герцогу Гордону въ приложеніи къ третьему тому дневника.

²⁾ Во всѣхъ біографическихъ очеркахъ, день рожденія Гордона ошибочно показанъ 31-го мая. И Поссельтъ дѣлаетъ эту ошибку (I. XXXII), ссылаясь при этомъ на надгробную надпись. На послѣдней однако (I. LVIII) показано 31-е марта. Въ дневникѣ ежегодно 31-го марта упоминаетъ Гордонъ о своемъ рожденіи въ этотъ день.

³⁾ О своихъ предкахъ рода Огильви Гордонъ собралъ разныя свѣдѣнія, см. III. 210 (1698).

⁴⁾ Къ купцу Меверелю въ Лондонѣ, III, 334. «drei wilde Schweinsköpfe mit einem kleinen halben Monde in der Mitte, wodurch selbige getrennt werden und oben mit einer Perlenkrone bedeckt».

которомъ сказано, что онъ „въ прошедшемъ году получилъ извѣстіе о кончинѣ своихъ родителей“ (II 85).

О своемъ дѣтствѣ Гордонъ разказываетъ въ началѣ дневника. Начиная съ 1640 года, онъ вмѣстѣ съ братомъ посѣщаль сельскую школу. Уже въ 1651 году, значить, когда ему было не болѣе 16-ти лѣтъ, онъ рѣшился покинуть своихъ родныхъ и родину. Во время самаго разгара революціи онъ не могъ рассчитывать на воспитаніе въ какомъ-либо университетѣ Англіи или Шотландіи: онъ былъ строгимъ приверженцемъ католицизма, между тѣмъ какъ католики подвергались гоненію со стороны республиканскаго правительства. Какъ младшій сынъ, онъ не могъ рассчитывать на полученіе имѣнія отца; желаніе повидать свѣтъ, попутешествовать, а далѣе и кака-то любовная связь, расторженіе которой казалась дѣломъ необходимымъ—вотъ важнѣйшія причины удаленія Гордона изъ Шотландіи. Достойно вниманія слѣдующее обстоятельство: онъ замѣчаетъ, что въ то время, когда онъ покинулъ родину, онъ не имѣлъ нигдѣ ни родныхъ, ни знакомыхъ (I, 3). Въ слѣдующихъ десятилѣтіяхъ Гордонъ, какъ мы видимъ изъ разказовъ о его путешествіяхъ и изъ его переписки со многими лицами, имѣлъ родныхъ и знакомыхъ всюду, въ разныхъ городахъ Польши, Германіи, Нидерландовъ и проч., не говоря уже о Россіи, гдѣ онъ сдѣлался, такъ сказать, главнымъ лицомъ въ извѣстной нѣмецкой слободѣ.

Два года онъ оставался въ іезуитской коллегіи въ Браунсбергѣ. Хотя онъ и впоследствии хвалилъ это училище, куда и отправилъ для обученія своего сына, онъ уже въ 1653 году, (такъ какъ ему не понравилось житье-бытье въ этомъ тихомъ и преданномъ наукѣ мѣстѣ) рѣшился бѣжать оттуда, имѣя лишь нѣсколько талеровъ денегъ, одежду ученика іезуитскаго ордена, нѣсколько бѣлья и небольшое число книгъ. Довольно подробно разказывается въ началѣ его записокъ цѣлый рядъ разныхъ приключеній во время его странствованія (III, 401—417). Онъ находился нѣкоторое время въ Кульмѣ, въ Познани, наконецъ, въ Гамбургѣ. Тутъ онъ познакомился съ нѣкоторыми шотландцами, поступившими въ шведскую военную службу. Бывши вообще склоннымъ къ военной службѣ, онъ самъ поступилъ въ шведское войско, кавалеристомъ.

Какъ извѣстно, именно въ то время началась война между Польшею и Швеціею. Гордону было двадцать лѣтъ, когда онъ началъ участвовать въ этой войнѣ. Хотя онъ и былъ рядовымъ, онъ, какъ видно изъ его записокъ, съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за поли-

тическими событиями, за дипломатическими переговорами между Швецією и Польшею и старался составить себѣ точное понятіе о значеніи военныхъ событий. Нѣсколько разъ онъ былъ раненъ (I, 18, 24, 29). Въ декабрѣ 1655 года онъ былъ взятъ въ плѣнъ Поляками. На этотъ разъ онъ спасся бѣгствомъ; схваченный во второй разъ въ плѣнъ, онъ семнадцать недѣль содержался подъ арестомъ и, наконецъ, рѣшился поступить въ военную службу у Поляковъ ¹⁾.

Гордонъ служилъ въ драгунскомъ полку, начальникомъ котораго былъ Константинъ Любомирскій и въ которомъ находилось много иностранцевъ разныхъ народностей. Мало по малу Гордонъ научился польскому языку; онъ разказываетъ подробно, какъ одна Поляка, за нимъ ухаживавшая, старалась научить его вѣрному произношенію этого языка. Безъ сомнѣнія, такого рода упражненія были полезнымъ приготовленіемъ къ изученію впоследствии русскаго языка. Далѣе онъ разказываетъ, какъ искалъ случаевъ участвовать въ разныхъ военныхъ операціяхъ съ цѣлью расширить кругъ своихъ познаній и своей опытности въ военныхъ дѣлахъ (I, 68). Весьма пространно въ дневникѣ говорится о разныхъ приключеніяхъ, объ опасностяхъ, которымъ подвергался Гордонъ, о его образѣ дѣйствій при обращеніи съ Поляками по случаю добыванія для войска надлежащихъ припасовъ. При этомъ онъ не забывалъ и своего кармана.

Еще въ продолженіе того же 1656 года, Гордонъ былъ взятъ въ плѣнъ бранденбургскими войсками, союзниками Шведовъ. Его уговорили вновь поступить въ шведскую службу. — Въ настоящее время столь частая перемѣна службы оказалась бы, разумѣется, невозможнымъ дѣломъ и считалась бы измѣною. Въ то же время, когда наемныя войска играли столь важную роль, на это смотрѣли иначе не только искатели приключеній, но и сами правительства. Потому такой образъ дѣйствій не заслуживаетъ упрека. Гордонъ своею нравственною стойкостью даже выше многихъ современниковъ и сослуживцевъ.

¹⁾ Въ разныхъ біографическихъ очеркахъ, между прочимъ у *Берманна* «*Peter der Grosse als Mensch und Regent*» VI, стр. 176, разказывается слѣдующее: въ началѣ 1656 года Гордонъ былъ взятъ въ плѣнъ Поляками и за разграбленіе какой-то церкви приговоренъ къ смертной казни. Его спасло католическое исповѣданіе и ручательство за него какого-то францисканскаго монаха. Послѣ этого онъ рѣшился поступить въ польскую службу. Изданіе дневника (I, 38) именно въ этомъ мѣстѣ весьма сокращено, но едва ли издатель пропустилъ бы столь важное обстоятельство, не упомянутое въ изданіи.

Разказъ Гордона о разныхъ военныхъ событіяхъ, въ которыхъ онъ участвовалъ, весьма подробенъ. Онъ отличался нѣкоторымъ образованіемъ, о которомъ между прочимъ свидѣтельствуетъ вниманіе, съ которымъ онъ слѣдилъ за современными политическими событіями; особенною храбростію и неустрашимостію снискалъ уваженіе своихъ товарищей, честностію и распорядительностію всюду — и въ Польшѣ, и въ шведскомъ войскѣ и затѣмъ въ Россіи — обращалъ на себя вниманіе своихъ начальниковъ.

Какъ кажется, онъ успѣлъ уже въ это время приобрести нѣкоторое матеріальное благоеостояніе. Онъ содержалъ прислугу, имѣлъ нѣсколько лошадей; иногда представлялся удобный случай путемъ контрибуцій добывать и денегъ и разные другіе предметы. Впрочемъ, онъ весьма часто подвергался разнымъ непріятнымъ случайностямъ. Два, три раза онъ лишился своихъ пожитковъ по случаю пожаровъ, былъ ограбленъ крестьянами и вообще весьма часто находился въ опасности (I, 136—147).

Любопытно то обстоятельство, что Гордонъ на нѣкоторое время вышелъ въ отставку, находя для себя болѣе выгоднымъ жить частнымъ человѣкомъ. Онъ не считалъ грѣхомъ и тогда предпринимать вмѣстѣ съ нѣкоторыми земляками разные наѣзды съ цѣлью грабежа. Онъ даже хвалился, что онъ и его товарищи въ качествѣ такихъ мародѣровъ приобрѣли громкую извѣстность во всемъ краѣ (I, 153). Затѣмъ онъ опять поступилъ въ Шведамъ въ регулярную службу, однако сдѣлалъ это неохотно, такъ какъ, по его замѣчанію, любилъ разгульную жизнь, представлявшую ему значительныя выгоды (I, 155).

Въ ноябрѣ 1658 года онъ опять былъ взятъ въ плѣнъ. Не смотря на всѣ усилія Шведовъ освободить его, Поляки не желали лишиться Гордона, надѣясь склонить его къ поступленію во второй разъ въ польскую службу (I, 163—169). Какъ видно, Гордонъ умѣлъ составить себѣ хорошую репутацію храбраго воина, опытнаго офицера. На него иногда въ шведскомъ войскѣ возлагали разные денежныя порученія. Онъ сдѣлался полковымъ квартирмейстеромъ, получилъ 100 талеровъ на подѣмъ, познакомился лично съ кронмаршаломъ Любомирскимъ, который, между прочимъ, при взятіи города Грауденца пользовался совѣтами Гордона и оказывалъ ему покровительство.

Скоро Гордону пришлось встрѣтиться съ Русскими, воевавшими тогда съ Польшею изъ-за Малороссіи. Онъ участвовалъ въ битвахъ на Волини у Любара и при Чудновѣ осенью 1660 года и былъ

свидѣтелемъ страшнаго пораженія Шереметева. Еще въ 1690 году онъ въ письмѣ къ сыну Джемсу вспоминалъ объ этой Чудновской битвѣ (III, 256). Въ октябрѣ 1660 года онъ былъ раненъ двумя мушкетными пулами (I, 242). Ему пришлось имѣть надзоръ надъ двумя тысячами плѣнныхъ казаковъ (I, 250 и слѣд.).

Въ томъ же 1660 году на англійскій престолъ вступилъ Карлъ II. Эта важная перемяна заставила Гордона желать возвращенія на родину. Онъ обратился къ Любомирскому съ просьбою объ отставкѣ (I, 260), но Любомирскій уговорилъ его остаться еще хотя бы нѣкоторое время и возвелъ его въ капитаны. Къ тому же и отецъ Гордона писалъ ему, что въ Англии едва ли представится случай къ дальнѣйшей карьерѣ. Однако, Гордонъ все-таки не желалъ оставаться въ Польшѣ. Въ это время ему съ двухъ сторонъ были сдѣланы предложенія: и со стороны Австрiи и со стороны Россiи ¹⁾).

Тогда въ Польшѣ находился для веденія переговоровъ о размѣнѣ всенноплѣнныхъ русскiй дипломатическiй агентъ Леонтьевъ, съ которымъ Гордонъ познакомился по случаю выкупа изъ плѣна двухъ знатныхъ русскiхъ офицеровъ. Послѣднiе, весьма довольные обращенiемъ съ ними Гордона, просили своихъ начальниковъ пригласить его ко вступленiю въ русскую службу (I, 275). Леонтьевъ предлагалъ ему прiѣхать въ Россiю лишь на три года: одинъ годъ онъ долженъ былъ служить маiоромъ, два года подполковникомъ. Гордонъ медлил рѣшительнымъ отвѣтомъ. Между тѣмъ, къ нему обратился и австрiйскiй посланникъ баронъ д'Изола съ предложенiемъ взять на себя устройство кавалерiйскаго полка. Гордону было тогда 26 лѣтъ: онъ рѣшился принять предложенiе и почетное и выгодное въ матеріальномъ отношенiи. Сговорившись уже съ нѣкоторыми другими Шотландцами о путешествiи въ Австрiю, онъ получилъ отъ Любомирскаго грамоту объ отставкѣ съ похвальнымъ отзывомъ, однако нѣсколько дней спустя австрiйскiй посланникъ изъ Вѣны получилъ противоположныя порученiя: наборъ войскъ былъ приостановленъ. Гордонъ, обманутый въ своихъ надеждахъ, жаловался по-

¹⁾ Г. Ф. Мюллеръ въ статьѣ, помѣщенной въ «Petersburger Journal», апрѣль 1778 года, стр. 258, разсказываетъ, будто Гордонъ получилъ отставку въ Польшѣ по случаю мира, заключеннаго въ Оливѣ (3 мая 1660 года), и что это обстоятельство принудило его поступить въ русскую службу. Значитъ, ему была неизвѣстна та часть дневника, въ которой разсказано о военныхъ событияхъ осени 1660 года.

сланнику, выставляя на видъ, что онъ теперь лишился выгоднаго мѣста въ Польшѣ. Баронъ д'Изола предлагалъ ему удовлетвореніе суммою 1000 талеровъ, сверхъ того обѣщался доставить ему мѣсто въ Вѣнѣ и Гордонъ уже готовился было къ отъѣзду въ Австрію. Однако съ одной стороны друзья и знакомые старались убѣдить его въ невыгодности такой поѣздки, а съ другой Леонтьевъ и находившійся въ русской службѣ полковникъ Крофурдъ (Crawfuirde) уговаривали его переѣхать въ Москву. Гордонъ рѣшился. Оставалось только отдѣлаться отъ Австрийцевъ. Онъ исполнилъ это довольно іезуитскимъ способомъ, выдумавъ сложную исторію о постигшей его болѣзни, о которой онъ сообщилъ подробно въ двухъ письмахъ. Самъ же онъ готовился къ отъѣзду въ Россію ¹⁾).

ПРІВЪЗДЪ ВЪ РОССІЮ.

Начало образованія такъ называемаго иноземнаго строя относится къ царствованію Θεодора Іоанновича. При Борисѣ Годуновѣ иноземная дружина, въ 2,500 человекъ, состояла наиболѣе изъ Поляковъ и Ливонцевъ, но также изъ Шотландцевъ, Датчанъ, Шведовъ, Цесарцевъ, Французовъ и Грековъ. Извѣстно, какую роль при Борисѣ и при Димитріѣ игралъ Маржере. Во время Шуйскаго и народнаго ополченія Русскіе предпочли не рассчитывать на помощь наемныхъ людей. За то при царѣ Михаилѣ, а еще болѣе при царѣ Алексѣѣ, возобновилось приглашеніе иностранцевъ въ русскую службу. При царѣ Михаилѣ два полковника, Лесли и фанъ-Дамъ, были отправлены за границу для набора нѣсколькихъ тысячъ *охочихъ нмцевъ*. Число иностранцевъ, пріѣхавшихъ въ Россію при Алексѣѣ Михайловичѣ росло по мѣрѣ того, какъ съ одной стороны Россія во время войнъ съ Польшею нуждалась въ опытныхъ офицерахъ, и какъ съ другой стороны на Западѣ послѣ тридцатилѣтней войны многіе

¹⁾ О поступленіи Гордона въ русскую службу существуютъ даже въ современныхъ источникахъ неточныя показанія. Такъ, напримѣръ, въ сочиненіи Корба «*Diarium itineris*» стр. 216 сказано, что Гордонъ былъ взятъ въ плѣнъ Русскими и вслѣдствіе этого былъ принужденъ оставаться въ Россіи. То же самое разказываетъ Веберъ «*Verändertes Russland*» III, 143, при чемъ Гордонъ сравнивается съ Юсифомъ въ Египтѣ.— Можно удивляться тому, что даже и Александръ Гордонъ, зять Патрика Гордона, упоминаетъ въ своей исторіи Петра Великаго, стр. 145, о поступленіи Гордона въ русскую службу, сообщаетъ разныя небывальщизны, напримѣръ, будто Гордонъ пріѣхалъ въ Россію вмѣстѣ съ Божговеномъ, на дочери котораго Гордонъ впоследствии женился, и т. п.

люди остались безъ дѣла и были готовы наниматься въ чужія государства.

Главною цѣлью при вызовѣ иностранныхъ офицеровъ было обученіе войскъ иноземному строю, въ составѣ 9-ти корпусовъ, опредѣленныхъ росписаніемъ царя Θεодора Алексѣевича; въ послѣдній годъ его жизни находилось уже 63 полка иноземнаго строя, въ томъ числѣ 25 полковъ конныхъ рейтарскихъ и конейныхъ и 38 пѣшихъ солдатскихъ; наборъ иностранцевъ продолжался при Софїи для походовъ въ Крымъ, при Петрѣ для Азовскихъ походовъ ¹⁾. Корбъ прямо говоритъ, что полки, по большей части, вѣраются полковникамъ изъ Нѣмцевъ и что Русскіе, не имѣя свѣдѣній въ артиллерійской науцѣ, вынуждены содержать иностранцевъ, прїѣзжающихъ изъ разныхъ земель ²⁾.

Между этими прїѣзжими иностранцами, посвящавшими себя военному дѣлу, было особенно много Шотландцевъ. Обѣ революціи въ Великобританіи въ XVII столѣтіи заставили многихъ роялистовъ и католиковъ покинуть свое отечество. Они цѣлыми толпами прїѣзжали въ Московское государство и въ Польшу. Въ дневникѣ Гордона упоминается о множествѣ такихъ случаевъ. Такъ напр. въ 1657 году въ Прейсшъ-Голландѣ (близъ Кенигсберга) онъ встрѣтилъ 43 Шотландца, готовившихся къ отъѣзду въ Ригу, съ намѣреніемъ поступить въ шведскую службу (I, 127). Нѣсколько разъ Гордонъ упоминаетъ о многихъ шотландскихъ сослуживцахъ въ польскомъ (I, 133), австрійскомъ и шведскомъ войскахъ (I, 134, 165, 183, 260). У Шведовъ былъ особый отрядъ, состоявшій исключительно изъ Шотландцевъ и называвшійся Дугласскимъ. На пути въ Россію, Гордонъ встрѣтился съ разными соотечественниками, въ обществѣ которыхъ онъ совершилъ свое путешествіе въ Москву (I, 285). Нѣкоторые изъ этихъ офицеровъ были женаты и ѣхали съ своими семействами. Въ Россіи уже находилось много Шотландцевъ, напр. Крофурдъ ³⁾, Даліель, Друммондъ, Бокговенъ, Уйнрамъ и проч. Въ разныхъ городахъ, между прочимъ въ Краковѣ, Псковѣ (I, 202, 287, 375) Гордонъ встрѣчался

¹⁾ Устряловъ, I. с. 183—184.

²⁾ Корбъ, Diarium p. 182 и 185.

³⁾ У Устрялова. I. 181, не вѣрно показано, что Крофурдъ въ 1661 году съ 30 офицерами, въ числѣ которыхъ былъ и Гордонъ, прїѣхалъ въ Россію. Изъ дневника Гордона, I. 241, видно, что Крофурдъ уже въ 1660 году, находившійся въ русской службѣ, былъ раненъ въ Польшѣ.

съ Шотландцами. Иногда такія встрѣчи были ему непріятны, и онъ избѣгалъ ихъ, какъ видно между прочимъ изъ его разказа о поѣздѣ въ Англію въ 1666 г. (I, 370—371). Самъ онъ однако не разъ приглашалъ своихъ соотечественниковъ переезжать въ Москву, особенно послѣ революціи 1688 года (см. напр. II, 638).

Довольно значительное число Гордоновъ было въ Россіи. Еще до Патрика Гордона мы встрѣчаемъ двухъ Гордоновъ, находившихся въ русской военной службѣ. Сохранилась челобитная капитана Вильяма Гордона къ царю Михаилу отъ 1631 года ¹⁾. Въ 1634 году подполковникъ Александръ Гордонъ получилъ значительную сумму денегъ изъ казны ²⁾. Объ Андрѣ Гордонѣ упомянуто въ полномъ собраніи законовъ ³⁾. Патрикъ Гордонъ уже въ Германіи и Польшѣ засталъ многихъ Гордоновъ. Такъ напр. онъ упоминаетъ о Джонѣ Гордонѣ, находившемся въ плѣну у Поляковъ (I, 133), о ротмистрѣ Патрикѣ Гордонѣ „съ стальною рукою“, командовавшемъ отрядомъ польскихъ войскъ (I, 133, 289, 405 и слѣд.). Какой-то Адамъ Гордонъ въ 1659 году былъ убитъ въ Польшѣ (I, 183); о дружбѣ съ Маргеретомъ Гордономъ въ Польшѣ упоминаетъ нашъ Гордонъ въ своемъ дневникѣ въ 1659 г. (I, 200). Лордъ Генри Гордонъ служилъ также въ Польшѣ (I, 220). До 1868 г., какъ кажется, Патрикъ Гордонъ оставался единственнымъ представителемъ своего рода въ Россіи; за то катастрофа Якова II-го въ Англіи заставила нѣкоторыхъ переезжать въ Россію. Впрочемъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до паденія Якова II-го, нѣкто Джонъ Гордонъ пріѣхалъ въ Россію для посѣщенія своего родственника Патрика Гордона и для изученія русскаго языка (I, 225, 238, 641). Онъ оставался всего лишь три мѣсяца въ Россіи и не поступилъ въ русскую службу. Въ 1691 году пріѣхалъ въ Россію другой родственникъ Гордона, Андрей Гордонъ (I, 642). Еще другой родственникъ Патрика, Герри Гордонъ, въ томъ же 1691 году, въ письмахъ къ патриарху, изъявилъ желаніе поступить въ русскую службу и дѣйствительно пріѣхалъ въ Россію (III, 280—281, II. 345, 348, 350, 354, 381). Также и Александръ Гордонъ, женившійся на дочери Гордона, до этого былъ уже родственникомъ Патрика. Онъ извѣстенъ подъ именемъ Ахицтуль: такъ называлось его имѣніе въ Шотландіи.

¹⁾ См. приложение въ изд. дн. Гордона, I, 610.

²⁾ Тамъ же, 611.

³⁾ IV, стр. 619, 647.

О немъ весьма часто говорится въ дневникѣ ¹⁾. Нѣкто Францъ Гордонъ, также родственникъ Гордона, пріѣхалъ въ Россію въ 1695 г. ²⁾. Джорджъ Гордонъ, пріѣхавшій въ Россію, называлъ Патрика „двоюроднымъ дядею“ (I, 644). Ома Гордонъ пріѣхалъ въ 1698 году и поступилъ въ русскую службу. О сыновьяхъ Гордона, находившихся въ русской службѣ, мы будемъ говорить далѣе. О какомъ-то фокусникѣ Гордонѣ, находившемся въ Россіи въ 1699 году и старавшемся спастись отъ преслѣдованія полиціи въ домѣ Патрика Гордона, упоминаетъ Корбъ ³⁾. Послѣ смерти нашего Гордона, мы встрѣчаемъ напр. Ому Гордона въ 1717 г. (I. LXVI), далѣе, владѣльца рукописи дневника Гордона и пр.

Мы видѣли выше, что Гордонъ рѣшаясь вступить въ русскую службу, могъ рассчитывать на пребываніе въ Россіи въ продолженіе трехъ лѣтъ. Таковы были предложенія, сдѣланныя ему Леонтьевымъ и Крофурдомъ (I, 275). Дѣйствительно, иногда бывали случаи, что иностранцы, вступавшіе въ русскую службу, заключали при посредствѣ пословъ и агентовъ условія на извѣстный срокъ, а по окончаніи этого срока возвращались во свояси ⁴⁾. Во многихъ случаяхъ однако правительство, нуждаясь въ иностранцахъ, весьма неохотно отпускало ихъ и весьма часто вовсе не освобождало ихъ отъ русской службы. Уже въ началѣ XVII вѣка правило о неувольненіи поступившихъ въ русскую службу иностранцевъ встрѣчается въ полной силѣ. Такъ напр. Маржере, говоря о затрудненіи перешагнуть чрезъ границу вообще, замѣчаетъ, что пока вовсе не было случая увольненія изъ русской службы, и что онъ представлялъ собою первый примѣръ такого рода ⁵⁾. Когда при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ Мерикуъ былъ въ Россіи англійскимъ дипломатомъ, онъ просилъ, чтобы отпустили домой англійскаго дворянина Астона, который боленъ отъ ранъ и на его мѣстѣ будетъ служить его сынъ, бояре отвѣчали, что издавна повелось изъ государевой службы никого не отпускать. Мерикуъ даже безуспѣшно просилъ, чтобы отпустили жену Астона ⁶⁾.

¹⁾ См. замѣтку о немъ Посселята. I. LXV, документъ 644—49; III. 371—374. *Устряловъ*, I. с. I. LXVI.

²⁾ Въ дневникѣ о немъ не упомянуто. I. 653.

³⁾ *Diarium itineris*, p. 100.

⁴⁾ *Устряловъ*, I, 183.

⁵⁾ *Etat de l'empire de Russie et grand duché de Moscovie*, p. 38 (ed. 1821).

⁶⁾ *Соловьевъ*, IX. 119.

Такихъ случаевъ было много и впоследствии ¹⁾). Гордонъ самъ испыталъ это на себѣ и въ письмахъ къ сыну Джемсу и къ родственнику Герри Гордону повторялъ, что разъ вступивъ въ русскую службу, нельзя отдѣлаться отъ нея.

Онъ не подозрѣвалъ, что порѣшивъ съ Леонтьевымъ, связать себя на всю свою жизнь. Въсто предполагаемыхъ трехъ лѣтъ, онъ оставался въ русскомъ войскѣ 38 лѣтъ, то-есть, до гроба. Не раньше какъ въ 1692 году, какъ кажется, Гордонъ разстался со своею любимую мыслью кончить жизнь въ Шотландіи. Онъ сдѣлалъ въ Россіи блестящую карьеру, имѣлъ возможность оказать существенныя услуги Петру Великому; нельзя однако сказать, чтобы Гордонъ полюбилъ Россію. Всѣ почести и матеріальныя выгоды, обширный кругъ дѣйствій, участіе въ важнѣйшихъ событіяхъ, привязанность къ нему Петра Великаго, большой кругъ знакомыхъ, друзей и родственниковъ, который окружалъ его въ Москвѣ, особенно же въ нѣмецкой слободѣ— все это не могло замѣнить ему родины.

Впрочемъ, онъ очень скоро привыкъ къ своему новому положенію, женился въ Москвѣ, необычайно ловко устраивалъ свои дѣла и успѣвалъ въ достиженіи предполагаемыхъ цѣлей.

Переговоры между Гордономъ и Леонтьевымъ происходили въ Варшавѣ. Онъ выѣхалъ изъ этого города 26-го іюля 1661 года (I. 283). Описаніе этого путешествія сдѣлано имъ довольно подробно.

Первою цѣлью путешествія былъ городъ Рига. Очень скоро послѣ рѣшенія вступить въ Россію и Гордонъ и Менезесъ жалѣли объ этомъ рѣшеніи. Въ Ригѣ они встрѣтили кое-какихъ знакомыхъ, съ которыми совѣтовались. Гордонъ искалъ случая отдѣлаться отъ путешествія въ Москву, узнавъ, что жалованье ратнымъ людямъ въ Москвѣ бываетъ скудное, но что оно выплачивается правильно въ срокъ (I, 285). Впоследствии оказалось, какъ мы увидимъ, совершенно противное: не столько на скудость оклада могли жаловаться иностранцы, сколько на неточную уплату его.—Полученныя свѣдѣнія, а также, какъ онъ замѣчаетъ, „данное слово“ заставили Гордона ѣхать дальше. Въ Кокенгузенѣ, недавно занятомъ русскими войсками, Гордонъ видѣлъ русскій гарнизонъ. Сравненіе между Русскими и Поляками оказалось весьма невыгоднымъ для первыхъ. Кокенгузенъ очень не понравился Гордону. Все это заставляло задумываться. Еще менѣе бла-

¹⁾ См. любопытный случай съ какимъ-то поручикомъ, разказанный Корбомъ, 125.

гопріятно было впечатлѣніе, произведенное на путешественниковъ Псковомъ; городъ показался грязнымъ, жители угрюмыми. Гордонъ былъ въ самомъ нехорошемъ расположеніи духа. Къ тому же тамъ господствовала страшная дороговизна вслѣдствіе выпущенныхъ правительствомъ нѣсколькими годами раньше мѣдныхъ денегъ, упавшихъ въ цѣнѣ. Гордонъ до того былъ недоволенъ своимъ положеніемъ, что вовсе не обращалъ вниманія на красивыя мѣстности, чрезъ которыя проѣзжали спутники.

2-го сентября Гордонъ пріѣхалъ въ Москву и остановился въ нѣмецкой слободѣ.

Изъ сочиненія Мейерберга, сопровождаеннаго рисунками, мы знаемъ какой видъ имѣла нѣмецкая слобода именно въ то время, когда туда пріѣхалъ Гордонъ. ¹⁾ Тутъ уже при Іоаннѣ Грозномъ поселились жители Ливоніи, уведенные Москвитанами въ плѣнъ; тутъ жили и прочіе иностранцы. Когда въ 1610 году это предмѣстье сгорѣло, иноземцы переселились въ Москву, но затѣмъ, не задолго до пріѣзда Гордона въ Россію, вновь было приказано имъ занять прежнее мѣсто на рѣкѣ Яузѣ, находившееся въ разстояніи одной версты отъ вѣра столицы. Дома были болѣею частью деревянные, отчасти окруженные садами и огородами. Нѣмецкая слобода, на картинѣ сообщенной Мейербергомъ, имѣетъ чисто деревенскій характеръ. ²⁾ Тутъ жили офицеры, купцы, аптекари, пасторы лютеранской и реформатской церквей, вслѣдствіи и католическіе священники, врачи, число которыхъ росло въ продолженіе XVII-го вѣка, иногда и дипломаты, представители иностранныхъ державъ.

Въ этомъ мѣстѣ Гордонъ провелъ болѣшую часть своей жизни, въ немъ онъ обзавелся хозяйствомъ, сдѣлался главою многочисленнаго семейства и даже нѣкоторымъ образомъ, какъ бы патріархомъ колоніи иноземцевъ. Тутъ господствовали нравы и обычаи западной Европы, читались иностранныя книги, получались подробныя извѣстія о происходившихъ въ разныхъ концахъ Европы событіяхъ. О житьѣ-бытьѣ въ нѣмецкой слободѣ мы будемъ имѣть случай говорить въ другомъ мѣстѣ нашего труда.

¹⁾ См. изображеніе подъ № 52 въ атласѣ, изданномъ Аделунгомъ, какъ расположеніе въ его біографіи Мейерберга.

²⁾ См. нѣкоторыя замѣчанія о нѣмецкой слободѣ въ сочиненіи Пессельта о Лесортѣ, I. 212 слѣд.

Первая встрѣча Гордона съ русскимъ правительствомъ была довольно благопріятна. Царь Алексѣй, принявъ Гордона въ селѣ Коломенскомъ, поблагодарилъ его за гуманное обращеніе съ русскими военнопленными въ Польшѣ (I, 289). За то Гордона удивило что-то въ родѣ испытанія, которому его подвергнувъ двумя днями спустя тесть царя, Илья Давыдовичъ Милославскій: Иноземцы и офицеры, только что вступившіе въ русскую службу, должны были по приказанію боярина показывать въ открытомъ полѣ, въ окрестностяхъ Москвы, на такъ называемомъ Чертольѣ, умѣютъ ли они обращаться съ оружіемъ, а именно съ коньями и ружьями. Гордонъ возразилъ было, что любой изъ его лакеевъ могъ бы показать какъ должно обращаться съ оружіемъ и что значенію офицера состоитъ гораздо болѣе въ умѣніи командовать войсками. Милославскій сослался на обычай, въ силу котораго каждый офицеръ долженъ былъ выказать свое умѣніе и Гордонъ повинуясь, выдержалъ экзамень вполне удовлетворительно (I, 290).

Гораздо болѣе серьезнымъ повелось ему слѣдующій случай, доставившій ему возможность познакомиться съ самымъ существеннымъ недостаткомъ русской администраціи. Начальство распорядилось о выдачѣ Гордону обильныхъ денегъ и прочихъ предметовъ (соболей, камни и пр.) въ случаю пріѣзда. Гордонъ не зналъ, что все это можно получить не иначе, какъ вознаградивъ дьяка предварительно, и вслѣдствіе этого долго не получалъ ничего. Онъ нѣсколько разъ жаловался боярину Милославскому, который велѣлъ призвать дьяка, та-свалъ за бороду и грозилъ наказать его кнутомъ. Послѣ этого происходила между дьякомъ и Гордономъ крупный разговоръ, въ которомъ Гордонъ прямо сказалъ, что не желаетъ оставаться въ государственствѣ, которое въ такой мѣрѣ несоотвѣтствовало его ожиданіямъ. Къ этому присоединился неудовольствіе въ цѣнѣ мѣдныхъ денегъ, которое дьяку объяснялось жалованье, несмотря на обѣщаніе Лесотьева, что жалованье будетъ уплачиваемо серебромъ.

Нѣсколько разъ, въ первое время своего пребыванія въ Россіи, Гордонъ упоминаетъ объ этихъ несчастныхъ мѣдныхъ деньгахъ: Его замѣчанія на этотъ счетъ вполнѣ сходны съ прочими жалобами объ этомъ предметѣ. Гордону сперва сказали, что одинъ рубль мѣдными деньгами равняется двумъ талерамъ (I, 286). Это было справедливо до упадка въ цѣнѣ мѣдныхъ денегъ, то-есть, отъ 1656 до 1658 года. Котопшинъ говоритъ, что ходили тѣ мѣдныя деньги многое время

съ серебрянными заровно".¹⁾ Уже во Нсвелѣ Гордонъ, какъ мы видѣли, удивился чрезвычайной дороговизнѣ вслѣдствіе мѣдныхъ денегъ (I, 287). Въ Москвѣ онъ тотчасъ же послѣ прибытія узналъ, что 4 мѣдныя копѣйки равняются одной серебрянной (I, 290), значить онъ получалъ бы лишь четвертую долю условнаго жалованья. 26-го сентября и онъ и пріѣхавшіе съ нимъ иностранцы получили свой окладъ мѣдными деньгами (I, 293). Немного позже Гордонъ замѣчаетъ, что 5 или 6 мѣдн. копѣекъ равняются одной серебрянной (I, 306), и что можно было ожидать дальнѣйшаго упадка въ цѣнѣ мѣдныхъ денегъ, такъ какъ привозъ изъ заграницы и поддѣлка этой монеты въ самой Россіи принимали все большіе размѣры. Мѣры правительства противъ поддѣлки монетъ тѣмъ менѣе помогали, что въ этомъ дѣлѣ были замѣшаны нѣкоторые вельможи.²⁾ Упадокъ въ цѣнѣ мѣдныхъ денегъ продолжался; вторичное повышеніе оклада на четвертую долю (то-есть, 25⁰/₀, между тѣмъ какъ потеря на мѣдныя деньги составляла 600 и болѣе⁰/₀), о которомъ говоритъ Гордонъ (I, 315) разумѣется не могло помочь злу.

При такомъ положеніи дѣлъ нельзя удивляться, что Гордонъ серьезно мечталъ о томъ, какъ бы освободиться изъ Россіи. Можно представить себѣ, какъ на него подѣйствовали замѣчанія воиновъ тѣхъ, которыхъ онъ сообщилъ о своемъ намѣреніи, что исполненіе его желанія положительно невозможно. Напрасно Гордонъ представлялъ, что климатъ Россіи вреденъ для его здоровья. Его убѣждали оставаться. Подробно онъ разсказываетъ о либевности, съ которою говорилъ съ нимъ дьякъ, между тѣмъ еще полковникъ Крофурдъ и другіе лица прямо представляли ему, что онъ, настаивая на отъѣздѣ изъ Россіи, подвергаетъ себя опасности страшной оспалы, что его безъ сомнѣнія примутъ за польскаго лазутчика и сошлютъ въ Сибирь или въ какое либо иное отдаленное мѣсто. Поэтому Гордонъ, сначала отказывавшійся принять царское жалованье, наконецъ согласился взять его (I, 292).

Гордонъ получилъ чинъ майора, служилъ въ полку Крофурда и довольно усердно занимался обученіемъ выбранныхъ ему воиновъ. Вместе съ тѣмъ мало по малу расширялся кругъ его знакомыхъ; его знали

¹⁾ См. мое сочиненіе «Мѣдныя деньги въ Россіи 1656—63 и денежныя знаки въ Швеціи 1716—19». Спб. 1864. стр. 14.

²⁾ Между прочимъ, какъ извѣстно, тѣмъ царя Илліи Даниловичи Милославскій. См. мое сочиненіе о мѣдныхъ деньгахъ, стр. 31.

на свадьбу; онъ имѣлъ, какъ замѣчаетъ, случай познакомиться съ разными домами. Скоро, однако, опять оказалось весьма серьезное затрудненіе.

Отъ него стали требовать присяги. Голландскій пасторъ, которому была поручена эта церемонія, сообщилъ Гордону, что онъ долженъ произнести клятву служить царю всю жизнь. Гордонъ тутъ же, въ то время когда ему твердили формулу присяги, протестовалъ торжественно, ссылался на контрактъ, заключенный съ Леонтьевыми. Власть не уступала; Гордонъ стоялъ на своемъ; послѣ долгихъ прерсаний рѣшили такъ, что Гордонъ обязался служить царю до окончанія войны съ Польшею (I, 299).

На основаніи этого Гордону можно было бы выйти въ отставку послѣ Андрусовскаго мира, то-есть, въ 1667 году.

Первое время служби. Женитьба.

Гордонъ уже въ самомъ началѣ своего пребыванія въ Россіи выказалъ умѣніе сообразоваться съ обстоятельствами, ужиться, свыкнуться съ своимъ новымъ положеніемъ. Столкнувшись сначала съ представителями власти, онъ скоро замѣтилъ, что успѣхъ въ Россіи значительно условливается хорошими отношеніями къ писцамъ, чиновникамъ. Поэтому онъ уже 2-го января 1662 года устроилъ у себя пирушку для служащихъ въ иноземскомъ приказѣ (I, 305) и при этомъ случай роздалъ имъ собелей. „Этакъ“, замѣчаетъ онъ, „я спускалъ себѣ уваженіе и привязанность этихъ людей, которые послѣ того были готовы къ услугамъ при всѣхъ дѣлахъ, относящихся ко мнѣ и рѣшавшихся въ иноземскомъ приказѣ“. Послѣ этого онъ угостилъ и своихъ знакомыхъ-иноземцевъ и сослуживцевъ, при чемъ были приглашены и дамы. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ занятъ ежедневно обученіемъ солдатъ и коллежскими канцелярскими работами. Къ сожалѣнію, онъ не поваритъ о своихъ успѣхахъ въ изученіи русскаго языка. Нельзя сомнѣваться, что онъ впоследствии довольно свободно владелъ имъ и выучился ему въ короткое время. Въ февралѣ 1662 года онъ заболѣлъ опасно (I, 307—308) и въ это время былъ посѣщаемъ часто товарищами и знакомыми.

Гордонъ все еще желалъ покинуть Россію. Онъ мечталъ о поѣздкѣ въ Герцію. Въ это время бояринъ Феодоръ Андреевичъ Милославскій долженъ былъ отправиться туда въ качествѣ посла. И Гордонъ Меннезесъ хотѣли совершить это путешествіе вмѣстѣ съ бояриномъ.

Приобрѣвши нѣкоторую опытность въ томъ, какъ должно приниматься за дѣло въ подобныхъ случаяхъ, Гордонъ подарилъ боярину сто червонцевъ, а его дворецкому—сѣдло цѣною въ 20 червонцевъ; въ надеждѣ, что они станутъ хлопотать объ его увольненіи. Послѣ шестинедѣльныхъ стараній, Гордонъ убѣдился въ невозможности осуществленія своего плана (I, 309).

Скоро послѣ того представился ему удобный случай отлучиться въ царской службѣ. Лѣтомъ 1662 вспыхнула мятежъ, имѣвшій, во всей вѣроятности, тѣсную связь съ мѣдными деньгами, поматившими всю денежную систему и причинившими ужасный вредъ народному благосостоянію ¹⁾.

Гордонъ подробно разказываетъ въ своемъ дневникѣ, объ этомъ печальномъ эпизодѣ и о своемъ участіи въ подавленіи мятежа.

5-го іюля рано утромъ, когда Гордонъ у Новоспасскаго монастыря былъ занятъ обученіемъ войскъ, прискакалъ полковникъ Крофурдъ и сообщилъ о происходившихъ въ городѣ беспорядкахъ. Гордонъ тотчасъ спросилъ, гдѣ находился царь, и когда узналъ, что царь былъ въ селѣ Коломенскомъ, настаивалъ на томъ, чтобы полкъ немедленно отправился туда. Крофурдъ не соглашался на это, потому что не получилъ никакого приказанія. Полкъ состоялъ значительною долею изъ иноземцевъ, изъ Мордвы и Черемисовъ, на которыхъ нельзя было надѣяться безусловно; даже и другіе, Русскіе, не были вполне надежны. Офицеры, какъ замѣчаетъ Гордонъ, должны были строго наблюдать за ними, особенно послѣ того какъ онъ велѣлъ раздать имъ свинець и порохъ. Гордонъ былъ весьма недоволенъ нерѣшимостью Крофурда и по крайней мѣрѣ для себя испросилъ позволеніе отправиться въ село Коломенское. Однако, мятежники толпами окружали уже лѣтній дворецъ Алексѣя Михайловича, такъ что Гордонъ не только не могъ пробраться туда, но даже едва не былъ схваченъ мятежниками. Онъ не зналъ, что дѣлать; совѣщанія съ разными офицерами, которые ему попадались на встрѣчу, не имѣли успѣха. Наконецъ, онъ узналъ, что царь поручилъ князю Юрію Ивановичу Ромодановскому привести иноземцевъ изъ нѣмецкой слободы въ Коломенское. Въ нѣмецкой слободѣ все пришло въ движеніе; у одного куна взяли ружья и роздали тѣмъ изъ иноземцевъ, которые не имѣли оружія; одни пѣшіе, другіе на волахъ — всѣ отправились въ село Коломенское. Между тѣмъ, Гордонъ вернулся къ своему полку и старался

¹⁾ См. мое сочиненіе о мѣдныхъ деньгахъ, стр. 49.

вновь убѣдить Крофурда въ необходимости двинуться впередъ. Приближаясь къ Коломенскому, полкъ Крофурда могъ участвовать лишь въ последнемъ дѣйстви кровавой драмы. Уже стрѣльбы разбили толпу мятежниковъ и разогнали ихъ. Тринадцать недовѣщихъ, приставшихъ къ бунтовщикамъ и старавшихся спастись бѣгствомъ, были арестованы солдатами Крофурдскаго полка. На другой день происходили пытки и казни.

Гордонъ, окончивая свой разсказъ, замѣчаетъ, что офицерамъ-иноземцамъ наградилась скудно и что только Крофурдъ и стрѣльцы полковники получили значительныя награды. Онъ былъ весьма недоволенъ, что Крофурдъ не послушался его совѣта и что вслѣдствіе этого всѣ они опоздали и не имѣли случая оказать существенныя услуги царю, защитивъ его и разогнавъ толпу мятежниковъ. Самъ Крофурдъ, прибавляетъ Гордонъ, въослѣдствіе горько сожалѣлъ о томъ, что не умѣлъ воспользоваться столь удобнымъ случаемъ отличиться съ своимъ полкомъ (I, 310—313).

Скоро послѣ того полкъ Крофурда получилъ порученіе отправиться на Каму для подавленія мятежа Башкировъ. Однако ни Крофурдъ, ни Гордонъ не имѣли охоты удалиться отъ двора и, пожалуй, нѣсколько лѣтъ оставаясь въ глуши на востокъ; кроме того Гордонъ объявилъ своему начальнику, что желаетъ повышения чиномъ. Все уладилось какъ нельзя лучше. Крофурдъ и Гордонъ остались въ Москвѣ и Гордонъ сдѣлался подполковникомъ (I, 314).

Его служебная дѣятельность вслѣдствіе этого оказалась менѣе сложною: онъ освободился отъ канцелярскихъ работъ. За то онъ погрузился въ шумную жизнь; участвовалъ въ разныхъ вирюшкахъ, балахъ и маскарадахъ и наконецъ замѣтилъ, что такой образъ жизни вреденъ для его здоровья. Онъ старался отдѣлаться отъ чрезмѣрно разгульныхъ товарищей и искалъ случая познакомиться съ женщинами. Изъ его замѣчаній видно, что между пріѣзжими иностранцами было много авантюристовъ, не заслуживавшихъ довѣрія и отличавшихся дурными качествами¹⁾. Тѣмъ болѣе цѣнились люди солиднее, степенные, имѣвшіе и нѣкоторое состояніе: къ такимъ принадлежалъ Гордонъ.

И онъ самъ и, немного позже, Дефоръ испытали на себѣ, что иностранцы-офицеры ничѣмъ такъ удачно какъ женитьбою могли заслу-

¹⁾ Ein grosser, wo nicht der grösste Theil derselben, waren niederträchtige und schlechte Leute. I, 317.

жить добрые Русские. Холостных подосревали въ желаніи ухитъ за границу; семейныя считали болѣе надежными. Вступая въ бракъ, Лефоръ писалъ своей матери, что онъ лишь теперь можетъ надѣяться на карьеру ¹⁾. Гордонъ подробно разсказываетъ, какъ онъ всесторонне обсуждалъ этотъ вопросъ, взвѣшивалъ всѣ доводы за и противъ. Наконецъ, онъ рѣшился просить руки дочери полковника Богговена. Между причинами, заставившими Гордона при выборѣ невѣсты остановиться на тринадцатилѣтней дѣвочкѣ, мы встрѣчаемъ и то обстоятельство, что полковникъ Богговенъ былъ католикомъ ²⁾. Въ денежномъ отношеніи эта женитьба едва ли была выгодна. Вслѣдствіи Гордонъ не разъ говорилъ, что въ Москвѣ почти вовсе не встрѣчается богатыхъ невѣстъ. Поэтому онъ не желалъ женить своихъ сыновей въ Москвѣ ³⁾.

12-го января 1663 года Гордонъ сдѣлалъ предложеніе; свадьба должна была состояться не раньше какъ послѣ возвращенія отца невѣсты изъ Польши, гдѣ полковникъ Богговенъ находился въ плѣну. Старанія Гордона доставить свободу своему будущему тестю не имѣли успѣха. Онъ по этому дѣлу перепишемся съ разными лицами, хлопоталъ неуспѣшно, однако не могъ поддунуть дѣла. Между тѣмъ онъ заказалъ для себя великолѣпный мундиръ; стоявшій безъ малаго 100 червонцевъ, отличился по случаю большаго парада въ началѣ 1664 года, но не былъ удостоенъ никакой награды, чѣмъ былъ очень недоволенъ (I, 340) и, наконецъ, получилъ приказаніе отправиться въ Польшу. Нѣсколько мѣсяцевъ до конца 1664 года онъ былъ въ походѣ, не участвуя, впрочемъ, въ сраженіяхъ. Получивъ отпускъ, онъ пріѣхалъ въ Москву въ декабрѣ и тутъ, наконецъ, достигъ своей цѣли. 26-го января 1665 года была его свадьба (I, 355). Благодаря протекціи, оказанной Гордону тестемъ царя, бояриномъ Милославскимъ, онъ былъ сдѣланъ полковникомъ (I, 358).

Подробности жизни-бытъя Гордона съ первою женою и кончины ея въ Малороссіи намъ неизвѣстны, потому что дневникъ его имѣетъ пробѣлы отъ 1667 до 1677 года.

¹⁾ См. соч. Поселята о Лефорѣ I, 262.

²⁾ I, 320.— Успенская, I, 188, ссылается на челобитную Богговена 1676 года, говорить, что Богговенъ принялъ православіе. Можетъ быть, эта переписка произошла послѣ брака Гордона.

³⁾ III, 336 и 337 письма къ Роберту Гордону въ Хмѣльницѣ и къ Патрику Форбесу въ Данцигѣ.

Повѣдка въ Англію 1666—67.

Въ маѣ 1665 года въ дневникѣ упоминается о кончинѣ старшаго брата Гордона въ Шотландіи (I, 360). Такъ какъ онъ, вслѣдствіе кончины брата, сдѣлался наслѣдникомъ отцовскаго имѣнія, то считалъ нужнымъ хотя бы на нѣкоторое время отправиться на родину. Поэтому, онъ подалъ прошеніе объ отпускѣ въ августѣ 1665 года. Какъ кажется, рѣшеніе затянулось. Наконецъ, только лѣтомъ 1666 года его призвали въ иноземскій приказъ, гдѣ думный дѣякъ обратился къ нему съ вопросомъ, не желаетъ ли онъ совершить путешествіе въ Англію. Гордонъ сначала изъяснялъ готовность ѣхать; но какъ скоро узналъ, что чрезъ него хотятъ отправить къ королю Карлу II письмо царя Алексѣя Михайловича, сталъ отказываться. Очевидно, онъ опасался, что ему не возвратятъ расходовъ этого путешествія. Онъ объявилъ, что по собственнымъ своимъ дѣламъ не имѣетъ теперь никакой надобности отправиться въ Англію и что, отправляясь туда въ качествѣ дипломатическаго агента, онъ по необходимости долженъ будетъ израсходовать значительную сумму денегъ. Ему обѣщали вознаградить его за всѣ расходы этого путешествія, но Гордонъ все еще задумывался и желалъ вообще отдѣлаться отъ порученія, которое при тогдашнихъ, нѣсколько натянутыхъ отношеніяхъ между Англіею и Россіею, могло быть нѣсколько труднымъ. Онъ самъ, въ особенной запискѣ объ отношеніяхъ между Англіею и Россіею отъ 1553 до 1666 года (I, 365—68), излагаетъ положеніе всего дѣла.

Какъ извѣстно, Англичане, торговавшіе въ Россіи, послѣ казни Карла I лишились своихъ привилегій. Англійское правительство, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ вступилъ на престолъ Карлъ II, старательно хлопотало о восстановленіи этихъ привилегій. Карлъ II прислалъ грамоту, въ которой просилъ объ этомъ. Когда русскіе послы Прозоровскій и Желябужскій были въ Англіи, въ 1662 году, съ цѣлью поздравить короля съ восшествіемъ на престолъ, англійское правительство отказало имъ дать въ займы денегъ. Когда затѣмъ, въ 1664 году, въ Россію пріѣхалъ графъ Карлейль, онъ тщетно просилъ о восстановленіи англійскихъ привилегій и вообще былъ весьма недоволенъ приемомъ, оказаннымъ ему въ Россіи. Отправленный въ Англію для объясненія, стольникъ Дашковъ былъ принятъ тамъ весьма неблагоприятно: Карлъ II, восставшій въ то время съ

Нидерландами, требовалъ, чтобы Россія запретила Голландцамъ вывозить изъ Россіи матеріалы для кораблестроенія, и чтобы право покупать оныя было предоставлено исключительно Англичанамъ. Отвѣчать на это письмо пришлось нѣсколько уклончиво, указывая на морское повѣтріе, свирѣпствовавшее въ то время, какъ на помѣху болѣе оживленнымъ торговымъ сношеніямъ между Англією и Россією.

Гордонъ разказываетъ, что, когда царская грамота была готова, нельзя было найти Русскаго, который взялъ бы на себя порученіе передать ее королю Карлу II. Всѣ опасались столь же холоднаго пріема, какой былъ оказанъ въ Англіи Данкову, который къ тому же разказывалъ о страшной дороговизнѣ въ Англіи. Русское правительство надѣялось, что Гордонъ, какъ англійскій подданный, будетъ имѣть возможность воспользоваться своими личными связями съ разными лицами при англійскомъ дворѣ для болѣе успѣшнаго веденія дѣла (I, 368).

Такимъ образомъ, Гордонъ долженъ былъ готовиться къ отъѣзду. Онъ купилъ себѣ экипажъ, имѣлъ аудиенцію у царя Алексѣя Михайловича, получилъ нѣкоторую сумму денегъ на путевныя издержки, откланялся боярину Милославскому и его супругѣ и уѣхалъ 29-го іюня, причемъ его провожали до какого-то мѣста нѣкоторые иноземцы изъ немецкой слободы (slobodish Cavaliers) и многіе купцы (I, 370).

Черезъ Клинъ, Тверь, Валдай, Новгородъ, Нековъ, Найгаузенъ и Вольмаръ Гордонъ пріѣхалъ въ Ригу (I, 370—376). Тутъ онъ имѣлъ знакомствъ, былъ принятъ довольно почетно губернаторомъ, затѣмъ на кораблѣ отправился въ Любекъ и сухимъ путемъ чрезъ Гамбургъ, Ганноверъ въ Брюгге. Отсюда онъ написалъ письмо думному дьяку Адаму Иванову, жалясь на дороговизну путешествія, на разныя опасности, которымъ подвергался, и на затрудненіе перебраться въ Англію; какъ какъ мореплаваніе по Нѣмецкому морю, по случаю войны между Англією, Францією и Голландією, было далеко не безопасно (I, 623—625). Дѣйствительно, Гордонъ нѣкоторое время долженъ былъ оставаться въ Брюгге, гдѣ онъ получилъ извѣстіе о страшномъ пожарѣ въ Лондонѣ, опустошившемъ значительную часть города. Не раньше какъ 1-го октября Гордонъ пріѣхалъ въ Дувръ; былъ на другой день принятъ весьма радушно въ домъ Гейдона, съ которымъ совѣтовался о нѣкоторыхъ частностяхъ аудиенціи у короля Карла II. Въ Лондонѣ жилъ болѣе какъ частный человѣкъ, нежелалъ какъ посланникъ, и не бывалъ съ визитами у представителей другихъ державъ. За то онъ имѣлъ разныя

сношенія съ англійскими вельможами: его аудіенція у короля была весьма торжественна (I, 387). Карль II изъявилъ удовольствіе, что получаетъ царскую грамоту изъ рукъ своего подданнаго, и велѣлъ сказать ему, что Гордонъ можетъ являться ко двору во всякое время по своему усмотрѣнію. Ему даже передали особенный ключъ къ королевскому парку, гдѣ Гордонъ могъ прогуливаться безпрепятственно (I, 388). Къ сожалѣнію, Гордонъ говоритъ въ своемъ дневникѣ весьма лишь кратко о дѣловыхъ совѣщаніяхъ съ государственными людьми въ Англии. Онъ имѣлъ нѣсколько конференцій съ лордоу-канцлеромъ На содержаніе первой бесѣды (16-го октября) онъ указываетъ въ дневникѣ лишь замѣчаніемъ, что о ней говорится „въ другой книгѣ“, очевидно въ статейномъ спискѣ. 23-го октября происходила вторая конференція. Немного позже онъ отправилъ записку о порученныхъ ему дѣлахъ въ государственный секретариатъ (Secretary office); въ половинѣ ноября Гордонъ имѣлъ третью конференцію съ лордоу-канцлеромъ, въ которой происходили довольно оживленные пренія о дѣлахъ, ему порученныхъ, и о привиллегіяхъ Англичанъ въ Россіи“. 10-го декабря была послѣдняя конференція: тутъ Гордонъ узналъ, что ему дадутъ отвѣтное письмо короля къ царю и что для него самого назначена сумма 200 фунт. стерлинговъ. Гордонъ оставался въ Лондонѣ еще нѣсколько недѣль; въ продолженіе этого времени онъ посѣщалъ многихъ знакомыхъ, обѣдалъ и ужиналъ у разныхъ англійскихъ вельможь, устроилъ у себя для знакомыхъ музыкальный вечеръ и побывалъ у родственника короля, принца Руперта, который обѣщалъ ему дать письма къ курфирсту Бранденбургскому и къ князю Радзивилу, которыхъ просилъ объ освобожденіи изъ плѣна полковника Богговена. Объ этомъ же предметѣ писалъ англійскій король къ польскому (I, 393).

18-го января 1667 года была прощальная аудіенція у короля, который самъ вручилъ Гордону письмо къ царю Алексѣю и при этомъ выразилъ надежду, что его желанія будутъ приняты въ соображеніе русскимъ правительствомъ. Возвратившись домой, Гордонъ замѣтилъ, что надпись на королевской грамотѣ была неправильна: вмѣсто „Serrenissimo“ было сказано „Illustrissimo“. Онъ объявилъ Гебдону, что этого письма безъ надлежащей перемѣны адреса не можетъ взять съ собою, иначе подвергнется опасности смертной казни, и что изъ подобнаго случая происходилъ уже въ Москвѣ весьма серьезный

споръ съ графомъ Карлейлемъ ¹⁾. Черезъ два дня Гордонъ получилъ грамоту съ измѣненною, согласно его желанію, надписью. Простившись съ братомъ короля, герцогомъ Йоркскимъ (впослѣдствіи король Яковъ II), онъ еще разъ былъ приглашенъ во дворъ. Король сказалъ ему: „Въ Россіи находится нѣкто Кальтгофъ (Calthoffe); я уже нѣсколько разъ писалъ къ царю, чтобы его отпустили, и крайне удивленъ неисполненіемъ моего желанія. Прошу васъ поговорить съ царемъ объ этомъ“. Гордонъ обѣщала исполнить просьбу короля (I, 396).

Въ дневникѣ напечатано цѣликомъ письмо Карла къ царю Алексѣю (I, 397—399). Въ немъ выражалось сожалѣніе о томъ, что пока еще не осуществились его ожиданія и что въ грамотѣ царя не видно особеннаго предпочтенія Англичанамъ предъ Голландцами. Затѣмъ однако выражается благодарность за то, что царь запретилъ продавать Голландцамъ лѣсъ и прочіе матеріалы для кораблестроенія и надежда, что Англичанамъ будетъ дозволено вывозить эти товары, иначе же Англія не имѣла бы никакого преимущества предъ своими врагами. О моровомъ повѣтріи король писалъ, что оно совершенно прекратилось и что не было причины запретить по этому поводу Англичанамъ пріѣзжать въ Россію. Наконецъ, выражается надежда, что прежнія привиллегіи англійскихъ купцовъ въ Россіи будутъ восстановлены въ ближайшемъ будущемъ.

Гордону обѣщали, что онъ поѣдетъ на королевскомъ кораблѣ, но оказались на этотъ счетъ затрудненія, задержавшія его еще нѣсколько дней въ Англіи. Онъ долженъ былъ переписываться съ разными чиновниками адмиралтейства. Когда наконецъ, 29-го января, онъ выѣхалъ изъ Лондона въ Гринвичъ, его провожалъ туда Джонъ Гебдонъ со всѣмъ своимъ семействомъ. Туда же пріѣхали англійскіе купцы, имѣвшіе торговныя сношенія съ Россією. Какъ видно, они особенно интересовались успѣшнымъ ходомъ дипломатическихъ переговоровъ между Россією и Англією и поэтому ухаживали за Гордономъ (I, 402).

Въ Гамбургѣ жила въ то время отказавшаяся отъ шведскаго престола королева Христина, дочь Густава Адольфа. Узнавъ еще въ Голландіи, что у нея будетъ балъ, Гордонъ слѣшилъ въ Гамбургѣ въ надеждѣ участвовать въ этомъ собраніи и очень сожалѣлъ, когда ему сказали, что онъ опоздалъ четырьмя днями. Въ Гамбургѣ онъ узналъ о заключеніи Андрусовскаго мира (I, 406), посѣтилъ разныхъ

¹⁾ См. Relation des trois ambassades de monseigneur le comte de Carlisle. Paris, 1857, стр. 274.

знакомыхъ, написалъ множество писемъ и имѣлъ аудіенцію у королевы Христины. Гордонъ былъ ревностнымъ католикомъ, Христина, какъ извѣстно, приняла католическую вѣру: онъ присутствовалъ у нея при богослуженіи.

Наконецъ Гордонъ пріѣхалъ въ Москву (I, 411). Уже въ Клину его встрѣтили тестъ, полковникъ Бокговенъ, котораго онъ при этомъ случаѣ увидѣлъ въ первый разъ и который лишь незадолго, можетъ быть, благодаря стараніямъ Гордона, высвободился изъ польскаго плѣна, а также англійскій купецъ Брейанъ (Bryan), который былъ въ Москвѣ чѣмъ-то въ родѣ англійскаго консула. Они привезли съ собою приказаніе Гордону оставаться до полученія дальнѣйшихъ приказаній въ нѣмецкой слободѣ, куда онъ пріѣхалъ 6-го іюня.

Путешествіе Гордона продолжалось около года. Въ настоящей своей родинѣ, въ Шотландіи, онъ не былъ. Въ его инструкціи было сказано, что онъ, послѣ пребыванія въ Англіи, долженъ, нигдѣ не мѣшая, возвратиться въ Россію. Его путешествіе имѣло чисто officialный характеръ; онъ ѣхалъ исключительно въ качествѣ дипломатическаго агента. Частные интересы оставались на заднемъ планѣ. Впрочемъ, нигдѣ въ дневникѣ не выражено сожалѣнія о томъ, что ему не случилось побывать въ Шотландіи.

Хотя Гордонъ при отъѣздѣ и получилъ нѣкоторую сумму изъ казны, а затѣмъ 200 ф. стерл. отъ короля Карла II, онъ, по случаю этого путешествія заплатился собственными деньгами. Очень долго хлопоталъ онъ объ этихъ деньгахъ. Рѣшеніе послѣдовало не раньше какъ въ 1681 году. Изъ сохранившихся документовъ видно, что Гордонъ истратилъ своихъ денегъ 633 рубля, что въ 1675 году, значить, восемь лѣтъ послѣ путешествія, онъ получилъ только 300 рублей, а остальные 333 р. не раньше какъ въ 1681 году. Пятнадцать лѣтъ нужно было просить, ходатайствовать, подавать разныя челобитныя, указывать на примѣры другихъ русскихъ дипломатовъ, тратившихъ при подобныхъ поѣздкахъ не менѣе Гордона ¹⁾. Какъ кажется, поѣздка Гордона въ глазахъ русскаго правительства не могла считаться вполнѣ удавшеюся. Уже то обстоятельство, что ему такъ долго не возвра-

¹⁾ Такъ, напримѣръ, Гордонъ въ своихъ челобитныхъ указываетъ на расходы по случаю отправленія въ Лондонъ Прозоровскаго въ 1662 году, въ Вѣну Коробина въ 1663 г., въ Римъ Павла Менезеса, въ Венецію Кельдерманна, въ Константинополь Грека Иванова, въ Испанію, Англію и Францію Андрея Винюса и проч.

щали израсходованных денег, пожалуй, указывает на некоторое неудовольствие власти, хотя впрочем подобные случаи медленности вознаграждения русских дипломатов встрѣчаются довольно часто ¹⁾. Нигдѣ далѣе не говорится о выдачѣ Гордону, послѣ возвращенія въ Россію, какой-либо награды въ родѣ упомянутыхъ у Котошихина и выдаваемыхъ особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда царь былъ доволенъ образомъ дѣйствій дипломата. Къ сожалѣнію, дневникъ Гордона не разъясняетъ этого вопроса. 6-го іюня Гордонъ пріѣхалъ домой; до 25-го іюня въ дневникѣ встрѣчаются лишь очень краткія замѣтки, а затѣмъ слѣдуетъ пробѣлъ въ найденной рукописи до января 1677 года.

Нѣкоторые историки полагаютъ, что Гордонъ попалъ въ опалу. Такъ напримѣръ, Бергманъ замѣчаетъ: Гордонъ чѣмъ-нибудь навлекъ на себя негодованіе царя; возвратившись изъ Англіи, онъ подвергся домашнему аресту, а затѣмъ былъ удаленъ въ Сѣвскъ ²⁾. Поселить объясняетъ также столь долгое невозвращеніе денегъ Гордону опалю и говоритъ о домашнемъ арестѣ, при чемъ высказываетъ предположеніе, что, можетъ быть, порученіе о Кальтгоффѣ не понравилось царю ³⁾.

Послѣднее предположеніе, какъ кажется, лишено всякаго основанія. Карлъ II просилъ Гордона переговорить лично съ царемъ о Кальтгоффѣ. Приказъ, что Гордонъ долженъ въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій оставаться въ Нѣмецкой слободѣ, былъ сообщенъ ему

¹⁾ Шведскіе дипломаты, находившіеся въ Россіи въ первой половинѣ XVII вѣка, писали, что русскіе дипломаты должны содержаться на свой счетъ; см. *Herrmann, Gesch. d. russ. Staats* III. 540. Крижаничъ замѣчаетъ, I, 294, что русскіе дипломаты, недостаточно награждаются за расходы при своихъ путешествіяхъ и что вслѣдствіе этого они дѣлаются иногда доступными подкупу со стороны иностранныхъ правительствъ. За то Котошихинъ—специалистъ въ этомъ предметѣ—говоритъ прямо о содержаніи русскихъ дипломатовъ на казенный счетъ, хотя и изъ его показаній видно, что иногда приходилось приплачиваться русскимъ посланникамъ изъ своего кармана; см. гл. IV, § 18, 19, 27. Не даромъ русскій посланникъ въ Польшѣ при царѣ Теодорѣ Алексѣевичѣ, Тяпкинъ, постоянно горько жаловался на безденежье. Разные случаи челобитенъ въ родѣ поданныхъ Гордономъ см. въ Памятникахъ дипломатическихъ сношеній, напримѣръ, прошеніе грека Иванова, сопровождавшаго Волкова въ Венецію, X, 1323, 1361. Онъ прямо говоритъ, что долженъ былъ во время путешествія нанимать лошадей и кормиться на свой счетъ. Не даромъ Гордонъ сначала хотѣлъ отдѣлаться отъ этой поѣздки въ Англію.

²⁾ Peter d. Grosse, VI, 180.

³⁾ I, XLI. Сравн. также сочиненіе *Голикова* о Гордонѣ, стр. 252.

уже въ Клинѣ, не доѣзжая до Москвы. Этотъ приказъ вообще не былъ предписаніемъ домашняго ареста. Можетъ быть, все еще опасались мороваго повѣтрія, и пребываніе Гордона въ слободѣ было чѣмъ-то въ родѣ карантина. Въ подобныхъ случаяхъ, имѣя неприятели такого рода, Гордонъ обыкновенно дѣлаетъ кое-какія замѣчанія о своемъ душевномъ волненіи, объ опасеніяхъ, досадѣ и проч. На этотъ разъ въ дневникѣ, въ продолженіе трехъ недѣль послѣ полученія приказанія оставаться въ слободѣ, нѣтъ ни малѣйшаго намека на какое-либо несчастіе, между тѣмъ какъ царская опала могла быть дѣломъ чрезвычайно серьезнымъ. За то Гордонъ очень просто рассказываетъ, что онъ въ Нѣмецкой слободѣ былъ встрѣченъ своею женою и друзьями „съ большою радостью“, и что на другой день явились къ нему многіе знакомые поздравить его съ пріѣздомъ. Что касается до отношеній къ начальству, то сказано только: „Когда наконецъ онъ (Гордонъ) получилъ позволеніе прійти въ иноземскій приказъ, то передалъ боярину грамоту короля и вмѣстѣ съ тѣмъ свой статейный списокъ. Бояринъ сказалъ ему, что ему прійдется имѣть нѣкоторое терпѣніе относительно аудіенціи у царя“. Далѣе говорится о томъ, что Гордонъ подарилъ своему тестю прекрасную лошадь съ сѣдломъ, о перепискѣ съ разными знакомыми въ Гамбургѣ и проч. Объ опалѣ ни слова. За то мы знаемъ, что Гордонъ и послѣ возвращенія изъ Англіи командовалъ тѣмъ самымъ полкомъ, которымъ онъ командовалъ прежде. Въ его послужномъ списокѣ упомянуто о поѣздкѣ въ Англію (I, 670), но ничего не сказано о царскомъ гнѣвѣ. Отправленіе въ Малороссію и пребываніе тамъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ не можетъ считаться ссылкой. Поэтому мы, не отвергая возможности какихъ-либо неприятели, пока не будетъ открыта потерянная часть дневника, или пока не найдутся другіе матеріалы для рѣшенія этого вопроса, не думаемъ, чтобы царь былъ недоволенъ Гордономъ.

ПРЕБЫВАНІЕ ВЪ МАЛОРОССІИ.

Съ 1667 по 1677. годъ мы имѣемъ лишь весьма скудный свѣдѣніи о жизни Гордона, такъ какъ до сихъ поръ не найдена относящаяся къ этому періоду часть дневника. Изъ нѣкоторыхъ краткихъ замѣчаній въ дневникѣ позднѣйшаго времени, а также изъ сохранившагося послужнаго списка мы знаемъ, что онъ большую часть этого времени провелъ въ Малороссіи. Послѣ возвращенія изъ Англіи онъ со своимъ полкомъ былъ отправленъ въ Украйну и находился до

1670 года въ разныхъ городахъ, между прочимъ въ Трубчевскѣ и Брянскѣ. Въ то время происходили беспорядки въ Малороссіи; Гордона употребляли для усмиренія непокорныхъ казаковъ¹⁾.

Какъ кажется, въ 1669—1670 году Гордонъ совершилъ поѣздки въ Шотландію; по крайней мѣрѣ когда онъ въ 1685 году подалъ прошеніе объ увольненіи, присоединяя къ этому разные жалобы, то (II, 83—88) указывалъ на разные черты своей прежней жизни и служебной дѣятельности, и между прочимъ говорилъ: „Когда я въ 1670 году возвратился изъ моего отечества, я нашелъ, что жалованье офицерамъ было понижено на одну треть противъ прежняго. Я поэтому просилъ увольненія, но моя просьба не была исполнена²⁾. Я долженъ былъ отправиться въ Сѣвскъ. Его величество покойный славной памяти государь отпустилъ меня милостиво и сказалъ мнѣ лично, что я въ Сѣвскѣ найду достаточное прокормленіе, что въ случаѣ какой-либо нужды я долженъ подать прошеніе, и что всѣ мои просьбы будутъ исполнены“ (II, 84).

Вѣроятно только послѣ этой поѣздки въ Шотландію скончалась первая супруга Гордона, урожденная Бокговенъ. Вторая супруга его была урожденная Ронэръ (Roonaig). Ея отецъ былъ также полковникомъ³⁾. Портретъ ея приложенъ къ первому тому изданія дневника; подлинникъ не сохранился; копія находится въ эрмитажѣ: здѣсь въ супругѣ Гордона видна цѣпочка съ портретомъ Петра Великаго. Мы не знаемъ, когда она была удостоена этого знака отличія (II, III и III, 400).

Мы уже выше замѣтили, что четверо дѣтей отъ перваго брака, Екатерина и Мери, Джонъ и Джемсъ пережили отца. За то изъ пяти дѣтей отъ втораго брака, четверо умерло въ дѣтскомъ возрастѣ. Георгъ Стефанъ родился 24-го декабря 1682 года и умеръ 1-го но-

¹⁾ См. I, 670; II, 362—63.

²⁾ Пониженіе жалованья иностранными офицерами дѣйствительно состоялось. По случаю дѣла о спорѣ изъ-за двухъ пасторовъ лютеранской церкви, полковникъ Бауманъ заявилъ въ 1670 г. о томъ, что положеніе иностранцевъ стало хуже. «Два года тому назадъ», сказалъ онъ, «жалованье выдавалось не деньгами, а солью, что уже было убыточно; а теперь вмѣсто 12 мѣсячныхъ окладовъ, офицеры получаютъ лишь 5. Его просить увольненія, не получая ни денегъ, ни увольненія и долженъ оставаться въ Россіи въ крайней бѣдности и пр.»—См. *Fechner, Chronik der evangelischen Gemeinden in Moskau, Moskau, 1876, I, 347.*

³⁾ О немъ упомянуто въ дневникѣ, II, 240, по случаю дѣлажа его имѣнія.

ября 1684 года (II, 46)¹⁾. Θεодоръ Игнатій родился 14-го февраля 1681 года, какъ видно изъ письма Гордона къ иезуиту Шмидту (III, 351) по случаю его отправленія въ Браунсбергъ въ 1692 году. Мать весьма нѣжно любила этого сына и съ трудомъ разсталась съ нимъ (III, 317). Онъ также впоследствии посвятилъ себя военной карьерѣ и пережилъ отца. Дочь Іоанна родилась 21-го іюня 1688 года (II, 230), а скончалась 24-го марта 1690 года (II, 299). Сынъ Петръ родился 3-го іюня 1691 года (II, 341), а умеръ ⁹/₁₀-го ноября 1695 года (II, 635). Младшій сынъ Гордона Георгъ Гиларій родился 10-го сентября 1693 года (II, 416) и умеръ 5-го марта 1694 года (II, 440). Значитъ, изъ всѣхъ дѣтей отъ втораго брака, остался въ живыхъ одинъ Θεодоръ, который впрочемъ, какъ видно изъ письма Гордона къ иезуиту Шмидту (III, 318), былъ также не крѣпкаго тѣлосложенія. Когда умеръ Гордонъ, отецъ, въ 1699 году сыну его Θεодору было семнадцать лѣтъ.

Потеря первой жены, вступленіе въ новый бракъ были, безъ сомнѣнія, важнѣйшими событіями той эпохи въ жизни Гордона, которая намъ по недостатку дневника менѣе извѣстна. Дневника недостаетъ отъ конца іюня 1667 до января 1677 года, а затѣмъ отъ августа 1678 до января 1684 года. Значитъ, подробности всего времени отъ 1667 до 1684 года намъ извѣстны лишь на столько, на сколько онѣ относятся къ Чигиринскимъ походамъ.

8-го января 1677 года Гордонъ пріѣхалъ въ Москву; уже на дорогѣ онъ заболѣлъ и цѣлую недѣлю послѣ прибытія въ столицу хворалъ. Въ Москвѣ онъ оставался до конца марта. Между тѣмъ на престолѣ вступилъ царь Θεодоръ Алексѣевичъ. Съ тѣхъ поръ какъ Гордонъ жила въ Москвѣ въ шестидесятыхъ годахъ, многое въ столицѣ измѣнилось. Покровителя Гордона при царѣ Алексѣѣ Ми-

¹⁾ Какъ кажется замѣтка о сынѣ «Григорѣ» посвящавшемъ школу, въ изданіи дневника, II, 28, заключаетъ въ себя какую-то ошибку. Имя «Григорій», чисто русское, между тѣмъ какъ всѣ прочія дѣти Гордона имѣли не русскія имена, напримѣръ, «Джемъ», «Джонъ», «Мери» и пр. Далѣе едва ли можно считать вѣроятнымъ, чтобы Гордонъ посылалъ своего сына въ монастырскую школу; прочимъ своимъ дѣтямъ онъ давалъ домашнее воспитаніе или отправлялъ ихъ за границу для обученія въ иезуитскихъ коллегіяхъ. Къ тому же впоследствии нигдѣ не упоминается о сынѣ Григоріѣ. Поэтому вѣроятно, издатель (II, 28) безъ основанія прибавилъ къ имени «Григорій» въ скобкахъ «сынъ Гордона» и напрасно въ алфавитномъ указателѣ (III, 39) отождествилъ этого «Григорія» съ сыномъ Гордона Георгомъ Стефаномъ.

хайловичѣ, царскаго тестя Ильи Даниловича Милославскаго давно не было въ живыхъ. При дворѣ явились новые люди. Находившіеся въ провинціи, Гордонъ, не имѣлъ столькихъ связей съ разными вельможами и чиновниками въ столицѣ, какъ прежде. И вотъ ему грозила бѣда. Нѣсколько солдатъ Гордона полка, подстрекаемые, какъ онъ разказываетъ (I, 413), полковникомъ Трауерпихтомъ, подали жалобу на него. Гордонъ былъ особенно раздраженъ противъ Трауерпихта, и какъ, кажется, считалъ себя нисколько не виноватымъ. Встрѣтившіеся 15-го января 1677 года въ домѣ князя Трубецкаго съ Трауерпихтомъ, онъ въ сильныхъ выраженіяхъ упрекнулъ своего сослуживца въ несправедливости; Трауерпихтъ не возразилъ ничего, какъ полагаетъ Гордонъ, потому что онъ самъ сознавалъ основательность упрековъ. Но на другой день, 16-го января, солдаты, сопровождаемые Трауерпихтомъ, подали свою жалобу, наполненную „наглою ложью и клеветами“, какъ говоритъ Гордонъ (I, 413). 20-го января къ Гордону пришелъ шуринъ Трауерпихта съ предложеніемъ сдѣлки за 300 фунт. стерл.; этотъ господинъ брался уладить дѣло Гордона съ солдатами, если послѣдній уплатитъ ему означенную сумму. Гордонъ разгорячился и сказалъ, что скорѣе готовъ купить за нѣсколько копѣекъ веревку, чтобы повѣсить всѣхъ своихъ противниковъ. Онъ, какъ видно, приобрѣлъ уже нѣкоторую опытность въ подобныхъ дѣлахъ, и потому счелъ нужнымъ подкупить какаго-то дьяка. Отъ князя Ромодановскаго онъ узналъ, что при разборѣ жалобы солдатъ всѣ обвиненія оказались лишеными основанія и вы-ванными лишь нѣкоторою строгостію Гордона въ соблюденіи дисциплины. Вообще Ромодановскій выразился чрезвычайно благосклонно и благодарилъ Гордона за услуги, оказанныя царю. Къ тому же и изъ Сѣвска Гордонъ получилъ грамоту, подписанную жителями 19 или 20 деревень, въ которыхъ стоялъ полкъ Гордона, съ заявленіемъ о безукоризненности образа его дѣйствій. Противники Гордона, видя, что ихъ жалоба не будетъ имѣть успѣха, изъявили готовность отказаться отъ дальнѣйшаго веденія дѣла, если Гордонъ дастъ имъ пять рублей. Гордонъ соглашался на эту плату лишь на томъ условіи, чтобы солдаты открыли ему своихъ сообщниковъ, тайныхъ или закулисныхъ недоброжелателей. Такъ какъ солдаты на это не соглашались, сдѣлка не состоялась. Тѣмъ не менѣе это дѣло, имѣвшее, какъ видно, характеръ мелочной интриги, кончилось ничѣмъ. Тотчасъ послѣ окончанія этого дѣла Гордонъ уѣхалъ

изъ Москвы. Очень возможно, что только этотъ эпизодъ и былъ причиною поѣздки въ столицу.

Какъ видно, положеніе Гордона, хотя онъ долженъ былъ жить въ провинціи, было довольно прочное. Уже въ началѣ 1677 года онъ былъ хорошо знакомъ съ княземъ Василиемъ Васильевичемъ Голицынымъ, которому суждено было играть столь важную роль во время правленія царевны Софіи.

Мѣстопребываніемъ Гордона, за исключеніемъ того времени, когда онъ былъ въ походѣ или временно въ столицѣ, былъ Сѣвскъ, куда онъ и отправился весною 1677 года. Въ Сѣвскѣ онъ игралъ довольно важную роль. Онъ принималъ у себя боярина князя Ивана Борисовича Троекурова, бывшаго въ Сѣвскѣ проїздомъ въ Кіевъ; при этомъ случаѣ и другіе вельможи были въ гостяхъ у Гордона (I, 418). Вообще упоминается часто о довольно дружескихъ сношеніяхъ Гордона съ русскою знатью. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что онъ въ это время говорилъ свободно по-русски. Угощать Русскихъ и участвовать въ ихъ пиршествахъ онъ умѣлъ отлично. Опытность Гордона въ военныхъ дѣлахъ давала ему сильный перевѣсъ надъ многими русскими офицерами. Съ одной стороны та польза, которую онъ оказывалъ Россіи, давала ему право на всеобщее уваженіе и довѣріе; съ другой именно то значеніе, которое онъ имѣлъ въ русскомъ войскѣ, лишало его возможности оставить Россію. Въ немъ нуждались и поэтому всѣ его просьбы объ увольненіи были отклоняемы. Въ немъ нуждались болѣе прежняго особенно съ тѣхъ поръ, какъ столкновенія съ Турціей и Татарами, начиная съ 1677 года, требовали чрезвычайныхъ усилій со стороны Россіи.

Чигиринскіе походы. Просьба объ увольненіи.

Борьба за Малороссію продолжалась и послѣ Андрусовскаго мира. Гордонъ былъ, какъ мы знаемъ, свидѣтелемъ малороссійскихъ смуть. Ему было суждено присутствовать при первомъ столкновеніи между Россіей и Турціей. Мало того: при второмъ Чигиринскомъ походѣ онъ игралъ весьма важную роль.

Извѣстно, что въ Малороссіи послѣ 1667 года не прекращались волненія; извѣстно и то значеніе, какое въ это время имѣлъ Дорошенко. Передавшись сначала на сторону Турокъ и Татаръ и затѣмъ отклонившись отъ союза съ Оттоманскою Портою, онъ сдѣлался причиною разрыва между Россіей и Турціей. Борьба за Малороссію въ

1677 и 1678 годах сосредоточивается около Чигирина. Уже при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ можно было предвидѣть такое столкновение; оно послѣдовало при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ.

Въ то самое время, когда Гордонъ въ первые мѣсяцы 1677 годъ находился въ Москвѣ, туда былъ привезенъ Дорошенко. Правительство должно было готовиться къ походу. Какъ скоро Гордонъ вернулся въ Сѣвскъ, началось передвиженіе войскъ. Генераль-маіоръ Трауерпихтъ былъ назначенъ комендантомъ въ Чигиринъ. Въ Сѣвскѣ пріѣзжалъ одинъ за другимъ русскіе вельможи: Алексѣй Петровичъ Головинъ, Кондратій Ѳомичъ Нарышкинъ, Василій Васильевичъ Голицынъ, причѣмъ послѣдній обѣдалъ у Гордона (I, 421). Разныя стрѣлцкіе полки прошли чрезъ Сѣвскъ и отправились дальше. Гордонъ съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за всѣми событіями и сообщаетъ въ дневникѣ разныя любопытныя слухи относительно положенія дѣлъ вообще и намѣреній Турціи въ особенности. Въ началѣ іюня Гордонъ собралъ свой полкъ. 14-го іюня онъ оставилъ Сѣвскъ и направился къ Чигирину. Сначала однако онъ пошелъ къ Курску, гдѣ по его указаніямъ были построены укрѣпленія (I, 422—23). Затѣмъ у Сумъ въ августѣ происходили первыя стычки съ Татарами. О своемъ участіи въ этихъ дѣлахъ Гордонъ не сообщаетъ никакихъ подробностей. Онъ упоминаетъ только о томъ, что онъ при помощи 300 солдатъ вынулъ изъ рѣки потонувшее судно (I, 425) и что бояринъ Ромодановскій въ разныхъ случаяхъ обращался къ нему за совѣтами (I, 457). Изъ разказа Гордона видно, что русскіимъ офицерамъ не нравились предложенія Гордона. Такъ напримѣръ, при переходѣ чрезъ рѣку, по мнѣнію Гордона, необходимо было занять небольшой лѣсъ, находящійся на другомъ берегу. Гордонъ и Росседормъ со своими полками переправились чрезъ рѣку и старались занять этотъ лѣсъ. Русскіе же офицеры отказывались содѣйствовать этому дѣлу (I, 427 — 428). Не смотря на такое сопротивленіе, главные начальники войска все-таки руководствовались при расположеніи шанцовъ и проч. указаніями Гордона. Онъ самъ, не достаточно поддерживаемый товарищами и солдатами, подвергался разнымъ опасностямъ, такъ что даже распространился слухъ о томъ, что онъ уже взятъ въ плѣнъ Турками. Съ большимъ трудомъ Гордонъ убѣдилъ наконецъ русскіихъ офицеровъ въ необходимости дѣйствовать по его указаніямъ. Ромодановскій, какъ кажется имѣвшій полное довѣріе къ Гордону, велѣлъ благодарить его за такую настойчивость (I, 430).

Не даромъ Гордонъ могъ разчитывать по крайней мѣрѣ на уваженіе нѣкоторыхъ русскихъ военачальниковъ. Такъ напримѣръ, генераль-маіоръ Шепелевъ, который также обращался къ Гордону за совѣтами (I, 428), звалъ его къ себѣ обѣдать и обращался съ нимъ, какъ разказываетъ Гордонъ, съ особенною учтивостью (I, 433).

Походъ 1677 года не богатъ важными событіями. Въ самомъ Чигиринѣ Гордонъ не былъ, но онъ разказываетъ подробно по чужимъ извѣстіямъ исторію осады этой крѣпости Турками. Тамъ происходило то же самое съ генераль-маіоромъ Трауерпихтомъ, что происходило съ Гордономъ. Постоянно встрѣчались случаи разногласія между Трауерпихтомъ и стрѣльцами головами (I, 428). Приближеніе той части русскаго войска, при которой находился Гордонъ, заставило Турокъ снять осаду и удалиться. Къ тому же наступила осень, такъ что русское войско окончило свои операціи. 28-го сентября 1677 года Гордонъ возвратился въ Сѣвскъ. Постоянно встрѣчаемъ мы его въ это время въ сношеніяхъ съ важнѣйшими лицами. Такъ напримѣръ, въ ноябрѣ онъ отправился въ Рыльскъ, гдѣ происходили совѣщанія между нимъ, Ромодановскимъ и гетманомъ Самойловичемъ о принятіи мѣръ для дальнѣйшаго укрѣпленія Чигирина (I, 452). Изъ всего этого видно, что русское правительство умѣло цѣнить опытность и заслуги Гордона и не желало лишиться его именно въ то время, когда слѣдующею весною можно было ожидать возобновленія военныхъ дѣйствій.

Онъ самъ однако не переставалъ желать увольненія изъ русской службы и еще во время перваго Чигиринскаго похода серьезно мечталъ объ осуществленіи сей любимой мысли. Мы знаемъ, что встрѣчались случаи увольненія изъ русской службы другихъ Англичанъ и Шотландцевъ, сослуживцевъ Гордона. Такъ напримѣръ, въ дневникѣ Гордона упомянуто объ увольненіи Уайтфурда (Whitefuird, I, 307). Какъ кончилась исторія съ Кальтгофомъ, объ увольненіи котораго просилъ царя Алексѣя король Карлъ II чрезъ Гордона, мы не знаемъ. За то мы знаемъ, что два Шотландца Друммондъ и Дальель, хотя и не безъ затрудненій, получили дозволеніе возвратиться на родину (I, 353—356). Могъ ли надѣяться на такой же успѣхъ Гордонъ?

Когда кончился походъ 1677 года, на возвратномъ пути въ Сѣвскъ Гордонъ получилъ извѣстіе, что ему по его просьбѣ будетъ дозволено выѣхать изъ Россіи (12-го сентября, I, 450). Двумя днями позже, Ромодановскій, узнавъ о томъ, велѣлъ призвать Гордона и со-

общилъ ему, что онъ въ свою очередь никогда не согласится на увольненіе Гордона (I, 450). Очевидно, Ромодановскій, по случаю похода имѣвшій возможность оцѣнить по достоинству столь опытнаго и ревностнаго офицера, въ виду возобновленія военныхъ дѣйствій чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ нуждался въ Гордонѣ, который именно въ это время участвовалъ въ совѣщаніяхъ относительно втораго чигиринскаго похода.

Между тѣмъ съ другой стороны пошли просьбы объ увольненіи Гордона. Находившійся тогда въ Москвѣ англійскій посланникъ и другъ Гордона, Джонъ Гебдонъ, передалъ отъ имени короля Карла II записку съ просьбой о его увольненіи. Узнавъ о томъ чрезъ самого Гебдона, который писалъ, что царь согласился было отпустить Гордона тотчасъ послѣ возвращенія послѣдняго изъ похода, послѣдній писалъ къ боярину Василю Васильевичу Голицыну и просилъ позволенія пріѣхать въ Москву. Пріѣхавъ въ столицу 4-го января 1678 года, Гордонъ на другой же день отъ разныхъ бояръ и сановниковъ, которыхъ онъ навѣстилъ, узналъ, что царь, извѣщенный о пользѣ, оказанной Гордономъ во время послѣдняго похода, намѣренъ отправить его въ Чигиринь. Гордонъ тотчасъ же убѣдился въ невозможности увольненія и сказалъ только, что хотя онъ въ сожалѣнію видитъ себя обманутымъ въ своихъ надеждахъ, съ которыми пріѣхалъ въ Россію, онъ сознаетъ, что царь чтитъ его порученіемъ ему важнаго и опаснаго поста, и потому считаетъ себя обязаннымъ не отказываться отъ таковой службы, но что онъ надѣется на соответствующее обезпеченіе, на пенсію и на награды (I, 456).

Какъ кажется, Гордона хотѣли назначить главнокомандующимъ въ Чигиринь¹⁾. Впослѣдствіи однако не онъ, а Ржевскій сдѣлался Чигиринскимъ комендантомъ. На самомъ же дѣлѣ Гордонъ былъ главнокомандующимъ.

Какъ мы видѣли Гордонъ въ 1677 году отличился особенно при постройкѣ укрѣплѣній, шанцовъ. Въ нѣкоторыхъ бумагахъ ему давали названіе „полковника и инженера“. Онъ просилъ не называть его инженеромъ, „такъ какъ онъ не знаетъ инженернаго искусства, и для полковника такой титулъ не можетъ прибавить почета“; подобныя познанія, прибавилъ онъ, — можно требовать въ нѣкоторой сте-

¹⁾ 455—456. Иначе Гордонъ не говорилъ бы о «Gefährlichen und wichtigen Posten», когда ему сказали, что царь желаетъ «ihn nach Tschigirin zu commandiren».

пени отъ каждаго офицера. Ему возразили, что на этотъ разъ считаютъ на его опытность и ревность и въ этомъ отношеніи, и что впредь его не стануть беспокоить подобными порученіями. Гордонъ, не смотря на всѣ свои возраженія и просьбы, не могъ получить болѣе чѣмъ обѣщанія будущихъ наградъ. При аудіенціи царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ употребилъ самыя общія выраженія. Затѣмъ, Гордонъ получилъ однако сверхъ жалованья чрезвычайную сумму 100 рублей (I, 457).

1-го февраля онъ выѣхалъ изъ Москвы. Вскорѣ послѣ того начался второй Чигиринскій походъ. И какъ главнокомандующій въ этой важной крѣпости, и какъ инженеръ Гордонъ при этомъ случаѣ оказалъ Россіи самыя существенныя услуги. Защита Чигирина можетъ считаться чуть-ли не самымъ важнымъ подвигомъ всей военной карьеры его. Никогда, ни позже, ни прежде жизнь его такъ часто не находилась въ опасности, и Русскіе не имѣли случая нуждаться столько въ знаніи дѣла и въ храбрости Гордона, какъ при этой осадѣ. Тутъ русскіе офицеры, сослуживцы и подчиненные Гордона одинаково сознавали и перевѣсь западно-европейскаго военнаго искусства, и неловкость зависимости отъ иностранца, готоваго каждую минуту жертвовать своею жизнію и жизнію другихъ для Россіи и ея военной чести.

Приготовленія къ чигиринскому походу въ 1678 г. начались рано. Уже 19-го февраля Гордонъ выѣхалъ изъ Сѣвска. Онъ былъ въ перепискѣ съ околыничимъ Иваномъ Ивановичемъ Ржевскимъ, который былъ назначенъ главнокомандующимъ въ Чигиринъ. Въ Батуринѣ онъ имѣлъ совѣщанія съ гетманомъ Самойловичемъ о мѣрахъ для укрѣпленія и обороны Чигирина, а также о постройкѣ разныхъ укрѣпленій у Батурина. Такъ какъ дневникъ прерывается на 13-мъ марта и представляетъ пробѣлъ до 28-го апрѣля, мы не имѣемъ подробныхъ указаній на дѣйствія Гордона въ эти полтора мѣсяца. О томъ, что происходило затѣмъ до августа въ Чигиринѣ, Гордонъ разказываетъ весьма подробно. Изъ этого разказа видно, что онъ пользовался въ крѣпости большимъ значеніемъ, такъ сказать, былъ душою важнѣйшихъ мѣръ, принятыхъ для ея обороны, и все время отличался неутомимою дѣятельностью и чрезвычайною неустрашимостью.

Объ отношеніяхъ Гордона къ Ржевскому сказано не много. Въ іюль былъ случай разногласія между ними: Ржевскій хотѣлъ снять какую-то стѣну, между тѣмъ какъ Гордонъ доказывалъ необходимость дальнѣйшей отстройки и починки этого вала (I, 481). Воля

Ржевскаго была исполнена. Онъ, какъ говорить г. Соловьевъ ¹⁾, былъ извѣстенъ своею распорядительностью и умѣлъ ладить съ Малороссіянами, что доказалъ во время своего воеводства въ Нѣжинѣ. Но настоящимъ специалистомъ въ дѣлѣ обороны крѣпости оказывается Гордонъ. Онъ послалъ боярину Голицыну планъ Чигиринской крѣпости; по его указаніямъ все время совершались постройки укрѣпленій; онъ оказался техникомъ-изобрѣтателемъ. По его указаніямъ были сдѣланы жерновы для ручныхъ мельницъ; онъ придумалъ нован рода тачки; имъ были изобрѣтены какіе-то особые габіоны (467, 468, 469) и пр.

По прежнему Гордона уважало высшее начальство; въ немъ сильно нуждались и давали ему самыя важныя порученія. Но сослуживцы, подчиненные его, весьма часто были имъ недовольны. Онъ самъ работалъ неуспынно, требовалъ такой же работы и отъ другихъ, подвергался страшнымъ опасностямъ и въ рѣшительную минуту не щадилъ ввѣренныхъ ему солдатъ. Есть основаніе думать, что Гордонъ былъ строгимъ начальникомъ; его можно на этотъ счетъ сравнить съ Минихомъ. Съ другой стороны встрѣчаются нѣкоторыя черты, указывающія на популярность Гордона. Онъ самъ весьма часто былъ недоволенъ и офицерами, и солдатами; происходили случаи неповиновенія,—дисциплиною въ это время нельзя было хвалиться ²⁾. Когда Гордонъ началъ руководить работами въ Чигиринѣ, и между прочимъ, хотѣлъ провести какой-то широкій ровъ, казаки начали роптать, и Гордонъ долженъ былъ отказаться отъ своего предположенія (I. 466). Когда онъ благодаря своей технической изобрѣтательности выпавшую на долю его солдатъ работу исправлялъ скорѣе, чѣмъ другіе офицеры, то послѣдніе были весьма недовольны этимъ (I. 468). Разныя распоряженія Гордона считались Русскими излишними, и потому они весьма неохотно исполняли его приказанія (I. 471). Бывали случаи, что войска прямо отказывались работать, и Гордонъ долженъ былъ убѣждать, уговаривать, перемѣнять свои планы, соображаясь съ этимъ обстоятельствомъ (I. 472). Часто возникали разногласія въ отношеніи къ предполагаемымъ постройкамъ. Сторонники Гордона не смѣли изъявлять своего согласія съ нимъ (I. 474). Иногда русскіе офицеры, которые не видали такихъ укрѣпленій, какія пред-

¹⁾ XIII, 271.

²⁾ См. напр. прекрасное изложеніе недостатковъ русскаго войска въ письмѣ И. Песошкова къ Головину.

полагалъ соорудить Гордонъ, выражали удивленіе и сомнѣнія и старались препятствовать исполненію его проектовъ. Вездѣ Гордонъ оказывался необходимымъ—и при разныхъ опытахъ съ пушками, и при обзорѣнннхъ припасовъ и пр.

Турецкое войско явилось 8-го іюля. 9-го іюля Гордонъ сдѣлалъ вылазку, но долженъ былъ отступить къ крѣпости. На другой день Русскіе намѣревались повторить то же самое съ большимъ числомъ солдатъ. Гордонъ требовалъ, чтобъ ему было поручено веденіе этого дѣла. Однако всѣ офицеры, члены военнаго совѣта, протестовали, утверждая, что не должно употреблять его при столь опасномъ предпріятіи; Гордонъ настаивалъ было на своемъ, но комендантъ Ржевскій кончилъ споръ указаніемъ на особенную инструкцію отъ царя, въ силу коей Гордонъ не долженъ былъ участвовать ни въ какихъ вылазкахъ. Гордонъ повиновался, замѣтивъ впрочемъ, что въ случаѣ крайней нужды онъ не будетъ щадить себя. Другіе полковники въ свою очередь рѣшили, что и имъ не слѣдуетъ участвовать въ вылазкахъ. Гордонъ объяснялъ это рѣшеніе трусостью полковниковъ (I. 489). Вообще Гордонъ весьма часто былъ крайне недоволенъ духомъ офицеровъ и солдатъ. Небрежность стрѣльцовъ доставила Туркамъ возможность подвинуть впередъ свои траншеи (I. 492). По случаю одной вылазки Гордонъ обѣщалъ дать каждому солдату, который возьметъ непріятельское знамя или приведетъ плѣннаго, 5 руб., зная впередъ „что не рискуетъ многимъ“ при этомъ случаѣ (I. 493). Однажды Гордонъ въ сильныхъ выраженіяхъ упрекнулъ русскихъ полковниковъ въ томъ, что они ночью оставили ввѣренный имъ контрескарпъ; съ большимъ трудомъ убѣдилъ онъ ихъ оставаться на этомъ мѣстѣ въ слѣдующую ночь (I. 491).

Когда наступленіе Турокъ становилось все болѣе и болѣе опаснымъ и уже въ разныхъ мѣстахъ были сдѣланы ими бреши, Гордонъ всегда былъ на самыхъ опасныхъ мѣстахъ „Никто“, говоритъ онъ,— „не зналъ, что дѣлать: всѣ прибѣжали къ Гордону и требовали, чтобъ онъ придумалъ какое-либо средство остановить непріятеля. Видя, что всѣ надѣялись на его изобрѣтательность, между тѣмъ какъ никто не желалъ подвергать себя опасности, такъ какъ всѣ были убѣждены, что Гордонъ и другіе иностранцы могутъ творить какія-то чудеса,—онъ считалъ болѣе полезнымъ лишить ихъ всякой надежды на какую-либо особенную военную хитрость и прямо объявилъ имъ, что нѣтъ другаго средства спасенія какъ отставаніе каждымъ ввѣреннаго ему поста“ (I. 500). За Гордономъ посылали

каждый разъ, когда въ какомъ-либо мѣстѣ была крайняя опасность (I. 504). Однажды онъ бросился на встрѣчу Туркамъ, сдѣлавшимъ брешь, но за исключеніемъ одного маіора и семи или восьми чело-вѣкъ рядовыхъ никто не послѣдовалъ за нимъ (I. 507).

Впрочемъ и онъ однажды поступилъ, какъ намъ кажется, не особенно правильно. Защищая особенно опасный постъ, Гордонъ видѣлъ невозможность держаться въ этомъ мѣстѣ. „Не желая“, говоритъ онъ простодушно, — „чтобъ этотъ брустверь такъ сказать погибъ въ его рукахъ, онъ при восходѣ солнца требовалъ смѣны съ этого поста. Русскіе полковники не соглашались, требуя, чтобы Гордонъ оставался еще цѣлыя сутки на этомъ мѣстѣ. Послѣ долгихъ споровъ Ржевскій рѣшилъ вопросъ въ пользу Гордона. Въ 9 часовъ Гордонъ былъ смѣненъ; въ 10 часовъ Турки взяли это мѣсто приступомъ“ (I. 499). Разумѣется, такой образъ дѣйствій Гордона можетъ показаться нѣсколько іезуитскимъ; но мы не знаемъ, долго ли Гордонъ находился уже въ этомъ мѣстѣ, и какимъ образомъ вообще полковники чередовались въ подобныхъ случаяхъ. Во всякомъ случаѣ храбрость Гордона не подлежала ни малѣйшему сомнѣнію, какъ между прочимъ видно это изъ того обстоятельства, что онъ нѣсколько разъ былъ раненъ въ это время. 10-го іюля рука Гордона была повреждена кускомъ дерева, оторваннаго пушечною пулею (I. 491). Двумя днями позже у него упавшею бомбою были повреждены „до костей“ три пальца лѣвой руки (I. 493). 15-го іюля Гордонъ былъ сильно раненъ выстрѣломъ въ носъ и подбородокъ (I. 495). 28-го іюля онъ былъ раненъ въ лѣвую ногу ручною гранатою (I. 499). 30-го іюля онъ три раза былъ раненъ въ правую ногу ручными гранатами (I. 503).

Уже три недѣли продолжалась осада. Русскія войска подъ начальствомъ Ромодановскаго не приближались. Положеніе становилось отчаяннымъ. Наконецъ 3-го августа показалось русское войско. Въ этотъ самый день, не стало Ржевскаго. Онъ взомель на стѣны и сталъ выражать сильную радость, увидавъ приближавшіяся русскіе полки, но въ эту же самую минуту былъ убитъ гранатою ¹⁾. Вечеромъ того же дня пришли къ Гордону полковники и офицеры съ просьбою, чтобы онъ взялъ на себя главное начальство въ крѣпости, такъ какъ по праву это мѣсто принадлежало ему, и всѣ были готовы повиноваться безусловно его повелѣніямъ. Мы не знаемъ, на чемъ основывалось подобное право Гордона. Онъ былъ полковникомъ, какъ и

¹⁾ Соловьевъ, XIII; 273 Гордонъ, I, 510.

многіе другіе. Можетъ быть, сослуживцы имѣли особенное довѣріе къ его способностямъ и къ опытности и знали, что правительство умѣло цѣнить его заслуги. Въ своемъ дневникѣ онъ разказываетъ объ этомъ фактѣ весьма кратко, какъ будто о дѣлѣ обыкновенномъ. Все осталось впрочемъ по прежнему, ибо очевидно, и при Ржевскомъ онъ же руководилъ болѣею частью работъ. Въмѣсто того, чтобы помочь осажденнымъ, Ромодановскій требовалъ напротивъ, чтобы Гордонъ уступилъ ему нѣсколько полковъ изъ находившихся въ Чигиринѣ. Гордонъ возражалъ; Ромодановскій отказался отъ своего требованія, но нѣкоторые русскіе полковники, считавшіе пребываніе въ лагерѣ Ромодановскаго болѣе безопаснымъ, чѣмъ въ крѣпости, хотѣли непременно оставить Чигиринъ. Гордонъ долженъ былъ жаловаться боярамъ на нерадѣніе офицеровъ, которымъ бояре прислали приказаніе держать себя лучше и во всѣхъ отношеніяхъ слушаться Гордона.

Между тѣмъ, успѣхи Турокъ продолжались, а въ крѣпости усиливалось уныніе. Тщетно Гордонъ убѣждалъ Ромодановскаго переходомъ чрезъ рѣку Тясминъ помочь крѣпости. Валъ былъ сильно поврежденъ во многихъ мѣстахъ, и Гордонъ постоянно былъ недоволенъ небрежностью, съ которою работали солдаты, имѣвшіе порученіе исправлять эти поврежденія. Особенно казаки оказывали явное нерадѣніе. Когда Ромодановскій прислалъ стрѣльцаго полковника Грибоѣдова для осмотра крѣпости и выразилъ желаніе, чтобы была сдѣлана вылазка, Гордонъ убѣдилъ его въ невозможности этого слѣдующимъ образомъ: онъ выбралъ 150 лучшихъ людей изъ всѣхъ полковъ съ 10-тью или 15-тью лучшими офицерами; для поддержанія въ нихъ мужества онъ велѣлъ раздать имъ порядочную порцію водки и затѣмъ самъ вывелъ ихъ изъ ретраншементъ средняго больверка. Однако, вскорѣ только пятая часть отряда подвинулась впередъ и дѣйствительно причинила вредъ Туркамъ. Остальныхъ никакимъ способомъ нельзя было принудить выйти изъ рва, окружавшаго ретраншементъ. Такъ какъ на нихъ начали падать ручныя гранаты въ большемъ даже числѣ, чѣмъ на подвигавшихся впередъ, они ударились въ бѣгство: Гордонъ въ тѣсномъ проходѣ хотѣлъ удержать ихъ, но подвергся большой опасности: одинъ изъ солдатъ дротикомъ прокололъ ему чуюлокъ, другіе угрожали ему. Этотъ случай для полковника Грибоѣдова могъ служить достаточнымъ доказательствомъ, что такимъ путемъ нельзя было ожидать успѣха.

Гордонъ однако, не унывая, продолжалъ дѣйствовать. Опасность со дня на день становилась болѣе серьезною. Къ сожалѣнію, Ромо-

дановскій не помогаль осажденнымъ, его распоряженія иногда не согласовались съ намѣреніями Гордона. Сообщение между осажденными и главнымъ войскомъ было затруднительно. Турки штурмовали со всѣхъ сторонъ; разныя зданія загорѣлись, уже въ самой крѣпости происходили схватки съ Турками. Всѣ начали думать о своемъ спасеніи. Гордонъ между тѣмъ до послѣдней минуты отстаивалъ отдѣльныя части крѣпости. 11-го августа вечеромъ онъ узналъ, что многіе офицеры начали отправлять свои пожитки изъ крѣпости въ лагерь Ромодановскаго. Онъ тотчасъ же созвалъ полковниковъ и упрекнулъ ихъ за это; тогда одинъ изъ офицеровъ шепнулъ ему, что бояре прислали адъютанта съ приказаніемъ выйти изъ крѣпости; Гордонъ возразилъ, что онъ безъ письменнаго приказанія не можетъ этого исполнить, что онъ имѣеть приказаніе скорѣе умереть, чѣмъ оставить свой постъ. Въ третьемъ часу ночи письменное приказаніе было ему доставлено. Нѣкоторые полковники уже не находились болѣе въ крѣпости; остальныхъ Гордонъ велѣлъ созвать, показалъ имъ приказъ бояръ и распорядился о взятіи изъ крѣпости или о зарытіи въ землю пушекъ. Онъ разказываетъ, что русскіе офицеры отказывались исполнить приказаніе на счетъ пушекъ, и что только нѣкоторые иностранцы принялись за работу, но такъ какъ недоставало людей, Гордонъ долженъ былъ отпустить и ихъ. Всѣ спаслись, кто какъ могъ, только Гордонъ еще оставался, желая собрать солдатъ, находившихся въ разныхъ мѣстахъ укрѣпленій. Наконецъ онъ самъ зажегъ магазинъ, въ которомъ находились припасы. Подробно разказываетъ онъ, какъ, пользуясь ночью мглою, пробрался сквозь густую толпу Турокъ и послѣ разныхъ опасностей и въ совершенномъ изнеможеніи достигъ лагера бояръ, которые уже совѣщались о порядкѣ отступленія (I. 541—543).

На другой день все войско отступило ко Днѣпру. Не обошлось и тутъ безъ мелкихъ схватокъ съ Турками и Татарами (I. 552), при чемъ Гордонъ продолжалъ оказывать услуги.

Кончивъ разказъ объ осадѣ Чигирина, Гордонъ замѣчаетъ: „Такимъ образомъ оборонялся и былъ оставленъ и потерянъ, но не завоеванъ Чигиринъ“ (I. 544). Онъ могъ быть доволенъ своимъ образомъ дѣйствій. Все, что только можно было сдѣлать для обороны Чигирина, онъ сдѣлалъ. Неудача объясняется, кажется, отчасти разнужданностью войска и неуспѣшнымъ дѣйствіемъ Ромодановскаго, который въ свою очередь боролся съ непослушаніемъ офицеровъ. Еслибы всѣ исполнили свой долгъ столь же ревностно, какъ Гордонъ.

то Чигиринъ, вѣроятно, остался бы въ рукахъ Русскихъ. Потеря Чигирина была чувствительнымъ ударомъ для Россіи. Гордонъ, жившій до этого нѣсколько лѣтъ въ Малороссіи, умѣлъ цѣнить важность этого мѣста, бывшаго когда-то столицей Богдана Хмѣльницкаго.

Правительство умѣло оцѣнить услуги, оказанныя Гордономъ Россіи. 20-го августа 1678 года, значить, непосредственно послѣ окончанія чигиринскаго дѣла, онъ былъ произведенъ въ генераль-маіоры, какъ сказано въ его послужномъ спискѣ—„за службу въ Чигиринѣ“ (II. 363).

Однако это повышеніе чиномъ не могло измѣнить его желанія оставить Россію. Такъ какъ дневникъ прерывается въ сентябрѣ 1678 года и представляетъ пробѣлъ до января 1684 года, мы не знаемъ подробностей повторенія просьбы объ отставкѣ послѣ втораго чигиринскаго похода. Изъ нѣкоторыхъ разбросанныхъ здѣсь и тамъ, въ дневникѣ позднѣйшаго времени, замѣтокъ, мы о судьбѣ Гордона до 1684 года узнаемъ слѣдующее:

11-го сентября 1678 года было распущено войско (I: 557), и до того Гордонъ находился при немъ (II. 363). Затѣмъ онъ пріѣхалъ въ Москву въ надеждѣ, основанной на прежнихъ обѣщаніяхъ царя, получить увольненіе. Но уже до этого было рѣшено, что онъ долженъ отправиться въ Кіевъ. Очевидно, такое распоряженіе состояло въ связи съ предположеніемъ, что Турки сдѣлаютъ нападеніе на этотъ городъ. Этотъ постъ также, какъ и прежній въ Чигиринѣ, считался особенно опаснымъ. Гордонъ чтобы не показать вида, что онъ уклоняется отъ какой-либо опасной службы, долженъ былъ опять отказать отъ своей надежды возвратиться на родину и отправился въ Кіевъ.

Въ Кіевѣ онъ оставался до 1686 года, иногда впрочемъ посѣщая на короткіе сроки Москву.

Можно считать счастьемъ для Гордона, что въ 1682 году во время стрѣльцаго бунта онъ не находился въ Москвѣ. Тамъ погибъ Ромодановскій, а также разные иноземцы. Строгость Гордона, его старанія приучить русскихъ солдатъ къ дисциплинѣ легко могли повести къ тому, чтобъ онъ былъ убитъ во время ужаснаго кризиса 1682 года.

Жизнь Гордона.

Превываніе въ Кіевѣ въ 1678—1686 годахъ.

Каково было положеніе Гордона въ Кіевѣ до 1684 года, мы не знаемъ. Въ 1681 г. кончилась война съ Турціей, и вмѣстѣ съ тѣмъ, продолжавшаяся 27 лѣтъ борьба за Малороссію. Кіевъ остался въ рукахъ Россіи. Въ 1678 году заключено вновь перемиріе между Россіей и Польшею на 13 лѣтъ. Вѣчное докончаніе состоялось въ 1686 г. Кое-какія менѣе важныя столкновенія съ Польшею происходили въ то время, когда Гордонъ находился въ Кіевѣ, между прочимъ, изъ-за запорожскихъ казаковъ, которые, на основаніи заключенныхъ между Польшей и Россіей трактатовъ, должны были состоять подъ покровительствомъ обѣихъ державъ. Гордонъ, конечно, принималъ участіе въ этихъ дѣлахъ, и безъ сомнѣнія, утраченная часть его дневника (съ 1678 по 1684 годъ) заключала въ себѣ много любопытныхъ данныхъ о событіяхъ той эпохи.

Гордонъ все время съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за современными политическими событіями и съ разныхъ сторонъ получалъ письма, въ которыхъ сообщались ему свѣдѣнія объ отношеніяхъ различныхъ державъ къ Портѣ, о дѣлахъ въ Польшѣ, о разныхъ происшествіяхъ въ Англии. Служебная дѣятельность его имѣла довольно важное значеніе. Въ Сѣвскѣ по его указаніямъ были построены кое-какія укрѣпленія. Иногда между гетманомъ Самойловичемъ и Гордономъ происходили совѣщанія о политическихъ дѣлахъ (II, 15). Подъ его руководствомъ производились въ Кіевѣ разныя постройки (II, 20, 44); онъ находился, сколько можно судить по дневнику, въ хорошихъ отношеніяхъ съ разными сановниками, духовными лицами и сослуживцами. Такъ, на примѣръ, бывалъ иногда у игумена Печерскаго монастыря (II, 22) и давалъ совѣты по случаю производившихся тамъ построекъ (II, 29).

Главною обязанностью Гордона въ 1684 и 1685 годахъ было наблюденіе за сооруженіемъ укрѣпленій въ Кіевѣ. Объ этомъ въ дневникѣ говорится нѣсколько разъ (II, 81, 94)¹⁾. Вообще же, кажется,

¹⁾ Въ 1679 году, какъ видно изъ Разрядныхъ книгъ, II, 1173, Гордонъ представилъ проектъ о такихъ работахъ.

Гордонъ не былъ заведенъ дѣлами и могъ посвящать много времени разнаго рода увеселеніямъ. И Русскіе, и иностранцы, находившіеся въ Кіевѣ, любили устраивать пирушки разнаго рода. Объ обѣдахъ, ужинахъ, попойкахъ, балахъ и маскарадахъ въ дневникѣ говорится весьма часто. Нередко ѣзжалъ онъ и на охоту (II. 39, 47, 70, 80, 117). Лѣтомъ онъ съ пріятелями предпринималъ поѣздки въ окрестности Кіева. Вообще жизнь его текла мирно, и только по временамъ покой его нарушался случайнымъ нездоровьемъ.

Довольно важнымъ эпизодомъ, прервавшимъ на нѣсколько недѣль этотъ порядокъ жизни, была поѣздка въ Москву, гдѣ мы застаемъ его въ началѣ 1684 года. Въ Москвѣ въ то время важнѣйшую роль игралъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ, съ которымъ Гордонъ находился въ сношеніяхъ еще съ царствованія Θεодора Алексѣевича. Гордонъ, какъ вѣжета, пользовался въ то время особеннымъ расположеніемъ любимца царевны Софіи, бывалъ у него весьма часто и бесѣдовалъ съ нимъ о важныхъ политическихъ вопросахъ. Такъ, на примѣръ, 16-го января онъ имѣлъ съ Голицынымъ „тайную“ бесѣду о состояніи дѣлъ въ Кіевѣ, о заключеніи союза съ Польшей и съ императоромъ Леопольдомъ и о походѣ въ Крымъ. Бояринъ, пишетъ Гордонъ, — былъ склоненъ къ предпріятію противъ Татаръ; на Польшу онъ однако при этомъ не надѣялся и вообще понималъ тѣ затрудненія, которыя предстояли въ такомъ походѣ. Гордонъ, напротивъ того, не сомнѣвался въ успѣхѣхъ и указывалъ на цѣлый рядъ благоприятныхъ обстоятельствъ, которыми, по его мнѣнію, должно было пользоваться. Бояринъ просилъ Гордона изложить свои соображенія въ особенной запискѣ, и тотъ на другой же день поднесъ Голицыну довольно обширный мемуаръ объ этомъ предметѣ (II, 4).

Записка Гордона о восточномъ вопросѣ, сообщенная цѣликомъ въ дневникѣ, замѣчательна во многихъ отношеніяхъ. Обширность ея (семь страницъ въ 8-ю д. л. въ изданіи дневника) можетъ служить доказательствомъ того, что Гордонъ былъ въ состояніи въ самое короткое время изложить весьма ясно и отчетливо довольно сложные политическіе вопросы. Виѣстѣ съ тѣмъ можно удивляться и нѣкоторой смѣлости, съ которою Гордонъ затрогиваетъ нѣсколько щекотливые предметы. Содержаніе записки состоитъ въ слѣдующемъ: Сперва Гордонъ доказываетъ, что Россія нуждается въ мирѣ, потому что цари малолѣтніе, и регентство, начавшее неудачную войну, легко можетъ навлечь на себя гнѣвъ государей, какъ скоро они достигнутъ совер-

шеннолѣтія. При двоевластіи въ государствѣ легко могутъ возникнуть раздоры, борьба партій, соперничество вельможъ, а все это во время войны легко можетъ повести къ неуспѣху военныхъ дѣйствій. Недостатокъ въ денежныхъ средствахъ, плохая дисциплина въ войскахъ, миролюбіе Русскихъ вообще, въ особенности же вельможъ и сановниковъ, существованіе мирныхъ договоровъ между Русскими и Татарами, убѣжденіе Русскихъ, что никогда не слѣдуетъ вести наступательную войну, недовѣріе къ союзникамъ, и въ особенности къ Польшѣ вотъ, по мнѣнію Гордона, главные аргументы противъ войны. Затѣмъ онъ старается опровергнуть всѣ эти доводы. Такъ, на примѣръ, онъ указываетъ на разные примѣры удачныхъ войнъ, какъ-то на войну начатую во время малолѣтства короля Англійскаго Генриха V и военные дѣйствія Шведовъ въ Германіи во время малолѣтства королевы Христины. На согласіе вельможъ и сановниковъ Гордонъ не надѣется, такъ какъ согласіе—въ ихъ собственномъ интересѣ. Финансовыя затрудненія кажутся ему ничтожными. Усердіе военныхъ дѣл можетъ-де быть поддерживаемо наградами и наказаніями. На договоры съ Татарами, постоянно ихъ нарушающими, не должно обращать вниманія. Если даже Россія начнетъ войну, то такая война не можетъ считаться наступательною, потому что Татары въ свою очередь довольно часто въ мирное время предпринимали разные набѣги на русскія владѣнія, оскорбляли русскихъ дипломатовъ и пр. На соединеніе Польши можно надѣяться потому, что Польша многимъ обязана Россіи. Впрочемъ, Гордонъ не особенно надѣется на дружескія сношенія между Польшей и Россіей. Въ пользу войны, по мнѣнію Гордона, можно привести еще слѣдующіе аргументы: Польша можетъ воевать съ Татарами; въ случаѣ успѣшнаго хода этой войны Польша можетъ сдѣлаться опасною для Россіи въ томъ случаѣ, когда Россія не будетъ участвовать въ войнѣ. Въ случаѣ неудачи Польши, Турки и Татары станутъ требовать для себя части польскихъ и малороссійскихъ владѣній и даже части русскихъ областей. Если Польша сдѣлалась вассальнымъ владѣніемъ Турціи, то это обстоятельство можетъ быть весьма губительно для Россіи. Что касается до малороссійскихъ казаковъ, то Гордонъ допускаетъ, что съ ихъ стороны грозитъ нѣкоторая опасность, и что они легко могутъ думать о присоединеніи вновь къ Польшѣ, воспользовавшись при этомъ случаемъ военными дѣйствіями обѣихъ державъ; но принятіемъ нѣкоторыхъ мѣръ предосторожности Гордонъ надѣется предупредить эту опасность.

ность. Вообще Гордонъ не сомнѣвается въ успѣхѣ въ войнѣ съ Татарами. Онъ считаетъ весьма легкою задачей истребленіе гнѣзда невѣрныхъ, чѣмъ можно „оказать существенную услугу Богу“, освобожденіе изъ плѣна многихъ тысячъ христіанъ, приобрѣтеніе громкой славы опустошеніемъ Крымскаго полуострова, избавленіе христіанства отъ этого „ядовитаго, проклятаго и сѣвернаго изчадія“, мщеніе за столь многія обиды, нанесенныя Татарами Русскимъ въ продолженіе многихъ столѣтій, обогащеніе Россіи путемъ такого завоеванія. По мнѣнію Гордона, Крымъ можно занять посредствомъ войска въ 70,000 чел. пѣхоты и 20,000 чел. конницы. Походъ въ Крымъ развѣ только тѣмъ представляетъ затрудненіе, что на пути туда два дня нужно идти безводною степью. Съ другой стороны, степь представляетъ собою то удобство, что при отсутствіи лѣсовъ, холмовъ, болотъ, узкихъ проходовъ и пр. войско во время похода всюду можетъ идти въ боевомъ порядкѣ. Въ концѣ записки Гордонъ говоритъ объ опасности, заключающейся въ томъ, что черезъ слишкомъ долгій миръ русское войско совсѣмъ отвыкнетъ отъ ратнаго дѣла, между тѣмъ какъ окрестныя государства постоянно упражняются въ войнѣ. (II, 4—11).

Какъ видно, нѣкоторыя соображенія Гордона въ послѣдствіи оказались вполнѣ основательными. Неудавшіеся походы сильно не понравились Петру и, совершенно согласно съ опасеніями Гордона, навлекли гнѣвъ Петра на того самаго Голицына, для котораго Гордонъ писалъ свой мемуаръ. Опасенія Гордона относительно вражды и соперничества между вельможами также сбылись во время Крымскихъ походовъ: изъ переписки Голицына съ Шакловитымъ извѣстно, что во время отсутствія Голицына другіе вельможи крамолили противъ него въ Москвѣ. За то главная мысль Гордона, его вѣра въ успѣхъ войны не нашла себѣ оправданія. Онъ считалъ возможнымъ занятіе Крыма; но русскія войска не проникли туда ни въ 1687, ни въ 1689 году.

Впрочемъ, эту ошибку онъ раздѣляетъ съ другимъ современнымъ ему публицистомъ — съ Юріемъ Крижаничемъ. За нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, знаменитый „Серблянинъ“ въ гораздо болѣе сильныхъ выраженіяхъ проповѣдывалъ войну противъ Татаръ, мечталъ о занятіи Крымскаго полуострова, объ изгнаніи оттуда всѣхъ мусульманъ, не желавшихъ принять христіанскую вѣру, и даже о перене-

сенія въ Крымъ столицы Россіи ¹⁾). Ни Крижаничъ, ни Гордонъ, ни русское правительство не могли ожидать ужасной неудачи походовъ 1687 и 1689 годовъ. Но наиболѣе достойна порицанія ошибочность соображеній именно у Гордона, который, какъ опытный полководецъ, знакомый съ недостатками русской военной администраціи и съ затрудненіями, представляемыми безводною степью, по настоящему долженъ былъ серьезнѣе смотрѣть на такого рода предпріятія.

Мы не знаемъ, какъ была принята записка Гордона, какое впечатлѣніе она произвела на Голицына. Гордонъ оставался въ столицѣ еще нѣсколько недѣль послѣ передачи боярину записки, но какъ кажется, между ними не было болѣе никакихъ совѣщаній объ этомъ предметѣ. Устряловъ ²⁾, сообщая записку Гордона, замѣчаетъ: „Ничто не могло быть основательнѣе мнѣнія Гордона при тогдашнихъ обстоятельствахъ. Голицынъ, кажется, выслушалъ его равнодушно: по крайней мѣрѣ, не отмѣнилъ даннаго полномочіемъ комиссарамъ въ Андрусовѣ наказа объ уклоненіи отъ наступательнаго союза съ Польшею противъ Турціи, и чрезъ мѣсяць послѣ совѣщаній съ Гордономъ получено было въ Москвѣ извѣстіе, что переговоры въ Андрусовѣ были прерваны. Первый крымскій походъ состоялся лишь чрезъ три года спустя.

Не смотря на то, что Гордонъ имѣлъ въ столицѣ сильныхъ покровителей, его желанія, выраженныя во время пребыванія въ Москвѣ, не исполнялись. Онъ пріѣхалъ собственно съ цѣлью хлопотать о переводѣ въ Москву. Желая быть допущеннымъ къ царской рукѣ, онъ узналъ, что по случаю болѣзни Петра, страдавшаго въ то время оспою, можно видѣть только царя Ивана; Гордонъ сначала хотѣлъ ждать выздоровленія Петра, затѣмъ однако рѣшился просить аудіенціи у одного Ивана. 22-го происходила эта аудіенція. Гордонъ замѣчаетъ, что Иванъ былъ вида болѣзненнаго, слабого и печальнаго. Поцѣловавъ царскую руку, Гордонъ представлялся и царевнѣ Софіи, которая благодарила его за службу и приказала ему готовиться немедленно къ возвращенію въ Кіевъ. Гордонъ просилъ принять въ соображеніе его печальныя обстоятельства, называлъ себя „разорившимся человѣкомъ“, указывалъ на то, что онъ уже пять лѣтъ про-

¹⁾ См. мою статью «Юрій Крижаничъ о восточномъ вопросѣ» въ сборникѣ *Древняя и Новая Россія*, декабрь 1876 года

²⁾ Ист. Петра Вел., I, 129—133.

жилъ въ Кіевѣ и желалъ бы получить отпускъ на короткое время. Но ему отвѣтили сухо повтореніемъ приказанія ѣхать обратно въ Кіевъ (I, 12).

Не смотря на рѣшительный отказъ, Гордонъ однако не унывалъ и настаивалъ на своемъ. На другой же день по утру онъ отправился къ Голицыну и просилъ, чтобъ его не отправляли обратно въ Кіевъ. Бояринъ обѣщалъ подумать о томъ, но два дня спустя далъ Гордону совѣтъ безпрекословно ѣхать, куда его посылали. Сахарное пирожное, принесенное Гордону въ тотъ же день отъ царскаго имени въ знакъ милости, едва ли было достаточнымъ утѣшеніемъ для него (II, 13).

Когда Гордонъ, нѣсколько дней спустя, явился откланиваться къ Голицыну, бояринъ похвалилъ его за уступчивость, замѣтивъ при этомъ, что касательно дозволенія оставить Россію Гордонъ можетъ надѣяться на него. Говорилъ ли Голицынъ о временномъ отпускѣ, или о полномъ увольненіи—мы не знаемъ. За то не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что самъ Гордонъ не переставалъ мечтать о совершенномъ возвращеніи на родину. Между тѣмъ онъ воспользовался нѣкоторыми матеріальными выгодами: въ Москвѣ онъ добился полученія вдругъ половины годоваго жалованья, успѣлъ продать казвѣ домъ, принадлежавшій ему въ Сѣвскѣ, и выхлопоталъ себѣ возвращеніе Чигиринскихъ убытковъ (II, 14).

Путешествіе въ Кіевъ въ мартѣ мѣсяцѣ было весьма трудно по случаю разлива рѣкъ. Цѣлый мѣсяцъ Гордонъ былъ въ дорогѣ; въ это время его главнымъ образомъ занималъ вопросъ объ увольненіи, о чемъ онъ, по видимому, просилъ въ Москвѣ. Но въ октябрѣ 1684 года онъ получалъ отъ полковника Менгдена извѣстіе, что на челобитье его послѣдовалъ отказъ (II, 42). Онъ объяснялъ себѣ это тѣмъ, что не имѣлъ въ Москвѣ надежнаго ходатая (II, 49). Въ началѣ 1685 года Гордонъ взялся за дѣло весьма серьезно и написалъ множество писемъ въ Москву, все съ просьбой объ увольненіи; такъ, 8-го января онъ писалъ къ Василю Васильевичу Голицыну, который и сообщилъ ему, что онъ получить увольненіе или по крайней мѣрѣ отпускъ для поѣздки за границу на короткое время; писалъ Гордонъ и къ Украинцеву, и къ полковнику Менгдену, и къ датскому резиденту Бутенанту, и къ полковнику Гамильтону. Изъ письма къ Гамильтону видно, что Гордонъ ожидалъ, что самъ король Карлъ II будетъ за него ходатайствовать предъ царями (II, 55). Затѣмъ, онъ опять отправилъ къ Голицыну челобитную объ отпускѣ за границу

(II, 58), но въ февралѣ узналъ, что все еще нѣтъ рѣшенія (II, 61). Очевидно, съ цѣлью хлопотать лично въ Москвѣ о своемъ дѣлѣ Гордонъ билъ челомъ объ отпускѣ его въ Москву для покупки тамъ разныхъ матеріаловъ для построекъ въ Кіевѣ. Тотчасъ послѣ того онъ получилъ письмо отъ полковника Менгдена съ извѣстіемъ, что въ Москвѣ ни подъ какимъ видомъ не хотѣтъ дозволить Гордону ухаживать изъ Кіева, но что онъ не смѣетъ сообщить о причинахъ этого рѣшенія и только совѣтуетъ Гордону подать челобитье съ изложніемъ всѣхъ своихъ жалобъ и желаній (II, 68). Гордонъ опять отправилъ въ Москву цѣлый рядъ писемъ къ разнымъ вліятельнымъ лицамъ, но извѣстіе, полученное отъ Менгдена, подтвердилось письмами другихъ знакомыхъ: правительство, писали Гамильтонъ, Бутенантъ и проч., — не только не желало отпустить Гордона за границу, но даже хотѣло перевести его изъ Кіева. Съ свойственною Гордону настойчивостью онъ продолжалъ хлопотать, переписываться съ разными лицами и подавать разные бумаги; между прочимъ, составилъ онъ обширную записку, въ которой изложилъ всѣ свои обстоятельства, и которую должны были передать его покровители царю и царицѣ Софіи. Въ этой запискѣ Гордонъ указывалъ на свое знатное происхождение и на военную службу въ разныхъ государствахъ. „Вездѣ“, говоритъ онъ, — „меня отпускали тотчасъ же, когда я выражалъ желаніе увольненія; вездѣ получалъ я письменныя свидѣтельства и похвалы о моей службѣ. Я пріѣхалъ въ Россію не въ крайней нуждѣ и не убогимъ, а въ качествѣ богатаго и знатнаго человека, съ цѣлью прослужить лишь нѣсколько времени и въ надеждѣ уѣхать какъ скоро мнѣ заблагоразсудится“. Затѣмъ, онъ выставляетъ на видъ свои заслуги въ русской военной службѣ, пониженіе жалованья ратнымъ людямъ въ Россіи въ 1669 году, свои потери въ Чигиринѣ, и указываетъ на свои прежнія просьбы объ увольненіи, а также и на данныя ему обѣщанія отпустить его въ Шотландію. Тутъ мы узнаемъ объ особенно важной причинѣ, заставившей его желать возвратиться туда. Въ 1684 году умерли родители Гордона. Такъ какъ онъ остался единственнымъ сыномъ, то нужно было привести въ порядокъ отцовское имѣніе; безъ его личнаго присутствія въ Шотландіи, какъ онъ пишетъ, — онъ не могъ вступить во владѣніе унаслѣдованнымъ отъ отца имѣніемъ. Далѣе слѣдуетъ длинный рядъ жалобъ. Гордонъ жалуется на то, что другіе иностранцы получили большія въ сравненіи съ нимъ награды, что ему

трудно прожить съ скуднымъ жалованьемъ, что онъ не въ состояніи воспитывать своихъ дѣтей надлежащимъ образомъ, и что частыя болѣзни вслѣдствіе ранъ и чрезмѣрныхъ усилій въ разныхъ походахъ заставляютъ его думать о предстоящей кончинѣ и о томъ, что онъ оставляетъ свою семью въ крайне бѣдственномъ состояніи. Далѣе, Гордонъ жалуется на недостатокъ въ католическихъ священникахъ, которымъ было запрещено пребываніе въ Россіи. Поэтому онъ просилъ о повышеніи жалованья, о дозволеніи приглашать въ Кіевъ хотя бы по случаю главныхъ праздниковъ католическихъ священниковъ изъ ближайшихъ польскихъ городовъ, о содержаніи въ Кіевѣ врача, и наконецъ, о дозволеніи ему, если нельзя думать объ увольненіи, съѣздить на шесть мѣсяцевъ въ Шотландію (II, 83—88).

Подробное изложеніе всѣхъ этихъ желаній, находится и въ письмѣ Гордона къ Леонтыю Романовичу Неплюеву, котораго онъ просилъ ходатайствовать за него предъ правительствомъ. Тутъ между прочимъ сказано, что Россія не купила его, какъ товаръ, что онъ не былъ взятъ въ плѣнъ, а пріѣхалъ въ Россію свободнымъ человѣкомъ. Далѣе Гордонъ указывалъ на то обстоятельство, что въ случаѣ его кончины правительство будетъ имѣть расходы для содержанія его жены и дѣтей и проч. (II, 91—92).

По истеченіи нѣсколькихъ недѣль, къ Гордону пришелъ какой-то думный дякъ и совѣтовалъ ему не просить объ увольненіи, а довольствоваться исполненіемъ другихъ желаній (II, 97). Гордонъ, какъ кажется, дѣйствительно на этотъ разъ рѣшился прекратить свои ходатайства. За то въ концѣ 1685 года онъ отправился въ Москву опять хлопотать объ отпускѣ, и въ началѣ 1686 года мы застаемъ его въ столицѣ ¹⁾.

При разборѣ прошеній Гордона мы не можемъ не спросить себя: было ли его положеніе въ Россіи въ матеріальномъ отношеніи дѣйствительно столь бѣдственно, какъ онъ разказывалъ. Съ одной стороны, мы знаемъ, что онъ жилъ въ Кіевѣ безбѣдно, устраивалъ празднества и увеселенія разнаго рода; съ другой — знаемъ изъ достовѣрнаго источника — изъ одного письма Лефорта, что положеніе иностранныхъ офицеровъ именно послѣ Чигиринскихъ походовъ, когда насталъ миръ на нѣсколько лѣтъ, было весьма дур-

¹⁾ 3-го декабря онъ еще былъ въ Кіевѣ. Затѣмъ пробылъ въ дневникѣ до 1-го января.

ное. Лефортъ пишетъ, что многіе офицеры, получившіе увольненіе и приведенные въ крайне бѣдственное состояніе, занимались грабежомъ и совершали разныя преступленія, чтобы не умереть съ голоду, но что и оставшіеся на службѣ получали самое скудное жалованье, такъ что едва были въ состояніи содержать на эти деньги лошадей. „Москвитяне“, пишетъ Лефортъ, — „думаютъ, что они уже вполне достаточно знаютъ ратное дѣло и потому не хотятъ болѣе содержать ни офицеровъ, ни солдатъ изъ иностранцевъ“. Поэтому и Лефортъ желалъ оставить Россію въ то время и писалъ въ Швейцарію, что военные люди въ настоящее время не могутъ рассчитывать на карьеру въ Россіи¹⁾. Изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ иностранные офицеры, служившіе въ Россіи, поправляли свое положеніе принятіемъ православной вѣры. Голландскій резидентъ Келлеръ пишетъ въ это время, что принявшіе православіе офицеры, не имѣя средствъ выѣхать изъ Россіи, по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи были обезпечены, что русское правительство такихъ людей чрезъ перемѣну исповѣданія сдѣлавшихся подданными царя, не могло выслать вонъ изъ государства. Лефортъ упоминаетъ о полковникѣ Штоделѣ, принявшемъ православіе, чтобы поправить свое положеніе, и говоритъ, что братъ этого Штоделя генералъ-маіоръ, вѣроятно, послѣдуетъ его примѣру. Они были реформатскаго исповѣданія²⁾.

Все это не могло относиться къ Гордону. Его положеніе было гораздо выгоднѣе; при томъ значеніи, какое онъ имѣлъ въ русскомъ войскѣ, при существенныхъ услугахъ, оказанныхъ имъ Россіи, правительство не только не думало о высылкѣ его вонъ изъ государства, но даже, какъ мы видѣли, ни за что не хотѣло лишиться Гордона. Далѣе мы знаемъ, что Гордонъ былъ отличнымъ хозяиномъ и никогда не бѣдствовалъ; къ тому же онъ послѣ смерти родителей сдѣлался зажиточнымъ землевладѣльцемъ въ Шотландіи; для него и въ матеріальномъ отношеніи могло быть болѣе выгоднымъ возвратиться на родину, нежели оставаться въ Россіи. Наконецъ, Гордонъ былъ ревностнымъ католикомъ и ни за что не рѣшился бы на перемѣну вѣры. Напротивъ того, благодаря своимъ сношеніямъ съ княземъ Василіемъ Васильевичемъ Голицынымъ, склоннымъ къ поддержкѣ католицизма въ Россіи, онъ скорѣе могъ надѣяться на льготы русскаго правительства въ пользу католицизма.

¹⁾ *Posselt. Lefort, I, 252 и 257.*

²⁾ Тамъ же, I, 257 и 265.

Во время своего пребывания въ Москвѣ въ началѣ 1686 года Гордонъ, безъ сомнѣнія, говорилъ о своемъ дѣлѣ и съ Лефортомъ, котораго онъ зналъ уже нѣсколько лѣтъ и съ которымъ даже былъ въ родствѣ. Жена Лефорта была племянницею тестя Гордона, полковника Бокговена. Въ то время, когда Гордонъ былъ начальникомъ въ Кіевѣ, Лефортъ находился при немъ и даже жилъ нѣкоторое время въ его домѣ; однажды Гордонъ написалъ для Лефорта одобрительное свидѣтельство ¹⁾, а во время пребывания въ Москвѣ ему случалось посѣщать Лефорта (II, 118).

Въ девяностыхъ годахъ имъ суждено было играть весьма важную роль при Петрѣ Великомъ, и въ нѣкоторомъ отношеніи они даже были соперниками; но нельзя сказать, чтобъ ихъ отношенія были особенно близкія. Они рѣзко отличались другъ отъ друга характеромъ. Гордонъ былъ болѣе серьезнымъ дѣльцомъ, а Лефортъ — болѣе веселымъ и пріятнымъ товарищемъ, собесѣдникомъ. Опытностью въ ратномъ дѣлѣ, знакомствомъ съ политическими вопросами, знаніемъ техники и вообще образованіемъ Гордонъ превосходилъ Лефорта. Последній былъ болѣе талантливымъ диллетантомъ, чѣмъ солиднымъ специалистомъ въ военномъ искусствѣ. По своимъ дарованіямъ и своей необыкновенно привлекательной личности онъ могъ сдѣлаться фаворитомъ; напротивъ того, Гордонъ, отличавшійся болѣе силою характера, стойкостью въ трудѣ, чѣмъ талантливостью, скорѣе могъ принести пользу государству, чѣмъ довольствоваться ролью царедворца. И тотъ, и другой въ жизни и дѣятельности Петра играли важную роль и могли быть его руководителями. Но это было уже послѣ государственнаго переворота 1689 года. Когда они встрѣтились въ Москвѣ въ началѣ 1686 г., ихъ официальное положеніе было очень скромное. И Лефортъ, подобно Гордону, также подумывалъ о выѣздѣ за границу, но Гордонъ на этотъ счетъ, какъ и вообще, обнаруживаетъ гораздо болѣшую стойкость и послѣдовательность, болѣшую привязанность къ своей родинѣ, меньшую любовь къ Россіи. Когда незадолго предъ тѣмъ Лефортъ ѣздилъ къ роднымъ въ Швейцарію, ему совѣтовали не возвращаться въ Россію, а искать случаевъ для дальнѣйшей карьеры въ Германіи, Франціи, Англіи или въ Нидерландахъ, онъ прямо возразилъ, что многимъ обязанъ Россіи, а потому хочетъ продолжать служить Петру и на-

¹⁾ *Posselt, Lefort, I, 269, 280, 302.*

дѣется тамъ сдѣлать блестящую карьеру ¹⁾. Гордонъ, напротивъ того, при каждомъ посѣщеніи своего отечества все болѣе и болѣе желалъ отдѣлаться отъ русской службы и даже когда послѣ 1689 года его положеніе въ Россіи стало гораздо болѣе выгоднымъ, онъ не переставалъ мечтать о возвращеніи въ Англію или Шотландію. Обстоятельства, въ которыхъ находились Гордонъ и Лефортъ, были различны. Лефортъ не имѣлъ никакого состоянія, его не знали на западѣ; онъ не имѣлъ никакихъ связей, не принадлежалъ ни къ какой политической партіи: онъ долженъ былъ главнымъ образомъ надѣяться на карьеру въ Россіи. Гордонъ же, какъ зажиточный землевладѣлецъ, какъ роялистъ и католикъ, какъ политическій дѣятель, котораго знали лично и уважали короли Карлъ II и Яковъ II, всегда могъ надѣяться на обеспеченное положеніе въ западной Европѣ и на почетное мѣсто въ ряду приверженцевъ Стюартовъ. Изъ его переписки въ началѣ девяностыхъ годовъ, а также изъ его дневника видно, съ какимъ вниманіемъ онъ слѣдилъ за всѣми событіями въ западной Европѣ и какъ страстно желалъ, особенно послѣ революціи 1688 года въ Англіи, участвовать въ тамошнихъ дѣлахъ. Лефортъ почти вовсе не занимался политикою, былъ равнодушенъ къ религіознымъ дѣламъ, но за то, какъ настоящій космополитъ и свѣтскій человѣкъ, держался правила „ubi bene ibi patria“, и какъ кажется, отличался отъ Гордона болѣе теплою душою и неограниченною привязанностью къ Петру. Лефортъ всегда былъ готовъ жертвовать всѣмъ для своего монарха и друга; Гордонъ никогда не забывалъ своего долга въ отношеніи къ Англіи и Шотландіи, въ Стюартамъ, къ католицизму, къ своему семейству и къ самому себѣ.

Гордонъ убѣдился теперь, что просить объ увольненіи опасно. За то вопросъ объ отпускѣ за границу былъ разрѣшенъ на этотъ разъ очень скоро. 18-го января Гордонъ обратился къ Голицыну съ просьбою, и на другой же день послѣдовало рѣшеніе. Ему было дозволено ѣхать за границу, но онъ долженъ былъ оставить жену и дѣтей въ Кіевѣ. Этимъ условіемъ правительство хотѣло обезпечить себѣ возвращеніе Гордона въ Россію. Когда онъ имѣлъ аудіенцію у царевны Софіи, она внушала ему весьма серьезно, чтобъ онъ скорѣе возвращался и привезъ съ собою одного изъ сыновей, которые находились въ то время за границею. Когда онъ откланивался княю Василью Василье-

¹⁾ *Posselt*, I, 312.

вичу Голицыну, послѣдній убѣдительнѣйше просилъ его вернуться скоро, иначе онъ, князь, взявшій на себя ручательство за возвращеніе Гордона въ Россію, можетъ попасть въ бѣду (II, 119 — 120). Что значило въ семнадцатомъ столѣтіи такое ручательство, мы знаемъ изъ сочиненія Котошихина, который пишетъ, что родственники находившихся за границею лицъ и поручители за нихъ подвергались пыткѣ, конфискованію имущества и т. п. въ случаѣ невозвращенія во-время тѣхъ лицъ, которымъ была дозволена поѣздка ¹⁾. Кромѣ того, Голицынъ вѣнчалъ Гордону въ обязанность въ каждый почтовый день писать къ нему письма. Эта мѣра могла имѣть двѣ цѣли. Во-первыхъ, Голицынъ, получая еженедѣльно письмо отъ Гордона, легче могъ слѣдить за нимъ. Во-вторыхъ, такимъ путемъ онъ могъ узнать болѣе или менѣе подробно о томъ, что происходило на западѣ. Мы знаемъ, что и въ 1666 году, когда Гордонъ былъ за границею, онъ писалъ такія же, похожія на газеты, донесенія дьяку Алмазову.

Путешествіе въ Шотландію въ 1686 году.

Въ 1666 году Гордонъ былъ въ Англіи въ качествѣ дипломатическаго агента. Онъ не имѣлъ тогда возможности съѣздить въ Шотландію, побывать у родныхъ и заняться своими дѣлами. О поѣздкѣ 1669—1670 годовъ (II, 84) мы не имѣемъ никакихъ подробностей и только изъ одной замѣтки въ частномъ письмѣ можемъ заключить, что это путешествіе имѣло совершенно частный характеръ. Такова же была и поѣздка 1686 года.

Не останавливаясь на частностяхъ весьма подробнаго разказа Гордона объ этомъ путешествіи, укажемъ лишь на важнѣйшія черты этого эпизода. Гордонъ выѣхалъ изъ Москвы въ началѣ февраля, посѣтилъ Новгородъ и затѣмъ, послѣ краткаго пребыванія въ Ригѣ, отправился сухимъ путемъ въ Мемель. Въ Брунсбергѣ (близъ Кенигсберга) онъ посѣтилъ сына Джемса, находившагося тамъ въ іезуитской коллегіи. Сначала онъ намѣревался отправиться въ Лондонъ моремъ изъ Гамбурга, но потомъ избралъ путь чрезъ Голландію. Изъ числа знакомыхъ, которыхъ онъ посѣтилъ въ Лондонѣ, назовемъ лорда Мельфорта, который былъ ревностнымъ сторонникомъ Стюартовъ и послѣ революціи 1688 года жилъ въ Римѣ, чтобы дѣйствовать въ пользу Якова II ²⁾. Во время пребыванія въ Лондонѣ Гордонъ

¹⁾ *Котошихинъ*, IV, 24.

²⁾ О не особенно хорошей репутаціи этого роялиста см. *Исторію Маколей* (Tauchnitz edition) III, 428.

нѣсколько разъ представлялся ко двору, и король Яковъ II, уже прежде знавшій его, кажется, умѣлъ цѣнить его преданность королевскому дому.

Мы знаемъ, что Гордонъ былъ роялистомъ. Когда, въ 1657 году его желали привлечь въ Австрію (I, 146), то дали ему замѣтить, что ему не слѣдуетъ служить въ шведскомъ войскѣ, такъ какъ Швеція состоитъ въ союзѣ съ „архи-измѣнникомъ“ (architraitor) Кривелемъ. Когда роялисты, служившіе въ шведскомъ войскѣ и находившіеся въ Польшѣ въ 1657 году, узнали о проѣздѣ посланника Кривела Бредшо (Bradshaw) въ Россію, то хотѣли убить его. Гордонъ, разказывая о томъ, хвалитъ ихъ намѣреніе, впрочемъ не приведенное въ исполненіе, и даже можетъ быть, самъ принадлежалъ къ числу 15 лицъ, составившихъ этотъ замыселъ (I, 154). Можно представить себѣ, какъ обрадовала Гордона реставрація Стюартовъ въ Англіи. О личныхъ свиданіяхъ его съ Карломъ II въ 1666 году мы говорили выше. Послѣ того онъ постоянно слѣдилъ за ходомъ событий въ Англіи. Ежегодно праздновалъ онъ день рожденія короля, даже въ Чигиринѣ, 29-го мая 1678 года, угостилъ своихъ сослуживцевъ-соотечественниковъ въ своемъ саду (I, 469). Въ апрѣлѣ 1684 года онъ чрезъ газеты и частныя письма узналъ о вѣнчаніи Карла II и о вступленіи на престолъ Якова II (II, 79); 29-го мая находившіеся въ Кіевѣ соотечественники Гордона вмѣстѣ съ нимъ собрались въ день рожденія покойнаго короля „для печальнаго празднества его памяти“ (II, 89). Вскорѣ послѣ того Гордонъ узналъ о возстаніи побочнаго сына Карла II Монмута противъ Якова II и о его казни. Въ дневникѣ сообщены стихи на латинскомъ языкѣ, относящіеся къ этому событію (II, 107 и 108). Нѣсколько времени послѣ того Гордонъ поѣхалъ въ Англію. 16-го апрѣля 1686 года онъ имѣлъ аудиенцію у короля Якова II, который долго бесѣдовалъ съ нимъ о царствѣ, о Россіи вообще, объ устройствѣ Московскаго государства, тамошнемъ ратномъ дѣлѣ и правленіи. Тутъ же привѣтствовали его шотландскіе дворяне. Затѣмъ Гордонъ былъ представленъ зятю короля, датскому принцу Георгу. Чтобы находиться ближе ко двору, Гордонъ нанялъ квартиру недалеко отъ Сен-Джемскаго сада, куда ходилъ гулять, и гдѣ нѣсколько разъ встрѣчался съ королемъ Яковомъ II между прочимъ разпрашивалъ его объ осадѣ Чигиринѣ. Однажды Гордонъ участвовалъ въ поѣздѣ короля на рѣкѣ Темзѣ, и при этомъ случаѣ король спрашивалъ мнѣніе Гордона о разныхъ укрѣпленіяхъ въ окрестностяхъ Лондона. Другой разъ Гордонъ имѣлъ

случай говорить съ королемъ, когда присутствовалъ при католическомъ богослуженіи во дворцѣ, и еще разъ—когда былъ въ театрѣ, гдѣ давали Шекспирова „Гамлета“. Когда Гордонъ въ послѣдній разъ былъ у короля, Яковъ подробно разпрашивалъ его о его происхоженіи и положеніи въ Россіи и въ военной службѣ, выразилъ желаніе, чтобы Гордонъ совсѣмъ возвратился въ свое отечество, и обѣщалъ ему свое покровительство. Въ заключеніе Яковъ сказалъ: „Не оставайтесь тамъ, я напишу о васъ царю письмо“ (II, 131—138).

У Гордона было множество знакомыхъ въ Лондонѣ, гдѣ онъ пробылъ около трехъ недѣль. Затѣмъ онъ отправился въ Шотландію. Въ Единбургѣ, гдѣ въ то время былъ губернаторомъ его родственникъ важнѣйшій членъ всего рода, герцогъ Гордонъ. Во время пребыванія въ Единбургѣ, Патрикъ Гордонъ, получилъ письмо отъ Голицына съ просьбою привезти въ Россію нѣкоторое число инженеровъ, фейерверкеровъ и сапѣровъ (II, 142). Какъ кажется, Гордонъ представлялъ въ своихъ бесѣдахъ съ знакомыми русскую службу въ довольно выгодномъ свѣтѣ; иначе графъ Эглинтоунъ не просилъ бы его взять съ собою въ Россію его сына (I, 144).

Въ концѣ мая Гордонъ оставилъ Единбургъ и отправился въ Эбердинъ. Тутъ онъ прожилъ нѣкоторое время среди родныхъ и занялся своими частными дѣлами и устройствомъ своего хозяйства. 15-го іюля Гордонъ выѣхалъ изъ Шотландіи моремъ. Въ Ригѣ онъ остановился на нѣсколько дней, и затѣмъ чрезъ Псковъ, Новгородъ и пр. отправился въ Москву, куда и прибылъ 31-го августа, послѣ семимѣсячнаго отсутствія.

Гордонъ — прапорщикъ.

Впечатлѣнія пребыванія въ Англіи, свиданіе съ родными и знакомыми, обѣщанное королемъ покровительство, наконецъ, условія жизни въ западной Европѣ, все это утвердило въ Гордонѣ желаніе окончательно покинуть Россію. Но желанія эти совершенно расходились съ тогдашними видами русскаго правительства. За нѣсколько мѣсяцевъ до пріѣзда Гордона изъ-за границы заключенъ былъ миръ съ Польшей и вмѣстѣ съ тѣмъ наступательный союзъ противъ Татаръ; рѣшившись воевать противъ Крыма въ слѣдующемъ году, правительство сильнѣе прежняго нуждалось въ Гордонѣ, который еще недавно оказалъ столь существенныя услуги Россіи въ Чигиринѣ и еще въ 1684 году подалъ столь подробную записку о войнѣ съ Та-

тарами. Поэтому новыя попытки Гордона испросить себѣ увольненіе должны были повести къ довольно серьезному кризису.

На другой день по прибытіи въ Нѣмецкую слободу, 1-го сентября Гордонъ явился къ Голицыну, былъ принятъ имъ весьма милостиво и поздравилъ его съ новымъ годомъ. 3-го сентября Гордонъ обѣдалъ у Голицына, 10-го—также. При этомъ случаѣ они бесѣдовали о пребываніи Гордона въ Англіи, о его путешествіи вообще и о разныхъ другихъ предметахъ. Но о предстоявшей войнѣ рѣчи не было. Только послѣ обѣда Гордонъ вмѣстѣ съ Голицынымъ отправился на охоту. 13-го сентября Гордонъ долженъ былъ представиться царю. Аудіенція почему-то въ этотъ день не состоялась; но на слѣдующій онъ былъ допущенъ въ царской рукѣ. Затѣмъ онъ былъ у царицы Софіи, которая сказала ему: „Богъ наградитъ тебя за то, что ты сдержалъ слово“, то-есть, вернулся въ Россію (II, 158—159).

Тутъ пока еще не видать ничего что подтверждало бы разсказъ Корба, что Голицынъ наконецъ „возненавидѣлъ“ Гордона¹⁾. Если основаніе думать, что Гордонъ пока не говорилъ о своемъ намѣреніи, воспользовавшись протекціей Якова II, выѣхать изъ Россіи. Между тѣмъ кризисъ приближался.

Мы уже выше видѣли, что король Яковъ II обѣщалъ Гордону писать царямъ о его увольненіи. Королевское письмо было написано еще во время пребыванія Гордона въ Великобританіи, а когда онъ готовился къ отплытію изъ Шотландіи, онъ получилъ изъ Лондона копію съ этого письма. Оно сообщено дѣликомъ въ дневникѣ (II, 150—151) и заключаетъ въ себѣ слѣдующее: „Узнавъ, что нашъ вѣрный и много любимый подданный Патрикъ Гордонъ служилъ вашимъ императорскимъ величествамъ много лѣтъ и служить еще можетъ въ качествѣ генералъ-лейтенанта, а далѣе, что онъ нынѣ долженъ вступить въ управленіе отцовскихъ имѣній и притомъ обязанъ служить вамъ, мы просимъ ваши императорскія величества отпустить Гордона съ женою, дѣтьми, прочими родными и вещами изъ вашего государства. Исполненіе этой просьбы для многихъ охотниковъ вступить въ вашу службу будетъ поощреніемъ“ и пр. Герцогъ Гордонъ писалъ также къ князю Голицыну письмо, на латинскомъ языкѣ, въ которомъ было множество комплиментовъ, но милость къ Патрику Гордону испрашивалась только въ общихъ выраженіяхъ.

13-го сентября, въ тотъ самый день, когда Гордону не удалось

¹⁾ Diarium itineris etc., p. 216.

представиться царямъ, одинъ Англичанинъ, по фамили Мунтеръ, вручилъ ему подлинное письмо Якова II къ царямъ. Тогда въ Россіи не было англійскаго резидента; въ такихъ случаяхъ письма Англійскихъ королей къ царямъ нерѣдко пересылались чрезъ купцовъ, проживавшихъ въ Москвѣ и игравшихъ роль консуловъ. Такимъ лицомъ былъ прежде купецъ Врейанъ (Vreug), о которомъ не разъ упоминается въ дневникѣ Гордона, такимъ былъ и Мунтеръ. На другой день голландскій резидентъ Келлеръ передалъ письмо короля Якова царямъ. Голландскій резидентъ въ Лондонѣ Ситтерсъ нарочито просилъ Келлера быть посредникомъ въ этомъ дѣлѣ. Какъ видно, въ вопросу объ увольненіи Гордона придана была нѣкоторая важность, и онъ сталъ предметомъ дипломатическихъ сношеній. Письмо Якова II было передано въ тотъ самый день, когда Гордонъ имѣлъ аудіенцію у царей и царицы. Но можетъ быть, при дворѣ еще не знали содержанія письма. На другой день какой-то Голландецъ, плохо знавшій англійскій языкъ, перевелъ это письмо на русскій языкъ. Между тѣмъ Гордонъ подавъ челобитную объ увольненіи и занялся было составленіемъ другой записки, которую велѣлъ перевести на „славянское нарѣчіе“. Въ дневникѣ есть небольшой пробѣлъ отъ 15-го сентября по 24-е октября. Именно въ это время Гордонъ, безъ сомнѣнія, составилъ первую записку, о которой онъ пишетъ, что она была подана 23-го октября, но что пока (то-есть, 26-го октября) еще не было ему дано отвѣта. О какомъ-либо разладѣ съ Голицынымъ въ это время въ дневникѣ не упомянуто. Только когда 5-го ноября Гордонъ просилъ у боярина позволенія перевести свою жену изъ Кіева въ Москву, онъ получилъ „двусмысленный отвѣтъ“; это впрочемъ не помѣшало ему отправить 9-го ноября лошадей и слугъ въ Кіевъ за женою (II, 160). Вдругъ 16-го ноября Гордонъ узналъ, чрезъ нѣкоторыхъ своихъ русскихъ друзей, о рѣшеніи правительства сослать его съ семействомъ въ какое-нибудь отдаленное мѣсто, если онъ не станетъ просить прощенія (II, 160).

Гордонъ испугался. Онъ, вѣроятно, не ожидалъ такого оборота дѣла. На другой день онъ отправился къ голландскому резиденту просить его ходатайства предъ русскимъ правительствомъ. Баронъ Келлеръ объявилъ ему наотрѣзъ, что онъ никоимъ образомъ не станетъ вмѣшиваться въ это дѣло и прибавилъ, что Русскіе изъ газетъ узнали, будто Яковъ II хочетъ помочь Туркамъ (II, 161). Дѣйствительно, въ Россіи не любили Якова. Впослѣдствіи Голицынъ однажды прямо сказалъ Гордону: „Съ братомъ и отцомъ вашего ны-

нѣшняго короля мы ладили хорошо; но съ этимъ мы какъ-то не можемъ быть въ дружбѣ: онъ слишкомъ гордъ" (II, 226). Когда Яковъ лишился престола, русское правительство было чрезвычайно довольно этимъ событіемъ (II, 240). Такимъ образомъ тогдашнее раздраженіе Софіи и Голицына противъ Гордона, можетъ быть, въ значительной степени объясняется отвращеніемъ къ Якову

Гордонъ тщетно искалъ покровителей. 19-го ноября онъ былъ у разныхъ вельможъ и узналъ отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, что правительница въ большомъ гнѣвѣ на него за его упрямство и намѣрена строго наказать его. Гордонъ все еще не унывалъ и 20-го ноября велѣлъ переписать свою вторую челобитную. Однако 21-го числа онъ узналъ отъ нѣкоторыхъ друзей, что если онъ не поспѣшитъ просить прощенія, то дорого за то заплатится, подвергнется и себя, и свое семейство большой бѣдѣ и лишитъ ихъ возможности помочь ему. Гордонъ былъ въ такомъ волненіи, что не могъ спать всю ночь. „Хуже всего“, пишетъ онъ,—„было то, что я никому не смѣлъ открыть моихъ мыслей, потому что при корыстолюбіи и равнодушіи всѣхъ никто не заботился о судьбѣ другаго; не было никого, кто могъ бы дать мнѣ благоразумный совѣтъ“ (II, 161). 22-го ноября рано утромъ онъ отправился въ Измайловское, гдѣ тогда находились царь Иванъ и Софія и пошелъ сначала въ хоромы боярина Голицына. Голицынъ принималъ его и обратился къ нему съ упрёками. Гордонъ оправдывался, опираясь, какъ онъ говоритъ, на правоту своего дѣла, но Голицынъ сталъ горячиться еще болѣе и велѣлъ тотчасъ же изготавить приказъ о разжалованіи Гордона въ прапорщики и—немедленной его ссылкѣ. Бывшіе тутъ вельможи, чтобы угодить Голицыну, какъ говоритъ Гордонъ,—присоединили свои упрёки къ сильнымъ выраженіямъ боярина, приглашая его просить прощенія. Голицынъ не хотѣлъ слушать никакихъ доводовъ Гордона и требовалъ только, чтобы тотъ повинился и обѣщалъ служить далѣе. Зная могущество боярина и предвидя гибель своего семейства, Гордонъ рѣшился написать въ весьма осторожныхъ выраженіяхъ челобитье, въ которомъ изъявилъ сожалѣніе, что просьбою своею объ увольненіи оскорбилъ великихъ государей, и прося помилованія, изъявлялъ готовность служить далѣе. Когда это челобитье читалось „наверху“ (ab ope), то-есть, у государей, то нашли, что оно было писано недостаточно покорнымъ тономъ раскаянія и умиленія. Ему опять пригрозили ссылкой. Гордонъ объявилъ, что онъ готовъ под-

писать такую редакцію челобитья, какая для него будет сдѣлана въ приказѣ.

Все это происходило 22-го ноября. Гордонъ былъ сильно огорченъ, даже считалъ себя оскорбленнымъ, но не приходилъ въ отчаяніе, что между прочимъ видно изъ того обстоятельства, что онъ, 23-го ноября, возвращаясь изъ Измайловскаго въ Нѣмецкую слободу, осматривалъ лежавшіе на пути стеклянные заводы. 25-го ноября онъ былъ въ городѣ: думный дьякъ Емельянъ Игнатьевичъ Украинцевъ передалъ ему черновое челобитье въ желанномъ видѣ. Нѣкоторыя выраженія показались Гордону слишкомъ унижительными. Онъ зачеркнулъ эти мѣста, велѣлъ переписать челобитную и подписалъ ее. Когда она читалась въ тайномъ совѣтѣ, тамъ царствовало глубокое молчаніе, и царевна Софія не сказала ни слова. Всѣ знали, что Гордонъ насиліемъ и угрозами былъ принужденъ подать такую бумагу (II, 163).

Такимъ образомъ ссылка Гордона не состоялась; но распоряженіе о разжалованіи его было утверждено 22-го ноября, и только 11-го декабря онъ былъ прощенъ¹⁾, между тѣмъ была сдѣлана англійскимъ правительствомъ попытка дать дѣлу Гордона новый оборотъ. Разумѣется, въ Англійи не могли еще знать о несчастіи Гордона, но можетъ быть, считали вѣроятнымъ, что Гордону не легко будетъ отдѣлаться отъ русской службы; Англійя нуждалась въ дипломатѣ, и такъ какъ Гордонъ, хорошо знавшій Россію, былъ особенно годенъ представлять англійскіе интересы при русскомъ дворѣ, то Яковъ II и вздумалъ назначить его англійскимъ резидентомъ въ Москву.

29-го ноября Гордонъ по почтѣ получилъ отъ графа Миддлехтона и отъ статсъ-секретарей короля Великобританіи увѣдомленіе, что онъ назначенъ чрезвычайнымъ посломъ при Московскомъ дворѣ, и

¹⁾ Въ дневникѣ при разказѣ о событіяхъ въ Измайловскомъ, показано 23-е число. Кажется, это опечатка, потому что послѣ разказа событій этого несчастнаго дня сказано: «23-го и 24-го Гордонъ оставался дома». — Устряковъ, Ист. II. В., I, 183, пользовавшійся подлинникомъ дневника, также говоритъ, что «лишеніе чина происходило 22-го ноября», но при этомъ слѣдовало бы замѣтить, что это лишеніе чина было номинальное. По разказу Корба можно бы думать, что Гордонъ оставался прапорщикомъ до 1689 года, то-есть, до катастрофы Голицына. Разказавъ о ссылкѣ Голицына, Корба пишетъ: «а Гордонъ, мужественно переносившій нѣкоторое время незаслуженное несчастіе и жестокое угнетеніе зависти, будучи, по милости царя, восстановленъ въ прежнемъ своемъ генеральскомъ чинѣ» и пр.

что кредитивныя грамоты и инструкція будутъ немедленно отправлены ему въ Ригу. Неизвѣстно почему графъ Миддельтонъ въ своемъ письмѣ, писанномъ 25-го октября, предполагалъ, что эти бумаги застанутъ Гордона еще въ Ригѣ и потому приглашалъ его остаться въ этомъ городѣ впредь до дальнѣйшихъ приказаній (II, 163). Гордонъ былъ, какъ онъ самъ замѣчаетъ, въ крайнемъ удивленіи. Онъ тотчасъ же отправился съ этимъ письмомъ къ голландскому резиденту и къ дѣлау Виніусу, чтобы посоветоваться съ ними; но и тотъ, ни другой не могли ничего ему сказать. На другой день Гордонъ пошелъ къ Украинцеву, показать ему письмо графа Миддельтона и вмѣстѣ съ Украинцевымъ отправился къ Голицыну; бояринъ велѣлъ Гордону перевести письмо на латинскій языкъ и отдать въ приказъ для перевода на русскій языкъ, такъ какъ въ то время не было англійскаго переводчика. При этомъ Гордонъ подалъ новое челобитье, которое также было переведено на русскій языкъ. Голицынъ обѣщалъ сообщить царямъ и царевнѣ объ этомъ дѣлѣ. Между тѣмъ Гордонъ отвѣчалъ графу Миддельтону, но очевидно, уже не надѣялся на успѣхъ. 4-го декабря онъ отъ постоянного волненія и неприятностей заболѣлъ лихорадкой и нѣскольکو дней пролежалъ въ постели. Между тѣмъ „наверху“ послѣдовало рѣшеніе, то-есть, новый отказъ. „Цари, царевна и бояре“, сказано было, по словамъ дневника въ царской грамотѣ, — „выслушали челобитныя, поданныя генераль-лейтенантомъ Гордономъ, и положили: генераль-лейтенантъ Гордонъ не можетъ быть чрезвычайнымъ англійскимъ посломъ при дворѣ ихъ величествъ, потому что онъ долженъ служить въ большой арміи въ предстоящемъ походѣ противъ Турокъ и Татаръ. Патрикъ Гордонъ долженъ отвѣтить графу Миддельтону, что, если король желаетъ отправить посла въ Россію для поддержанія братской любви и дружбы, такого посла примутъ милостью“. На другой день послали за Гордономъ для официальнаго сообщенія ему этого рѣшенія, но онъ не могъ явиться по причинѣ болѣзни. Наконецъ, 11-го декабря онъ былъ призванъ къ Голицыну, который объявилъ ему, что цари всемиловѣйше прощаютъ его и оставляютъ въ прежней должности (II, 165). Гордонъ былъ сильно огорченъ: „Такъ“, замѣчаетъ онъ въ дневникѣ, — „кончилось это дѣло. На сторонѣ Гордона была справедливость и право, какъ можно было видѣть изъ всѣхъ представленій его, но на всѣ его доводы не было обращено никакого вниманія: ихъ называли баснями и сказками“.

Гордонъ просилъ, чтобъ ему дали копію съ рѣшенія для сообщенія королю Якову II. Ему было отказано въ исполненіи и этой просьбѣ

бы. Съ большимъ трудомъ подучилъ онъ обратно изъ приказа письмо графа Миддельтона. Наконецъ, его заставили показать въ приказѣ его собственное письмо къ графу Миддельтону, прежде чѣмъ оно будетъ отправлено въ Англію. Разумѣется, кромя этого письма, онъ отправилъ и другія съ подробнымъ изложеніемъ дѣла.

Разжалованіе Гордона въ прапорщики и ссылка его въ Сибирь были дѣломъ невозможнымъ по той самой причинѣ, по какой не хотѣли отпустить его за границу. Въ немъ нуждались для предстоявшаго похода, нуждались не въ Гордонѣ-прапорщикѣ, а въ Гордонѣ-генералъ-лейтенантѣ. Трудно сказать, на сколько основательно предположеніе г. Посселята, что образъ дѣйствій Голицына въ отношеніи къ Гордону озлобилъ послѣдняго противъ боярина и повліялъ на образъ дѣйствій Гордона въ 1689 г. во время государственнаго переворота ¹⁾. Соображаться въ своихъ дѣйствіяхъ съ чувствами личнаго негодованія или мести едва ли было въ натурѣ Гордона. Въ продолженіе трехъ лѣтъ послѣ событій 1686 года до переворота 1689 года сношенія между Голицынскимъ и Гордономъ были весьма близкія. Къ тому же вскорѣ послѣ этого кризиса, 2-го января 1687 года, Гордонъ получилъ чинъ полнаго генерала.

Оправившись послѣ описанныхъ безпокойствъ, Гордонъ поселился въ Нѣмецкой слободѣ, и сюда въ самомъ концѣ 1686 года пріѣхало его семейство (II, 166); онъ покорился обстоятельствамъ, но все-таки не переставалъ мечтать о родинѣ и о возможности покинуть Россію. Въ 1690 и 1691 годахъ онъ нѣсколько разъ писалъ объ этомъ своимъ роднымъ въ Англію; но съ теченіемъ времени эта надежда стала въ немъ ослабѣвать, въ чемъ и самъ онъ долженъ былъ наконецъ совнаться: это видно изъ писемъ его, относящихся къ началу 1692 года (III, 299 и 308).

Крымскіе походы.

1687 годъ начался для Гордона весьма благопріятно: ему поручили командовать выборными полками второй дивизіи (II, 166). Онъ немедленно занялся приведеніемъ ихъ въ надлежащій порядокъ. Также и его личныя отношенія къ князю Голицыну снова улучшились. Онъ посѣтилъ боярина въ его имѣнія, Медвѣдевѣ, и былъ хорошо принятъ (II, 167). Въ концѣ января было приказано готовиться къ

¹⁾ II, 665.

походу; Гордонъ хлопоталъ о жалованьѣ и подъемныхъ деньгахъ. 2-го февраля былъ смотръ войскамъ, подробно описанный въ дневникѣ. Голицынъ въ лестныхъ выраженіяхъ благодарилъ Гордона за отмѣнный порядокъ, въ которомъ найденъ былъ его отрядъ. Въ концѣ февраля войска выступили изъ Москвы въ походъ на сборныя мѣста.

Теперь должно было рѣшиться, могли ли осуществиться высказанныя Гордономъ въ 1684 году предположенія о возможности занятія Крыма. Приготовленія къ войнѣ были сдѣланы значительныя, и Гордонъ, какъ одинъ изъ главныхъ вождей въ русскомъ войскѣ, могъ имѣть большое значеніе въ военномъ совѣтѣ. Къ сожалѣнію, въ дневникѣ его опять встрѣчается пробѣлъ съ 23-го февраля по 3-е мая. Известно, что именно въ это время произошло замедленіе изъ-за „нѣтчиковъ“ и вслѣдствіе неудовольствія царедворцевъ, находившихся въ войскѣ Голицына ¹⁾. Обнаружилось то самое зло, на которое столь сильно жаловался Гордонъ по случаю Чигиринскаго похода 1678 года.

Въ маѣ мѣсяцѣ мы застаемъ Гордона въ дорогѣ; онъ часто обѣдалъ у Голицына во время похода и принималъ у себя не только прочихъ военачальниковъ, но и самого князя Василья Васильевича. Довольно подробно описываетъ Гордонъ порядокъ шествія, и далѣе нѣсколько лѣтъ спустя весьма подробно объяснялъ Корбу, какъ были расположены войска, такъ что къ сочиненію Корба приложенъ даже рисунокъ этого строя ²⁾. На пути Гордонъ занимался полковыми счетами и вообще канцелярскими работами. Какъ извѣстно, походъ былъ крайне неудаченъ. Настроеніе духа въ войскѣ было весьма неблагоприятное, и не разъ въ войскѣ безъ всякаго основанія распространялась тревога; при одномъ изъ такихъ случаевъ Гордонъ совершилъ объѣздъ лагеря. Онъ упоминаетъ также о недостаткѣ воды, о степномъ пожарѣ, о страшной жарѣ, о падежѣ лошадей, о болѣзняхъ солдатъ, о невозможности прокормить лошадей. 17-го іюля происходилъ военный совѣтъ, и на немъ было рѣшено возвратиться. И тутъ, къ сожалѣнію, дневникъ не полонъ, представляя пробѣлъ отъ 20-го мая до 12-го іюня.

О себѣ Гордонъ, разказывая подробности того похода, почти вовсе не говоритъ. Онъ, впрочемъ, не игралъ особенно выдающейся роли. О военныхъ совѣтахъ онъ говоритъ съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, но ни въ одномъ мѣстѣ не упоминаетъ о мнѣніяхъ, которыя самъ высказывалъ при такихъ случаяхъ. По видимому, онъ бо-

¹⁾ См. *Устрялова Ист. Петра Великаго*, I, 194 и 195.

²⁾ См. *Diarium itineris*, 242, и рисунокъ 1-й и 2-й.

лѣе занятъ былъ дѣлами военной администраціи, чѣмъ военными планами. Въ Чигиринѣ онъ имѣлъ совсѣмъ иное значеніе.

На возвратномъ пути въ Москву въ войскѣ получены были награды, изъ сравненія размѣровъ которыхъ можно заключить, что Гордонъ не занималъ особенно важнаго мѣста въ войскѣ. Голицынъ получилъ медаль съ цѣпью цѣною въ 300 червонцевъ. Прочіе боаре получили медали цѣною въ 9 червонцевъ. Гордонъ получилъ медаль въ 5 червонцевъ; прочія лица, слѣдующіе, дворяне получили медали въ 2 червонца и ниже (II, 195). Правительство, какъ мы знаемъ, старалось замаскировать неудачу похода, имѣвшаго въ тому же слѣдствіемъ низложеніе преданнаго Россіи гетмана Самойловича. Гордону дали при этомъ случаѣ неприятое порученіе. Онъ долженъ былъ до Сѣвска сторожить сына павшаго гетмана, съ которымъ во время пребыванія въ Кіевѣ находился въ дружественныхъ сношеніяхъ (II, 191—198).

Гордонъ возвратился въ Москву 6-го сентября 1687 года, послѣ семимѣсячнаго отсутствія. Въ слѣдующее затѣмъ время, полтора года, онъ прожилъ спокойно въ Нѣмецкой слободѣ, оставаясь впрочемъ на службѣ; иногда ему приходилось служить правительству полезными совѣтами; такъ при постройкѣ крѣпости на рѣкѣ Самарѣ (притокѣ Днѣпра) Гордонъ сообщилъ разныя соображенія по этому предмету (II, 210); 26-го ноября 1687 года онъ присутствовалъ вмѣстѣ съ бояриномъ Голицынымъ при опытахъ съ новыми пушками и давалъ совѣты въ техническомъ отношеніи. Довольно важно то обстоятельство, что въ апрѣлѣ 1688 года малороссійскіе казаки выразили желаніе, чтобы Гордонъ былъ отправленъ въ Малороссію (II, 215). Изъ этого случая видно, что во время своего пребыванія въ Малороссіи онъ умѣлъ снискать себѣ любовь и уваженіе тамошнихъ жителей.

Правительство вскорѣ послѣ перваго Крымскаго похода удостоило его повышенія: онъ получилъ чинъ полнаго генерала и право писаться съ „вичемъ“. Гордонъ, замѣчая объ этомъ въ дневникѣ (II, 202), прибавляетъ, что онъ удостоенъ былъ этой чести такъ поздно лишь потому, что не хлопоталъ объ этомъ ранѣе.

1688 годъ былъ не особенно богатъ событіями въ жизни Гордона. Онъ занимался семейными дѣлами, жилъ въ многочисленномъ кругу знакомыхъ и со вниманіемъ слѣдилъ за ходомъ политическихъ событій. Съ Голицынымъ и другими русскими вельможами онъ все это время былъ въ хорошихъ отношеніяхъ и нерѣдко бесѣдовалъ о государственныхъ дѣлахъ западной Европы. Къ этому времени отно-

сается его первым, хотя еще не личным, сношеніямъ съ Петромъ, который занимался тогда своими „потѣшными“. Важнѣе всего были приготовленія къ новому походу, начавшіяся въ послѣднихъ мѣсяцахъ 1688 года. И при этомъ случаѣ впрочемъ Гордонъ, какъ кажется, не игралъ важной роли: въ 1684 году Голицынъ заставлялъ его написать подробную записку о восточномъ вопросѣ; теперь спрашивали о томъ же Мазепу (II, 229). Гордонъ имѣлъ даже сильныхъ враговъ при дворѣ. Однажды, когда происходили совѣщанія о предстоящемъ походѣ, патриархъ въ сильныхъ выраженіяхъ говорилъ Гордонѣ, утверждая, что нельзя надѣяться на успѣхъ русскаго войска, если этимъ войскомъ будетъ командовать еретикъ. Вельможи, разказываетъ Гордонъ,—улыбались и не обращали вниманія на слова патриарха (II, 233). О такихъ совѣщаніяхъ въ дневникѣ Гордона говорится нѣсколько разъ, но мы не узнаемъ, участвовалъ ли онъ самъ въ нихъ, или нѣтъ. Впрочемъ, можно думать, что онъ имѣлъ вліяніе на военныя распоряженія и часто видѣлся съ важнѣйшими лицами при дворѣ—съ Шакловитымъ и Голицынымъ.

13-го февраля Гордонъ выступилъ въ походъ. 8-го марта на пути онъ бесѣдовалъ съ главнокомандующимъ о разныхъ дѣлахъ, относящихся къ своему полку. Такъ какъ послѣ того въ дневникѣ слѣдуетъ записка подъ заглавіемъ: „Размышленія о предстоящемъ походѣ“ (II, 249—250), то можно полагать, что Гордонъ былъ приглашенъ Голицынымъ сообщить свои соображенія по этому предмету. Въ этой запискѣ заключаются лишь техническія частности о способѣ преодоленія затрудненій при переходѣ чрезъ степи, о постройкѣ на пути разныхъ укрѣпленій для обезпеченія движеній войска и о разныхъ артиллерійскихъ снарядахъ. Этотъ проектъ былъ составленъ въ Сумахъ, гдѣ отдыхало войско въ первыхъ числахъ марта. Голицынъ однако не счелъ нужнымъ руководствоваться указаніями Гордона. По крайней мѣрѣ форты, о необходимости которыхъ говорилъ Гордонъ, не были построены.

Подробное описаніе движенія войскъ въ дневникѣ не заключаетъ въ себѣ почти никакихъ указаній о самомъ Гордонѣ. Такъ напримѣръ, не говорится о томъ, какія мнѣнія были высказаны Гордономъ на совѣщаніи всѣхъ начальниковъ 8-го мая. (II, 255). За то 12-го мая онъ передалъ князю особенную записку о томъ какъ долженъ дѣйствовать лѣвый флангъ въ случаѣ столкновенія съ неприятелемъ, котораго ожидали ежедневно (II, 256). Опасность росла съ каждою минутою: войско было окружено Татарами. Надежда на

успѣхъ, выраженная Гордономъ пятью годами раньше, и на этотъ разъ оказалась тщетною. Впрочемъ, въ дневникѣ своемъ онъ не высказываетъ никакого мнѣнія о походѣ вообще, о причинахъ неудачи и объ ошибкахъ, сдѣланныхъ при этомъ случаѣ. Нѣтъ также ни малѣйшаго намека на образъ дѣйствій князя Голицына по случаю переговоровъ съ Татарами. Дневникъ именно въ этой части не имѣетъ вовсе характера мемуаровъ или записокъ, тогда какъ, напримѣръ, о походѣ 1678 года говорится съ присоединеніемъ сужденій о событіяхъ. Есть однако основаніе думать, что Гордонъ оказалъ военному начальству существенныя услуги на обратномъ пути, при преодоленіи разныхъ затрудненій и опасностей, съ которыми приходилось войску бороться. Между прочимъ ему пришлось нѣкоторое время вести арьергардъ (II, 261).

Переворотъ 1689 года.

Гордонъ возвратился въ Москву около половины іюля, послѣ пятимѣсячнаго отсутствія. Въ дневникѣ тутъ пробѣлъ отъ 14-го до 22-го іюля. Гордона занималъ тогда вопросъ о наградахъ, которыя достанутся служивымъ людямъ за второй Крымскій походъ. 22-го онъ былъ въ городѣ, чтобы разузнать объ этомъ, но рѣшенія еще не послѣдовало. 24-го Гордонъ и другія лица были допущены къ рукѣ царя Ивана и царевны Софіи. Последняя особенно благодарила Гордона за оказанныя имъ во время похода услуги (II, 266). Что касалось до наградъ, то рѣшеніе затанулось вслѣдствіе неудовольствія Петра. Разногласіе въ отношеніи къ наградамъ было однимъ изъ поводовъ къ окончательному разрыву между Петромъ и Софіей. Такимъ образомъ приближалось событіе, имѣвшее для Гордона самое важное значеніе. Его вліяніе при Петрѣ было сильнѣе, чѣмъ до 1689 года. Ни Илья Даниловичъ Милославскій, ни Василій Васильевичъ Голицынъ умѣли дѣйствовать на Гордона въ такой степени, какъ Петръ. Тутъ открылось ему широкое поприще плодотворной дѣятельности, за которую онъ былъ награжденъ хорошимъ матеріальнымъ обезпеченіемъ.

Не даромъ Гордонъ тотчасъ же послѣ возвращенія изъ Крымскаго похода сталъ зорко слѣдить за ходомъ дѣлъ; вслѣдствіе того въ дневникѣ его сообщаются весьма любопытныя данныя о послѣдовавшемъ переворотѣ, въ которомъ и ему пришлось играть не послѣднюю роль. Разказавъ о томъ, что Петръ сначала не соглашался на награды ратнымъ людямъ, и что только 26-го іюля съ большимъ трудомъ его уговорили дозволить раздачу наградъ, Гордонъ замѣ-

чаетъ, что онъ получалъ мѣсячное жалованье, 20 паръ соболей, серебрянный кубокъ, богатой матеріи на платье, и кромѣ того, медаль цѣною въ три червонца. Однако въ тотъ же самый день обнаружился гнѣвъ царя Петра, не хотѣвшаго допустить къ себѣ полководцевъ и офицеровъ для принесенія благодарности за полученные награды. Гордонъ сообщаетъ о разныхъ слухахъ, распространенныхъ въ кружкахъ этихъ военныхъ: каждый понималъ, что Петръ не-хотя согласился на награды, и всѣ предвидѣли при дворѣ катастрофу. Никто однако не смѣлъ говорить о томъ, хотя всѣ знали о случившемся (II, 267). Въ слѣдующіе дни распространялись разные слухи о разладѣ въ высшихъ кругахъ; было опасно говорить объ этихъ слухахъ. 7-го августа распространилось извѣстіе объ удаленіи Петра въ Троицкій монастырь. Гордонъ только наблюдалъ за всѣмъ этимъ, узнавалъ всѣ подробности событій, но продолжалъ заниматься, какъ прежде, обученіемъ войска, частною перепискою и проч. Онъ пока и не думалъ о томъ, чтобы измѣнить Софіи и перейти въ Троицкій монастырь, хотя разказываетъ, что нѣсколько стрѣльцовъ по своей доброй волѣ перешли къ Петру (II, 269). Но положеніе Гордона и другихъ военачальниковъ стало весьма затруднительнымъ, послѣ того какъ 16-го августа было получено приказаніе стрѣльцамъ, солдатамъ и полковникамъ явиться въ Троицкій монастырь къ царю Петру не позже 20-го числа.

Военные люди не знали, что имъ дѣлать. Не даромъ въ чужихъ краяхъ удивлялись такому странному совладѣнію трехъ лицъ, какое учредилось тогда въ Россіи. Когда русскій посланникъ Волковъ сообщилъ въ Венеціи, что царица Софія „соцарствуетъ“, одинъ изъ сенаторовъ замѣтилъ: „Дождь и весь сенатъ удивляются, какъ слушать ихъ царскому величеству подданные ихъ, такимъ превисокимъ и славнымъ тремъ персонамъ государскимъ“. Теперь наступила минута, когда оказалось невозможнымъ служить вмѣстѣ и Софіи, и Петру. Власть была въ рукахъ царицы, Петръ же игралъ нѣкоторымъ образомъ роль претендента. Чувство долга, привязанность къ правительству скорѣе требовали повиновенія Софіи; политическія соображенія, надежда на будущее, справедливая оцѣнка характера и способностей Петра могли заставить военныхъ людей перейти къ Петру. Петръ и Иванъ пользовались равными правами. Гордонъ достаточно зналъ объ личности и не могъ сомнѣваться въ томъ, что будущность принадлежала Петру. Но въ то же время онъ имѣлъ пока дѣло лишь съ царицею Софіей и съ княземъ Голицынымъ.

Для него они были пока самыми законными представителями власти. Онъ долженъ былъ задуматься предъ рѣшеніемъ измѣнить Софію, Голицыну, царю Ивану.

При дворѣ состоялось совѣщаніе, по окончаніи котораго правительница, пригласивъ къ себѣ военачальниковъ, вмѣнила имъ въ обязанность не отправляться къ Троицѣ и не вмѣшиваться въ ея споръ съ братомъ. Мало того, когда нѣкоторые стрѣлцкіе полковники извѣяляли сомнѣніе, Софія объявила имъ, что если кто-либо изъ нихъ пойдетъ къ Троицѣ, то будетъ пойманъ и казненъ смертью. Что касалось Гордона, то Василий Васильевичъ Голицынъ далъ ему приказаніе ни подъ какимъ видомъ не удаляться изъ Москвы. Послѣ того Петръ далъ знать Софію, что онъ пригласилъ къ себѣ войско, и внушилъ ей, чтобъ она не мѣшала никому перейти къ нему (I, 270). Князь Прозоровскій отправился въ Троицу съ цѣлью оправдать царевну въ томъ, что она не дозволяетъ войскамъ удалиться туда. На другой день старались распространить слухъ, будто приглашеніе явиться въ Троицу было прислано въ Москву безъ вѣдома Петра. Какъ видно, Гордонъ не вѣрилъ этой баснѣ; тѣмъ не менѣе, онъ все еще оставался въ Москвѣ.

Къ сожалѣнію, и тутъ встрѣчается пробѣлъ въ дневникѣ отъ 18-го августа до 1-го сентября. Къ этому времени относится довольно важный фактъ: въ Москвѣ рѣшились послать патріарха въ Троицу для переговоровъ. Іоакимъ былъ радъ вырваться изъ Москвы, уѣхалъ къ Троицѣ и тамъ остался; Петръ приобрѣлъ важнаго союзника. 27-го августа новая царская грамота отъ Троицы въ стрѣлцкіе полки, въ гостинную сотню, въ дворцовыя слободы и черныя сотни, чтобъ всѣ полковники и начальныя люди съ 10 рядовыми изъ каждаго полка, а изъ сотенъ и слободъ старосты съ 10 тяглецами явились немедленно къ Троицѣ, а кто не явится, тому быть въ смертной казни. Толпы стрѣльцовъ, повинувъ указу, двинулись изъ Москвы. Затѣмъ, Софія сама отправилась къ Троицѣ, но ей на дорогѣ объявили, чтобъ она въ монастырь не ходила, иначе съ нею „нечестно поступлено будетъ“. Она возвратилась и заставила оставшихся стрѣльцовъ присягнуть въ томъ, что они не побѣгутъ къ Троицѣ¹⁾.

Таковы были событія, происшедшія въ то время, къ которому относится пробѣлъ въ дневникѣ Гордона. Въ продолженіе этихъ дней

¹⁾ См. Ист. Росс. *Соловьева*, XVI, стр. 127.

иноземцы, по видимому, соблюдали въ некоторомъ образѣ нейтралитетъ между спорившими партіями, слѣдили за ходомъ дѣлъ и ждали рѣшительной минуты. Положеніе становилось все болѣе критическимъ.

Весьма подробно разказываетъ Гордонъ о пріѣздѣ въ Москву полковника Печаява съ требованіемъ выдачи Шакловскаго и Медвѣва. Гордонъ утромъ 1-го сентября самъ выдѣлъ около Кремля много стрѣльцовъ, которые должны были наблюдать за тѣмъ, чтобы не бѣжали главные противники Петра. Требованіе выдачи Шакловскаго, какъ разказываетъ Гордонъ, произвело сильное движеніе у двора; народъ былъ пораженъ: большинство, по словамъ Гордона, рѣшило оставаться спокойнымъ и ждать, чѣмъ кончится дѣло. Къ этому большинству принадлежалъ и самъ Гордонъ, который почему имѣлъ случай выслушать рѣчи царевны къ стрѣльцамъ, къ торговымъ и посадскимъ людямъ и къ народу. Иностранцамъ становилось чрезвычайно неловко. Они были въ недоумѣніи, отправиться ли къ Петру, или оставаться въ Москвѣ. Многое въ этомъ отношеніи зависѣло отъ рѣшенія самого Гордона, игравшаго важнѣйшую роль между жителями Нѣмецкой слободы. Вдругъ распространился слухъ, что онъ получилъ изъ Троицы особое посланіе. Къ нему обратились съ вопросомъ: правда ли это? Не получивъ на самомъ дѣлѣ никакого письма, онъ отвѣчалъ отрицательно, „чѣмъ“, какъ онъ пишетъ, „были довольны“. Однако Гордонъ началъ считать довольно опаснымъ свое положеніе въ отношеніи къ Петру, и потому, когда 2-го сентября некоторые лица изъ Нѣмецкой слободы отправились въ Троицу, онъ поручилъ одному изъ этихъ лицъ, которое пользовалось его довѣріемъ, доложить царю, что иностранцы вообще не идутъ въ Троицу потому, что не знаютъ, будетъ ли ему пріятенъ ихъ приходъ, или нѣтъ. Очевидно, Гордонъ предлагалъ Петру услуги иностранцевъ и изъявлялъ готовность разорвать съ Софіей. Развязка приближалась. Гордонъ, какъ кажется, хорошо зналъ о происходившемъ въ Троицкомъ монастырѣ. По крайней мѣрѣ онъ подробно разказываетъ о событіяхъ 3-го сентября и о томъ, что въ этотъ день главный стрѣлецкій полкъ, находившійся уже въ Троицѣ, изъявилъ желаніе отправиться въ Москву и привести оттуда насильно всѣхъ ненавистниковъ царя. Гордонъ замѣчаетъ при этомъ: „Можно было ожидать окончательнаго разрыва; все соединилось къ ускоренію вѣнчѣйшей перемены“ (I, 275).

Наконецъ и иностранцамъ нужно было рѣшиться дѣйствовать. 4-го сентября въ Нѣмецкой слободѣ явилась царская грамота, помѣч-

ная 31-мъ августа, и въ которой Петръ обращался ко всѣмъ генераламъ, полковникамъ и прочимъ офицерамъ, не называя впрочемъ никого по имени. Посланіе это было запечатано. Сначала оно пошло въ руки какого-то полковника Риддера, а отъ него принесено къ Гордону, очевидно, потому, что онъ считался какъ бы главою иноземской колоніи въ слободѣ. Гордонъ и поступилъ, какъ слѣдовало вліятельнѣйшему лицу. Онъ пригласилъ къ себѣ какого-то, не-извѣстнаго намъ, „генерала“ и полковниковъ, и тогда только, въ присутствіи всѣхъ распечаталъ и прочиталъ царскую грамоту. Въ ней были разказаны обѣтъ августа мѣсяца отправленіе Печаева для привлеченія виновныхъ заговорщиковъ къ суду, и въ заключеніе было приказано всѣмъ иностранцамъ, генераламъ и офицерамъ, тотчасъ же по полученіи этой грамоты въ полномъ вооруженіи и на оныхъ отправиться къ его величеству въ Троицу. По прочтеніи письма было рѣшено довести о немъ до свѣдѣнія князя Василя Васильевича Голицына (II, 276): иноземцы все еще медлили; вмѣсто того, чтобы прямо перебѣжать въ противоположный лагерь, они считали своимъ долгомъ сообщить о случившемся той власти, которой лужили много лѣтъ, предоставляли себѣ впрочемъ право дѣйствовать по собственному усмотрѣнію. Зная, что обѣ стороны дорожатъ ими, они не хотѣли рѣшиться въ пользу одной, не давъ знать томъ другой.

Сообщить Голицыну о полученіи письма Петра было дѣломъ опаснымъ. Такъ какъ никто изъ присутствовавшихъ при прочтеніи письма не хотѣлъ на это отважиться, Гордонъ самъ, какъ онъ разказываетъ, — взявъ съ собою нѣскольکو полковниковъ, отправился къ Голицыну и показалъ ему грамоту. Тотъ былъ сильно смущенъ, но подѣлалъ оправиться и отвѣчалъ, что покажетъ грамоту старшему царю царевичъ и тогда скажетъ, что имъ дѣлать. Гордонъ замѣтилъ, что ни боится за свои головы, если не послушаются. Голицынъ обѣщалъ прислать отвѣтъ не позже вечера и для того пригласилъ Гордона становить у него своего зятя полковника Страдбурга.

Можетъ быть, Голицынъ, опасавшійся, что иностранцы дѣйствительно послушаются Петра, рассчитывалъ на то, что зять Гордона уйдетъ въ его рукахъ чѣмъ-то въ родѣ заложника. Мы не знаемъ, стался ли Страдбургъ у Голицына; но во всякомъ случаѣ Гордонъ оставилъ свое рѣшеніе: возвратясь въ Нѣмецкую слободу, онъ приготовилъ все къ отъѣзду; полковникамъ и офицерамъ, приходившимъ къ нему за совѣтомъ, онъ объявилъ, что съ своей стороны, незави-

симо отъ всякихъ приказаній, онъ готовъ отправиться въ тотъ вечеръ въ Троицу. Тутъ-то и оказалось, какое значеніе имѣлъ Гордонъ въ Нѣмецкой слободѣ. Какъ скоро узнали о его рѣшеніи, „знатные и незнатные“ начали готовиться къ отъѣзду. Вечеромъ оставили Нѣмецкую слободу; уже стемнѣло, когда они достигли Яскаго моста. Прошедши 15 верстъ, они стали кормить лошадей; 5 сентября они завтракали въ 15 верстахъ отъ Троицы и около 11 часовъ утра пріѣхали въ монастырь. Послѣ обѣда они были допущены къ царской рукѣ. Петръ самъ поднесъ каждому по чаркѣ водки, спрашивалъ ихъ о здоровьѣ и велѣлъ имъ быть готовыми къ слѣдующему дню (II, 276—277).

Гордонъ самъ придаетъ своему образу дѣйствій въ этомъ случаѣ большое значеніе. „Прибытіе наше въ Троицкій монастырь“, пишетъ онъ, — „было рѣшительнымъ переломомъ; послѣ того всѣ начали сказываться громко въ пользу младшаго царя“ (II, 276). Позднѣе историки смотрятъ на этотъ фактъ различно. „Въ такое время натуго ожиданія и нерѣшительности“, замѣчаетъ Соловьевъ: „всякое движеніе въ ту или другую сторону чрезвычайно важно, само по себѣ увлекаетъ“¹⁾. За то Устряловъ находитъ показаніе Гордона справедливымъ: „Изъ подлинныхъ актовъ“, говоритъ онъ, — очевидно, что всѣ почти стрѣльціе полковники и урядники давно были лаврѣ; рядовые стрѣльцы оставались въ Москвѣ, но явно склонялись на сторону государя и усердно отыскивали его злодѣевъ; патриархъ, вельможи и царедворцы также были при немъ; а народъ вообще не смѣлъ вступаться за Софію. При такомъ положеніи дѣлъ, иная воля была бы ихъ заслуга, еслибъ они явились къ Петру за недѣлю передъ тѣмъ, по первому призыву; но теперь они спасаютъ только свои собственныя головы“²⁾.

Нѣтъ сомнѣнія, что иностранцамъ ничего не оставалось дѣлать, какъ отправиться къ Петру, и что они этимъ спасали свои головы. Но нельзя и порицать ихъ за то, что они не покинули Софію и ее дворца раньше. Что же касается до впечатлѣнія, произведеннаго прібытіемъ иноземцевъ въ Троицу на современниковъ, нѣтъ основанія сомнѣваться въ справедливости показанія Гордона. Мѣсто, въ

¹⁾ Соловьевъ, Ист. Р., XIV, стр. 130.

²⁾ Устряловъ, Ист. П. В., II, 74.

рое занимали Гордонъ и его сослуживцы-иностранцы въ обществѣ и въ государствѣ было видное. Представители западно-европейской культуры, военной техники и опытности не могли не имѣть значенія въ глазахъ русскаго общества. Можно было питать къ нимъ вражду какъ къ еретикамъ, но вельзя было не цѣнить ихъ знанія и образованія, ихъ чувства долга и вѣрности по службѣ. По крайней мѣрѣ тѣ же отчасти самыя причины, которыя заставляли правительство отказывать Гордону въ увольненіи, заставляли и Петра дорожить прїѣздомъ жителей Нѣмецкой слободы. Мы не знаемъ о числѣ иностранцевъ, отправившихся вмѣстѣ съ Гордономъ въ Троицу, но изъ собственныхъ словъ его можно заключить, что оно было значительное. Прїѣздъ ихъ въ Троицу былъ фактомъ, который не могъ ускользнуть отъ вниманія всѣхъ слѣдившихъ за событіями и еще колебавшихся между двумя спорившими партіями.

Предположеніе г. Посселята, что образъ дѣйствій Голицына въ отношеніи къ Гордону въ 1686 году не остался безъ вліянія на поведеніе Гордона въ 1689 году, не подтверждается фактами. Не видно, чтобы Гордонъ хотѣлъ мстить Голицыну; напротивъ того, намъ кажется, что онъ поступилъ съ павшимъ вельможей и бывшимъ своимъ покровителемъ весьма благородно, какъ то видно, между прочимъ изъ слѣдующаго факта: Гордонъ прибылъ въ Троицу 5-го сентября; 7-го прїѣхалъ туда Голицынъ, не ожидая для себя ничего хорошаго отъ государя, которому была извѣстна тѣсная связь его съ Шакловитымъ. Въ тотъ самый день, когда казнили Шакловитаго, 7-го вечеромъ, Гордонъ посѣтилъ въ Троицкомъ монастырѣ Голицына, ожидавшаго на другой день рѣшенія своей участи, и нашёлъ его въ раздумьѣ — „не безъ причины“, замѣчаетъ Гордонъ (II, 279). Имѣть сношенія съ Голицынымъ въ то время могло быть дѣломъ опаснымъ. Гордонъ, очевидно, безъ всякой особенной надобности посѣтилъ боярина, который хотя и былъ еще на свободѣ, но считался государственнымъ преступникомъ. Мало того: Гордонъ самъ, какъ видно изъ дневника (II, 280), былъ убежденъ въ томъ, что Голицынъ знаетъ объ умыслахъ противъ Петра. Онъ довольно подробно разказываетъ о катастрофѣ Голицына и его отправленіи въ ссылку.

Въ Троицѣ Гордонъ, впрочемъ, не игралъ особенно важной роли. Онъ былъ скорѣе наблюдателемъ, чѣмъ дѣйствующимъ лицомъ. Военныхъ дѣйствій не было, полицейскія обязанности скорѣе лежали на стрельцахъ, находившихся въ распоряженіи Петра, чѣмъ на ино-

странцахъ. Когда Петръ оставилъ Троицкій монастырь, Гордонъ долженъ былъ оставаться „при аптекѣ“ (II, 285). Петръ оспаривалъ Гордона милостями: 17-го сентября онъ былъ удостоенъ права получать ежедневно по 6 блюдъ, по 3 воза сѣна и по 1 бочкѣ овса (II, 285); въ тотъ же день Петръ присутствовалъ въ Александровской слободѣ при упражненіяхъ войска, долго бесѣдовалъ съ Гордономъ и подарилъ ему камки и атласу.

Гордонъ и Петръ Великій.

До 1689 года отношенія Гордона къ Петру были чисто официальныя. Онъ нѣсколько разъ имѣлъ случай представляться ему и при такихъ случаяхъ сравнивалъ то благопріятное впечатлѣніе, которое производилъ Петръ, съ жалкимъ видомъ болѣзненного и слабого Ивана (II, 11). Въ 1688 году Петръ началъ заниматься своими потѣшными. 7-го сентября онъ чрезъ нарочнаго требовалъ, чтобы Гордонъ прислалъ ему изъ своего полка 5 флейтчиковъ и столько же барабанщиковъ. Василій Васильевичъ Голицынъ былъ крайне недоволенъ, что эти люди были отправлены къ царю безъ его вѣдома. Вскорѣ послѣ того Петръ вновь потребовалъ еще нѣсколько барабанщиковъ, и Гордонъ, одѣвъ пять человекъ въ голландское платье, отправилъ ихъ къ царю (II, 227). Очевидно, Гордонъ понималъ, что угождать Петру — дѣло выгодное. Въ борьбу партій, о которой Гордонъ пишетъ уже осенью 1688 года, онъ не вмѣшивался, но зато искалъ случаевъ доставлять удовольствіе юному царю. 9-го октября онъ, осматривая свой полкъ въ слободѣ, выбралъ 20 флейтчиковъ и 30 маленькихъ барабанщиковъ „для обученія“ (II, 231). Очевидно, эти люди были назначены для потѣшнаго войска Петрова. 13-го ноября потребовали всѣхъ барабанщиковъ Гордонова полка къ царю Петру, и сверхъ того, 10 человекъ взяты въ конюхи.

Между тѣмъ стали обнаруживаться разные признаки распри между Софіей и Петромъ. Уже въ сентябрѣ, сообщая нѣкоторыя частности объ образѣ дѣйствій Петра, Гордонъ употребляетъ слово „партія“ (II, 229-230), а 29-го іюня 1689 г. у него отмѣчено: „Хотя въ этотъ день были именины младшаго царя, никакого празднества не было“ (II, 263). Впрочемъ, мы не знаемъ, желалъ ли Гордонъ успѣха „партіи“ Петра, и на сколько онъ сочувствовалъ молодому царю, уже тогда столь рѣзко отличавшемуся отъ своихъ родственниковъ: у Гордона не было

обычая излагать въ дневникѣ свои мысли, разсужденія, надежды и желанія. Но въ сентябрѣ 1689 года, послѣ пребыванія въ Троицкомъ монастырѣ, установились постоянныя сношенія Петра съ Гордономъ, и молодой царь ежедневно любовался военными упражненіями, производившимися подъ руководствомъ Гордона. Семь дней сряду происходили ученія, маневры. Гордонъ показаль царю разныя движенія конницы, велѣлъ своимъ солдатамъ стрѣлять залпомъ и проч. Однажды при этихъ упражненіяхъ Гордонъ упалъ съ лошади и сильно повредилъ себѣ руку. Петръ самъ подошелъ къ нему и съ нѣкоторымъ волненіемъ спрашивалъ, какъ онъ себя чувствуетъ (II, 285 и 286). Доказательствомъ значенія, которое Гордонъ приобрѣлъ послѣ государственнаго переворота, можетъ служить и то, что Гордона посѣщаль фаворитъ царя, Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ (II, 287). Въ свою очередь, и Гордонъ обѣдывалъ у него иногда въ это время (II, 289). Очевидно, Петръ сталъ нуждаться въ обществѣ Гордона. Онъ весьма часто посылалъ за нимъ; въ дневникѣ нерѣдко встрѣчаются замѣтки, что Гордонъ былъ у царя на потѣшномъ дворѣ, что онъ присутствовалъ при приготовленіи царемъ фейерверка, что онъ былъ „на верху“, обѣдалъ у Петра и оставался тамъ до вечера, что онъ весьма долго бесѣдовалъ съ царемъ о разныхъ предметахъ. Гордонъ участвовалъ и въ царскихъ пирахъ и оставался во дворцѣ цѣлую ночь; иногда онъ вмѣстѣ съ Петромъ обѣдалъ или ужиналъ у Льва Кирилловича Нарышкина, у котораго все подавалось на серебрянѣ, у Ромодановскаго или Андрея Артамоновича Шереметева (II, 289, 290, 291, 292, 293 и п.р).

Мы, кажется, не ошибемся, если скажемъ, что Петръ именно благодаря Гордону привыкъ посѣщать Нѣмецкую слободу, и чрезъ Гордона прежде, чѣмъ чрезъ Лефорта, познакомился съ нравами западной Европы. Петръ узналъ Гордона и Лефорта лично, когда ему было не менѣе 17 лѣтъ, когда, какъ говорить Устряловъ, — „душа его уже горѣла жаждою знанія, а воображеніе рисовало фортеціи, корабли, битвы на морѣ и на сушѣ“¹⁾. Послѣ кризиса 1689 года Петръ посвятилъ бѣольшую часть своего времени военнымъ упражненіямъ: въ сентябрѣ этого года онъ цѣлую недѣлю занимался въ Александровской слободѣ, въ 173 верстахъ отъ Москвы, коннымъ и пѣшимъ ученіемъ съ пушечною пальбою, въ присутствіи обѣихъ царницъ и всего двора, и при этомъ единственнымъ наставникомъ его

¹⁾ Ист. П. В., II, 23.

былъ Гордонъ, подъ руководствомъ котораго происходили маневры потѣшныхъ. О Лефортѣ пока нѣтъ рѣчи. Точно также, когда царь является впервые въ Нѣмецкой слободѣ, онъ прежде всего былъ въ гостяхъ у Гордона.

Однако, осенью 1689 года, положеніе иностранцевъ было далеко небезопасное. Патриархъ Іоакимъ, какъ мы знаемъ уже, сильно не любившій иноземцевъ и искавшій случая принять самыя строгія мѣры противъ „еретиковъ“, могъ легко воспользоваться ересью Кульмана и уничтоженію лютеранскихъ и реформатскихъ церквей, находившихся въ Нѣмецкой слободѣ. Кульманъ былъ сожженъ чрезъ нѣсколько недѣль послѣ паденія Софіи. Въ октябрѣ 1689 года состоялся указъ имѣвшій цѣлью затруднить пріѣздъ иностранцевъ въ Россію. Самъ Гордонъ испыталъ на себѣ неприязнь патриарха къ иноземцамъ. Приглашенный къ торжественному столу по случаю празднованія рожденія царевича Алексѣя Петровича (въ февралѣ 1690 года), онъ не могъ участвовать въ обѣдѣ, потому что патриархъ объявилъ рѣшительно, что иноземцамъ въ такихъ случаяхъ быть неприлично (II, 297). Можно думать, что Петру, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ видѣвшему Гордона почти ежедневно, этотъ эпизодъ очень не понравился. Желая показать вниманіе оскорбленному генералу, Петръ на другой же день послѣ этого происшествія пригласилъ его обѣдать гдѣ-то за городомъ. На возвратномъ пути оттуда царь постоянно съ нимъ бесѣдовалъ (II, 297).

Эта привязанность царя къ иностранцамъ сильно тревожила патриарха, въ своемъ завѣщаніи высказавшагося въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ противъ иноземцевъ и противъ вліянія западной Европы вообще. Тутъ онъ коснулся и Гордона, хотя и не назвалъ его по имени. Мы видѣли, что Іоакимъ еще до похода 1689 года не желалъ, чтобы Гордонъ въ немъ участвовалъ. Нынѣ же патриархъ писалъ: „Говорилъ я, смиренный старецъ, не обвиняя, благородной государынѣ царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ, и молилъ ее, и училъ, и письмомъ увѣщевалъ предъ началомъ Крымскихъ походовъ, когда царскія войска ходили на Татарь, чтобы еретикамъ-иноувѣрцамъ начальниками въ полкахъ не быть; но благородная царевна моленія моего послушать не изволила; не послушалъ меня и князь Василій Голицынъ; что же вышло? безчестіе и безславіе на многія земли, какъ всѣмъ извѣстно и вѣдомо!“¹⁾

¹⁾ Устряловъ, Ист. П. В., II, 116.

Извѣстно, что и народъ не любилъ иностранцевъ. Многіе обычаи ихъ казались Русскимъ странными, смѣшными; купечество жаловалось сильно на конкуренцію иноземцевъ; простой народъ часто осипалъ ихъ бранью и насмѣшками. Прудъ, около котораго иноземцы выстроили себѣ дома при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ назывался *Поганымъ*; Нѣмецкая слобода слыла подъ презрительнымъ именемъ Кукуя. Сама мать Петра, Наталья Кирилловна, празднуя день своего тезоименитства, жаловала изъ собственныхъ рукъ чаркою вина всѣхъ русскихъ сановниковъ, въ томъ числѣ полковниковъ стрѣлцкихъ, также гостей и купцовъ, но генераловъ и полковниковъ иноземныхъ не удостоивала этой чести и въ чертоги свои не впускала (II, 316). Въ тотъ самый день оскорбили иностранцевъ и тѣмъ, что гости и купцы при приѣмѣ занимали мѣсто выше ихъ. О супругѣ Петра извѣстно, что она не любила иноземцевъ, видя въ нихъ нехристей и развратниковъ¹⁾. Не такъ однако думалъ самъ Петръ. „Не обращая вниманія на замѣтную досаду почтенныхъ сѣдинами и преданностью бояръ, на строгія правоученія всѣми чтимаго патріарха, на суевѣрный ужасъ народа, не слушая ни нѣжныхъ пеней матери, ни упрековъ жены, еще любимой, Петръ“, по словамъ Устрялова, — „съ ласковымъ привѣтомъ товарища и друга протянулъ свою руку чужеземнымъ пришельцамъ, искавшимъ въ Россіи царскаго жалованья, торговой корысти, нерѣдко куска хлѣба, и потребовалъ у нихъ образованія для себя и для своего народа“.

При такихъ обстоятельствахъ смерть патріарха Іоакима, скончавшагося 17-го марта 1690 года, была для Гордона важнымъ событіемъ (II, 298); онъ однако записываетъ этотъ фактъ безъ всякихъ замѣчаній о значеніи его. За то достойно вниманія слѣдующее замѣчаніе въ письмѣ Гордона къ его другу, купцу Мевереллю въ Лондонѣ отъ 29-го іюля 1690 года (III, 259): „Я все еще при дворѣ, что причиняетъ мнѣ большіе расходы и много безпокойства. Мнѣ обѣщали большія награды, но пока я еще получилъ мало. Когда молодой царь самъ возьметъ на себя управленіе государствомъ, тогда я, безъ сомнѣнія, получу полное удовлетвореніе“. Изъ этого замѣчанія видно, что Гордонъ пользовался безусловнымъ расположеніемъ къ себѣ Петра, но что Петръ въ этомъ отношеніи — и послѣ кончины патріарха — былъ еще нѣсколько стѣсненъ и не могъ дѣйствовать вполне

¹⁾ Устряловъ, Ист. П. В., II, 119.

независимо. Впрочемъ Петръ умѣлъ цѣнить заслуги Гордона. „Дорогъ, незамѣнимъ Петру былъ Гордонъ“, справедливо замѣчаетъ Устряловъ.— „Въ высшей степени точный во всѣхъ своихъ поступкахъ, тѣмъ болѣе въ исполненіи своихъ обязанностей, бдительный, неутомимый, храбрости испытанной, чести безукоризненной, характера прямого и благороднаго, онъ присоединялъ къ тому многолѣтнюю опытность, и если, мало знакомый съ военными науками, не могъ быть искуснымъ главнокомандующимъ, въ замѣнъ того обладалъ множествомъ практическихъ свѣдѣній объ устройствѣ войскъ регулярныхъ и былъ отличнымъ боевымъ генераломъ. А это для Петра было главное“¹⁾.

Намъ кажется, что Гордонъ не только своею практическою опытностью, но и нѣкоторымъ теоретическимъ знаніемъ военнаго дѣла годился въ наставники Петру. Устряловъ, очевидно, не достаточно цѣнить образованіе Гордона вообще. Допуская, что Гордонъ, какъ говоритъ Устряловъ,—пришелъ въ Россію „смѣлымъ рубакою, но съ самыми ограниченными свѣдѣніями въ военномъ дѣлѣ, чего онъ впрочемъ не скрывалъ, сознаваясь князю Голицыну, что инженернаго искусства вовсе не понимаетъ“, — нельзя отрицать, что Гордонъ не ограничивался практическою стороною дѣла, но старался путемъ чтенія пріобрѣтать кое-какія теоретическія познанія; въ другомъ мѣстѣ мы укажемъ на эти занятія и на начитанность Гордона. Но не одна военная спеціальность должна была правиться Петру въ Гордонѣ, который вообще былъ многосторонне образованнымъ человекомъ. Въ продолженіе всей своей жизни онъ слѣдилъ съ большимъ вниманіемъ за политическими событіями; въ зрѣлыхъ лѣтахъ путешествуя нѣсколько разъ по Европѣ, онъ имѣлъ случай познакомиться съ бытомъ разныхъ государствъ и народовъ. Его бесѣды могли замѣнить для Петра чтеніе газетъ. Переписываясь со множествомъ лицъ въ разныхъ концахъ Европы, Гордонъ хорошо зналъ о томъ, что происходило на западѣ. Выписывая книги, инструменты, предметы роскоши, онъ постоянно находился въ самой тѣсной связи съ западною культурой, а именно послѣдняя казалась Петру въ высшей степени привлекательною. Лефортъ былъ дорогъ для Петра главнымъ образомъ своею личностью, своимъ прекраснымъ сердцемъ, безкорыстною, безпредѣльною преданностью къ особѣ Петра; но Гордонъ гораздо болѣе, чѣмъ Лефортъ, могъ считаться представителемъ

¹⁾ Устряловъ, Ист. П. В., II, 124.

западно-европейской политической и общественной цивилизации и потому скорее, чѣмъ Лефорть, могъ быть наставникомъ Петра и посредникомъ въ его сближеніи съ европейской культурой. 21-мъ годомъ моложе Гордона и 16-ю старше Петра, Лефорть по своему характеру и наклонностямъ оставался юношею до гроба. Напротивъ того, Гордонъ, который былъ тридцатью семью годами старше Петра, уже въ юныхъ лѣтахъ отличался необычайною зрѣлостью характера, обдуманностью дѣйствій, ясностью возрѣній и неутомимымъ трудолюбіемъ. Въ противоположность къ нѣкоторой женственности въ характерѣ Лефорта, не отличавшагося ни самостоятельною волею, ни яснымъ сознаніемъ своего личнаго достоинства, Гордонъ былъ серьезнымъ мужчиною, который всегда сознаетъ свое положеніе и свой долгъ. Лефорть едва ли любилъ труды военные: удовольствія веселой жизни, дружеская попойка съ разгульными друзьями, пиры по нѣскольку дней сряду, съ танцами, съ музыкою, были для него, кажется, привлекательнѣе славы ратныхъ подвиговъ ¹⁾. Гордонъ, напротивъ того, съ трудомъ переноса увеселенія придворной жизни, предпочиталъ имъ походы и занятія за письменнымъ столомъ. Именно при этой солидности, серьезности, при нѣкоторомъ педантизмѣ Гордона, въ противоположность широкой натурѣ Лефорта, достойно вниманія сближеніе перваго съ Петромъ. Ихъ отношенія не измѣнялись въ продолженіе всего времени до кончины Гордона. Они были менѣе интимными, чѣмъ отношенія Петра къ Лефорту, но имѣли по крайней мѣрѣ такое же значеніе въ жизни юнаго царя, принося ему большую пользу, расширяя кругъ его знаній, наводя его на новыя мысли, упражняя его въ дѣлахъ военной техники и развивая его понятія. Сначала царя занимали фейерверки и попойки, а затѣмъ начались маневры въ большихъ размѣрахъ, въ которыхъ Гордонъ былъ главнымъ руководителемъ. Наконецъ настала эпоха Азовскихъ походовъ.

Представимъ нѣкоторыя данныя объ отношеніяхъ Петра къ Гордону до Азовскихъ походовъ.

11-го января 1690 года Гордонъ присутствовалъ при приготовленіи самимъ Петромъ фейерверка; 13-го онъ обѣдалъ у Петра и оставался почти до обѣда; 16-го онъ опять обѣдалъ у Петра и оставался до 1-го часа ночи; опыты съ фейерверкомъ были удачны. 17-го онъ снова былъ при дворѣ, гдѣ происходило какое-то совѣщаніе;

¹⁾ Устряловъ, Ист. П. В., II, 122.

19-го онъ вмѣстѣ съ Петромъ былъ на дачѣ у боярина Петра Васильевича Шереметева; отсюда они отправились послѣ обѣда въ одинъ изъ загородныхъ дворцовъ Петра, и здѣсь занимались фейерверкомъ, а затѣмъ снова отправились къ Шереметеву. На другой день Гордонъ хворалъ вслѣдствіе этой пирушки, продолжавшейся до ночи, и пролежалъ весь день въ постели. 21-го Гордонъ опять обѣдалъ у Петра, 22-го также; въ этотъ день его зять Стразбургъ обжогъ себѣ лицо на фейерверкѣ. 23-го онъ посѣтилъ Петра въ городѣ, а затѣмъ былъ на похоронахъ одной полковницы, вслѣдствіе чего на другой день не могъ видѣться съ Петромъ, такъ какъ по обычаю всѣ лица, присутствовавшія при погребеніи, въ продолженіе трехъ дней не могли являться при дворѣ. 27-го Гордонъ былъ при дворѣ, 31-го также; 4-го и 5-го февраля онъ долго разговаривалъ съ Петромъ и пр. (II, 290 и слѣд.). Онъ говорилъ съ Петромъ о расширеніи правъ католиковъ въ Россіи (II, 289), просилъ его принять мѣры для правильной выдачи жалованья (II, 293), испытывалъ съ нимъ новыя пушки (II, 296) и предпринималъ поѣздки по водѣ, продолжавшіяся иногда по два дня (II, 302). Когда родился царевичъ Алексѣй, Гордонъ (23-го февраля) командовалъ парадомъ войскъ и отъ имени всего войска въ торжественной рѣчи поздравилъ Петра (II, 206). Стрѣльба залпомъ при этомъ случаѣ до того понравилась Петру, что нужно было повторить ее нѣсколько разъ.

Начались награды. Гордонъ получилъ право на безпошлинный провозъ вина, чѣмъ и пользовался неоднократно (II, 292, 356); ему пожаловали бархату (II, 296, 300). 6-го марта 1691 года Петръ обрадовалъ Гордона подаркомъ въ 1,000 рублей; половину этой суммы Гордонъ получилъ въ разныхъ серебряныхъ сосудахъ, а другую соболями; и то, и другое Гордонъ продалъ. Его зять Стразбургъ получилъ 500 рублей (II, 335 и 337). Вскорѣ послѣ того Петръ подарилъ Гордону землю подлѣ его дома до рѣки Лужы (II, 341). Начиная съ 1692 года, Гордонъ сталъ получать, сверхъ оклада, 400 рублей (II, 362).

Петръ совершенно привыкъ къ этимъ близкимъ сношеніямъ съ жителями Нѣмецкой слободы. Когда, 26-го февраля 1690 года, онъ въ своемъ дворцѣ устроилъ великолѣпный фейерверкъ, то пригласилъ иностранцевъ съ ихъ семействами стоять близко, не смотря на то, что тутъ находился весь дворъ, оба царя, обѣ царицы и нѣкоторыя царевны; на этотъ разъ Гордонъ и его родственники и знакомые вернулись домой не ранѣе какъ въ два часа по полуночи (II, 297). Вскорѣ Петръ и самъ сталъ посѣщать Нѣмецкую слободу. 30-го

апрѣля 1690 года Петръ, съ боярами и важнѣйшими царедворцами, ужиналъ у Гордона и былъ чрезвычайно веселъ (II, 302), и послѣ того, такія посѣщенія повторялись довольно часто. Иногда число гостей при такихъ случаяхъ было довольно значительное (до 40 человекъ); иногда, какъ кажется, Петръ обѣдалъ у Гордона одинъ. Петръ былъ у Гордона и на свадьбѣ его дочери, и на похоронахъ зятя. Иногда посѣщенія его были очень продолжительны; такъ, 2-го января 1691 года онъ объявилъ Гордону, что на другой день будетъ у него обѣдать и ужинать и останется ночевать; при этомъ было 85 человекъ гостей и около 100 человекъ прислуги; въ ночи всѣ расположились спать „по лагерному“ (II, 330); на другой день вся кампанія отправилась обѣдать къ Лефорту. 27-го января 1692 года Петръ также провелъ у Гордона цѣлый день (II, 365). Но молодой царь посѣщалъ Гордона и не ради однѣхъ покоекъ; когда однажды Гордонъ заболѣлъ послѣ роскошнаго обѣда у Бориса Алексѣевича Голицына, Петръ самъ пришелъ къ нему узнать подробности о болѣзни, а затѣмъ послалъ ему лѣкарства (II, 312). Иногда Петръ посылалъ за Гордономъ, а затѣмъ послѣ военныхъ упражненій отправлялся къ нему (II, 334); иногда Петръ приходилъ совсѣмъ нечаянно, утромъ, днемъ, вечеромъ (II, 349 и 350, 383 и 384, 397, 408, 409). Когда однажды Петръ возвратился съ Переяславскаго озера, онъ въ тотъ же день зашелъ къ Гордону (II, 401). Однажды Петръ, посѣтивъ Гордона, взялъ у него три книги объ артиллерійскомъ искусствѣ (II, 421), подобно тому и Гордонъ бралъ книги у Петра (II, 477), а самъ выписывалъ для него, чрезъ купца Мюнтера, книги изъ-за границы (II, 494). Иногда они бесѣдовали о разныхъ военныхъ снарядахъ и оружїи, напримѣръ, осматривали новые шомполы, которые Гордонъ получилъ изъ Англїи (II, 477) и которые чрезвычайно понравились Петру. Когда начали заниматься проектомъ большихъ маневровъ въ Коломенскомъ, Гордонъ изобрѣлъ машину, посредствомъ которой можно было вламываться въ непрїятельскїй лагерь, не смотря на рогатки. Петръ самъ пришелъ къ Гордону для осмотра этого снаряда, который до того понравился царю, что онъ велѣлъ заказать три такіе снаряда (II, 469 и 484). Петръ былъ какъ бы домашнимъ другомъ въ домѣ Гордона, обращался съ нимъ какъ съ равнымъ. Прежде Гордона не приглашали къ царскому столу при торжественныхъ случаяхъ; теперь же, напримѣръ, въ день рожденія Петра, 30-го іюня 1690 года (патріархъ Іоакимъ умеръ въ мартѣ), Гордонъ обѣдалъ вмѣстѣ съ боярами и сановниками.

Гордонъ весьма подробно описываетъ это празднество; послѣ обѣда стрѣляли изъ пушекъ въ цѣль; Гордонъ въ крайнемъ утомленіи вернулся домой (II, 305). Однажды, 2-го іюля 1690 года, Петръ обжегъ себѣ лицо фейерверкомъ, и Гордонъ при этомъ случаѣ былъ легко раненъ (II, 305). Сынъ Гордона Джемсъ и зять его Стразбургъ также трудились вмѣстѣ съ Петромъ надъ фейерверкомъ въ царской лабораторіи (II, 331 и 333). Вообще Гордонъ принадлежалъ къ тому кружку, который въ то время составлялъ постоянное общество Петра: то были Борисъ Голицынъ, часто бывавшій въ это время и у Гордона, и у его зятей (II, 310), Стрешневъ, Нарышкинъ, Шереметевъ, Лыковъ и пр.; но никто изъ этихъ товарищей не могъ руководить ученіями и маневрами такъ успѣшно, какъ Гордонъ. Однажды при такомъ случаѣ Гордонъ обжегъ себѣ лицо и былъ довольно серьезно раненъ въ ногу (II, 318 и 319). Иногда онъ проводилъ вмѣстѣ съ царемъ цѣлый день, занимаясь опытами надъ военными снарядами (II, 341). При Семеновскихъ походахъ въ октябрѣ 1691 года Гордонъ руководилъ всѣмъ дѣломъ, указывалъ каждому его мѣсто и самъ командовалъ правымъ крыломъ войска (II, 351). Когда Петръ отправился однажды къ персидскому посланнику, онъ взялъ съ собою Льва Кирилловича Нарышкина и Гордона. Они видѣли тамъ льва и львицу, которыхъ посланникъ привезъ въ подарокъ царю, и были угощаемы сладостями, напитками и музыкою (II, 368).

Когда начались потѣхи Петра на Переяславскомъ озерѣ, онъ и туда приглашалъ Гордона, который даже купилъ тамъ себѣ домъ. Съ большою радостью Петръ показывалъ Гордону свои суда (II, 372 и 373); Гордонъ участвовалъ въ поѣздкахъ по озеру и присутствовалъ при церемоніи спусканія на воду новопостроеннаго судна (II, 380, 381). Возвращаясь однажды вмѣстѣ съ Петромъ въ Москву, Гордонъ, узнавъ о пожарѣ въ городѣ, вмѣстѣ съ царемъ отправился туда и принималъ столь ревностное участіе въ тушеніи пожара, что едва не лишился зрѣнія (II, 382).

Особенно часто устраивались при дворѣ фейерверки. Гордонъ выписывалъ изъ-за границы разныя сочиненія о пиротехникѣ (II, 394), и Петръ иногда поручалъ ему приготовленіе этой забавы (II, 394). Любопытно, что однажды по желанію Петра было два фейерверка: было состязаніе между русскими и иностранцами. 21-го февраля 1692 года былъ фейерверкъ иностранцевъ: онъ произвелъ, какъ пишетъ Гордонъ, — „отличный эффектъ“; на другой же день былъ фейерверкъ Русскихъ, который также произвелъ „хорошій эф-

фектъ“ (II, 399). Гордонъ получалъ также изъ-за границы разныя книги объ артиллерійскомъ искусствѣ и вмѣстѣ съ царемъ дѣлалъ опыты надъ новыми мортирами, ручными гранатами, бомбами и проч. (II, 378, 379, 391, 392). Эти занятія были прерваны болѣзнию Петра въ концѣ 1691 года: дневникъ Гордона служитъ главнымъ источникомъ для исторіи этой болѣзни; оно и понятно, почему Гордонъ съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за ея ходомъ. Изъ другаго источника мы знаемъ, что любимцы Петра очень боялись его кончины, въ увѣренности, что въ такомъ случаѣ, при неминуемомъ господствѣ Софіи, ихъ ждетъ плаха или вѣчная ссылка; болѣе близкія къ Петру лица, какъ напримѣръ, Лефортъ, князь Борисъ Голицынъ, Апраксинъ, Плещеевъ; на всякій случай запаслись лошадьми въ намѣреніи бѣжать изъ Москвы ¹⁾.

Въ 1693 году Петръ посѣтилъ Архангельскъ, между тѣмъ какъ Гордонъ оставался въ Москвѣ. Это было отчасти временемъ отдыха для стараго генерала. Придворная жизнь ему не нравилась; онъ иногда въ письмахъ къ друзьямъ жаловался на утомленіе и безпокойство разгульнаго житья-бытья въ компаніи царя; здоровье его страдало отъ вѣчныхъ покоевъ, обѣдовъ и ужиновъ, продолжавшихся иногда до глубокой ночи.

Впрочемъ, во время отсутствія Петра, продолжавшагося отъ 4-го іюля до 1-го октября, Гордонъ не оставался безъ занятій: онъ занимался главнымъ образомъ военно-административными дѣлами. Тотчасъ по возвращеніи изъ Архангельска, Петръ пришелъ къ Гордону объѣдать; Гордонъ показывалъ ему и объяснялъ артиллерійскій квадрантъ и особенный снарядъ для гранатъ, а затѣмъ происходили маневры (II, 418, 419).

Въ январѣ умерла царица Наталья Кирилловна. Петръ бесѣдовалъ съ Гордономъ о болѣзни матери. Въ тотъ самый день, какъ она скончалась, Петръ долженъ былъ удостоить своимъ присутствіемъ ужинъ и балъ у Гордона. Рано поутру Гордонъ отправился къ Петру, но уже не засталъ его дома. Простившись съ умирающею матерью, Петръ удалился въ Преображенское. Гордонъ поѣхалъ туда и засталъ царя сильно встревоженнымъ и печальнымъ. Гордонъ остался при немъ. „Около 8 часовъ“, пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ, — „получили мы извѣстіе, что царица скончалась на 42-мъ году жизни“ (II, 435). Въ февралѣ 1694 года Гордонъ получилъ для

¹⁾ Устряловъ, Ист. П. В., II, 144.

Петра отъ англійско-московскаго торговаго общества разные подарки, великолѣпное оружіе, шляпу съ бѣлымъ перомъ, часы, инструменты и нѣсколько дюжинъ бутылокъ лучшихъ винъ и ликёровъ. 15-го февраля царь пріѣхалъ къ Гордону для полученія этихъ вещей (II, 437).

Уже въ декабрѣ 1693 года Гордонъ былъ назначенъ шхутбенакомъ или контръ-адмираломъ ¹⁾. Петръ готовился ко второму путешествію въ Архангельскъ: онъ рѣшилъ въ будущемъ году устроить морскіе маневры на Бѣломъ морѣ и для того соорудить одинъ корабль, а другой купить въ Голландіи. Гордонъ, въ качествѣ контръ-адмирала, разумѣется, на этотъ разъ долженъ былъ также отправиться въ Архангельскъ, гдѣ жила его дочь Мэри Стевинсъ съ мужемъ. Путешествіе въ Архангельскъ, которое онъ описываетъ чрезвычайно подробно, онъ совершилъ безъ Петра. Оставивъ Москву 29-го апрѣля, Гордонъ пріѣхалъ въ Архангельскъ 18-го мая. Здѣсь, по обыкновенію, происходилъ рядъ пиршествъ; между прочимъ, былъ большой пиръ на спущенномъ на воду кораблѣ. Затѣмъ Петръ со всею своею компаніею обѣдалъ у зятя Гордонова Стевинса (II, 458). Петръ отправился къ Соловецкому монастырю, но не бралъ Гордона съ собою въ эту поѣздку; во время отсутствія Петра, въ Архангельскъ прибыли два англійскіе корабля. Шкиперы, земляки Гордона, посѣтили его и угощали его на своихъ корабляхъ. И Петръ, по возвращеніи въ Архангельскъ, пировалъ съ шкиперами, которые, какъ нишетъ Гордонъ, при этомъ не щадили ни вина, ни пороху. 1-го іюля Петръ со всею компаніею пировалъ у Гордона. Занимаясь отдѣлкою новаго корабля, царь въ свободные часы, съ Гордономъ и англійскими шкиперами игралъ въ кегли (II, 460—466).

Впрочемъ, Гордонъ не бездѣйствовалъ и въ Архангельскѣ. Нужно было переводить съ англійскаго языка на русскій регламентъ для корабельныхъ сигналовъ; далѣе нужно было готовиться къ плаванію по Бѣлому морю; Гордону поручено было командовать арьергардомъ небольшого русскаго флота на яхтѣ *Святой Петръ*. Съ 3-го августа готовый къ отплытію флотъ цѣлыя шесть сутокъ не могъ двинуться съ мѣста за совершеннымъ безвѣтріемъ. Отъ нечего дѣлать случайныя мореходы бродили по окрестнымъ островамъ и убивали время въ дружныхъ попойкахъ. „Старый весельчакъ Гордонъ“, какъ называ-

¹⁾ Устряловъ, Ист. П. В., II, 163.

еть его Устряловъ ¹⁾,— между прочимъ предложилъ въ шутку англійскому капитану Блойсу устроить пиръ на одномъ острову, которому обѣщаль за то дать имя радушнаго хозяина. Капитанъ согласился и угостилъ Гордона съ его товарищами какъ нельзя лучше. Царя, впрочемъ, на этомъ пиру не было.

Плаваніе по Бѣлому морю было далеко не безопасное. Гордонъ не былъ морякомъ; не разъ, во время путешествій въ Англію, онъ страдалъ морскою болѣзнью; яхта *Святой Петръ*, на которой онъ находился, отстала отъ прочаго флота, взяла направленіе, по невѣрности компаса, слишкомъ къ западу и едва не наткнулась на каменный островъ Сосновець, близъ Терскаго берега. Водруженныя на немъ кресты, вѣроятно, надъ тѣлами утонувшихъ мореходовъ штурманъ принялъ за вымпелы прочихъ кораблей. Когда замѣтили съ судна землю, оно находилось въ такомъ разстояніи отъ прибрежныхъ утесовъ, что можно было перекинуть на нихъ камень. Къ счастью, вѣтеръ былъ не крѣпокъ. Яхта остановилась не далѣе одной сажени отъ скалы, о которую могла бы разбиться. Гордонъ и его спутники были въ ужасѣ; нѣсколько времени не могли придумать, что дѣлать, но наконецъ, буксиромъ при помощи бота оттянули судно отъ берега и прошли между островомъ и твердою землею не безъ опасенія подводныхъ камней. Черезъ нѣсколько времени Гордонъ соединился съ прочими судами, поджидавшими его. Послѣ восьмидневнаго плаванія всѣ суда возвратились къ Архангельску. Тутъ, между прочимъ, Гордонъ трудился надъ подробнымъ планомъ Кожуховскаго похода и даже написалъ подробную записку объ этомъ предметѣ. Вскорѣ затѣмъ генералъ отправился въ Москву, куда и пріѣхалъ 12-го сентября (II, 483).

Что касается до Кожуховскаго похода, то изъ дневника Гордона видно, что и при этомъ случаѣ, какъ и при прежнихъ маневрахъ, онъ былъ главнымъ руководителемъ. Въ продолженіе трехъ недѣль, пока происходили маневры, имѣвшіе, впрочемъ, довольно серьезный характеръ, Гордонъ постоянно былъ въ обществѣ Петра. Интимныя сношенія его съ царемъ продолжались и въ 1694 году; въ ноябрѣ этого года, Петръ, посѣтивъ однажды Гордона, оставался у него цѣлый часъ; а затѣмъ вмѣстѣ съ нимъ отправился на какую-то свадьбу. На пути туда Гордонъ началъ говорить съ царемъ о католикахъ, надѣясь выхлопотать нѣкоторыя льготы для католицизма въ Россіи (II, 494);

¹⁾ Ист. П. В., II, 173.

вскорѣ послѣ того Петръ пожелалъ присутствовать при богослуженіи въ католической церкви, а послѣ того обѣдалъ у Гордона (II, 49).

Таково было житье-бытье Гордона въ девятинахъ годахъ Азовскихъ походовъ; таковы были въ это время отношенія его царю Петру. Эта эпоха, какъ извѣстно, не богата политическими событіями. Государственными дѣлами Петръ въ это время почти все не занимался. До широкой и плодотворной дѣятельности слѣдующихъ годовъ, до Азовскихъ походовъ, до путешествія Петра на западъ, до столкновенія съ Швеціей нужно было въ продолженіе несколькихъ лѣтъ готовиться, учиться; мѣстомъ ученія была для него по крайней мѣрѣ отчасти, Нѣмецкая слобода; однимъ изъ важнейшихъ наставниковъ былъ Гордонъ. Впрочемъ, онъ въ то время не сознавалъ важнаго значенія этихъ подготовительныхъ занятій и не находилъ настоящаго удовлетворенія въ этой, по его мнѣнію, празной жизни близъ молодаго царя.

Азовскіе походы.

Петръ писалъ къ Апраксину, 16-го апрѣля 1695 года: „Хотя въ ту пору какъ осенью въ продолженіе пяти недѣль трудились и подъ Кожуховымъ въ Марсовой котѣхѣ, ничего болѣе, кромѣ игры на умѣ не было; однакожь эта игра стала предвѣстникомъ настоящаго дѣла“ ¹⁾; а въ другомъ письмѣ: „Шутили подъ Кожуховымъ а теперь подъ Азовъ играть ѣдемъ“ ²⁾.

Какъ думалъ самъ Гордонъ о предпріятіяхъ противъ Турокъ и Татаръ въ это время, мы не знаемъ. Въ Чигиринѣ онъ испыталъ значеніе борьбы съ Турками; тѣмъ не менѣе въ 1684 году онъ, какъ мы видѣли, не сомнѣвался въ успѣхѣ похода въ Крымъ. Однако походы Голицына показали, что надежды Гордона были тщетны. Въ слѣдующее затѣмъ время Гордонъ, какъ кажется, былъ недоволенъ бездѣйствіемъ правительства въ отношеніи къ Туркамъ и Татарамъ а еще болѣе тѣмъ, что Россія не была достаточно приготовлена къ войнѣ. Мы уже видѣли, что онъ завидовалъ Мазепѣ, потому что послѣдній не оставался въ бездѣйствіи. Къ герцогу Гордону генералъ писалъ въ маѣ 1691 года слѣдующее: „Здѣсь находится императорскій интернунцій, который долженъ заставить насъ сдѣлать диверсію противъ Татаръ. Онъ однако не успѣетъ въ своемъ намѣреніи

¹⁾ Устряловъ, Ист. П. В., II, 219.

²⁾ Тамъ же, II, 228.

тому что мы не склонны и недостаточно сильны дѣлать болѣе, чѣмъ мы дѣлали до его прїѣзда, то-есть, мы должны довольствоваться прикрытіемъ нашихъ границъ" (III, 280). Въ томъ же духѣ Гордонъ писалъ въ іюлѣ 1691 года къ графу Мельфурту (III, 285) въ январѣ 1692 года онъ писалъ къ герцогу Гордону: „Мы здѣсь живемъ въ мирѣ, и самыя настоятельныя требованія нашихъ союзниковъ не заставляютъ насъ предпринять что-либо важное“ (III, 309).

Мы не знаемъ, какимъ образомъ появилась и развилась мысль объ зовскомъ походѣ. Безъ сомнѣнія, такому важному рѣшенію предшествовали разныя совѣщанія. Въ дневникѣ Гордона ничего не упомянуто объ этомъ предметѣ; знаемъ только, что съ самаго начала 1695 года Гордонъ былъ занятъ приготовленіями къ походу. Въ этотъ разъ онъ не подавалъ политическаго мемуара въ родѣ со- гавленнаго въ 1684 году для Голицына. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что мысль о войнѣ довольно часто была предметомъ бесѣды между Петромъ и Гордономъ; въ своемъ дневникѣ однако Гордонъ вообще въ самыхъ лишь рѣдкихъ случаяхъ отмѣчалъ содержание бесѣды. И изъ другихъ источниковъ мы узнаемъ весьма мало о томъ, какъ состоялось весьма важное рѣшеніе Петра сдѣлать наконецъ шагъ впередъ въ рѣшеніи восточнаго вопроса. Мы знаемъ, что въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ и Польша, и императоръ старались склонить Россію къ дѣйствіямъ противъ мусульманъ. Въ Россіи такая война всегда считалась необходимостью. Но какъ именно самъ Петръ и передовые люди въ Россіи думали объ этомъ вопросѣ въ концѣ 1694 года — мы не знаемъ. Только слѣдующее замѣчаніе въ письмѣ Гордона къ его другу косяндзу Шмидту отъ 20-го декабря 1694 года достойно вниманія: „Я думаю и надѣюсь, что мы въ это время предпримемъ что-нибудь для блага христіанства и нашихъ союзниковъ“ (III, 355).

Какъ скоро походъ былъ рѣшенъ, для Гордона началась усиленная дѣятельность. 7-го февраля онъ осматривалъ свой Бутырскій юлкъ, а затѣмъ былъ у Петра и съ нимъ составилъ списокъ всѣмъ предметамъ, которые должно было взять съ собою въ походъ. Ежедневно Гордонъ ѣздилъ въ Преображенское и имѣлъ разныя совѣщанія о походѣ. Такъ напримѣръ, 15-го февраля онъ бесѣдовалъ съ Сихономъ Никитичемъ Стрѣшневимъ о маршрутѣ войскъ, составлялъ списки офицерамъ, велѣлъ приготовить знамена, совѣтовался съ Петромъ, съ Б. А. Голицынымъ и проч. (II, 507—510).

Начальство надъ войскомъ, отправляемымъ въ походъ, было по-

ручено *тремъ* генераламъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ свою отдѣльную дивизию: Артамену Михайловичу Головину, Францу Яковлевичу Лефорту и Гордону. Дѣла рѣшались въ консиліи трехъ генераловъ, но приговоры ихъ исполнялись не иначе, какъ съ согласія „бомбардира Преображенскаго полка Петра Алексѣева“. Нельзя однако сказать, чтобы Гордонъ въ это время игралъ особенно важную роль. Лефортъ находился въ болѣе близкихъ отношеніяхъ къ царю, и между нимъ и Гордономъ было нѣкоторое соперничество; въ дневникѣ Гордона мѣстами даже замѣтно между строками неудовольствіе на Лефорта. Еще въ 1692 году, когда Лефортъ былъ назначенъ полковникомъ перваго выборнаго полка, Гордонъ высказывалъ неудовольствіе на такое его повышеніе ¹⁾.

Когда начались приготовленія къ походу, Лефортъ постоянно находился при Петрѣ. „По приказанію Ихъ Величествъ“, писалъ онъ въ одномъ письмѣ въ Женеву, — „я пишу съ этою же почтою къ разнымъ знатымъ лицамъ о предстоящемъ походѣ“. Въ письмѣ къ брату Лефортъ пишетъ: „Я назначенъ *первымъ генераломъ* съ двумя другими“ ²⁾. Изъ этого однако еще не слѣдуетъ, что Лефортъ въ официальномъ отношеніи занималъ первое мѣсто: Гордонъ стоялъ на равной съ нимъ ступени, хотя и не былъ такъ близокъ къ Петру.

20-го февраля Гордонъ имѣлъ совѣщаніе съ Петромъ о походѣ и убѣдилъ царя блокировать Азовъ. Окончательное рѣшеніе вопроса было однако отложено до военнаго совѣта, назначеннаго на другой день. Въ этомъ собраніи мысль Гордона была принята, и вслѣдствіе того онъ получилъ приказаніе по возможности скорѣе отправиться съ авангардомъ къ Азову. Предложенія Гордона обсуждались и 22-го февраля на пиру у Л. К. Нарышкина. Между тѣмъ продолжались приготовленія. Гордонъ купилъ нѣсколько лошадей, принималъ оружіе и аммуницію. 2-го марта утромъ Петръ завтракалъ у Гордона, а затѣмъ вмѣстѣ съ нимъ осматривалъ стрѣлечкіе полки. 7-го марта Гордонъ съ Петромъ и другими лицами завтракали у Лефорта, затѣмъ Петръ пришелъ къ Гордону и провелъ у него нѣсколько часовъ. Въ тотъ же день Гордонъ выступилъ въ походъ (II, 510—514).

Въ дневникѣ подробно описанъ его путь. Онъ оставался въ Тамбовѣ до конца апрѣля. Все это время онъ былъ занятъ разными распоряженіями, покупкою лошадей, въ которыхъ ощущался сильный

¹⁾ См. соч. *Поселета* о Лефорте, II, 152.

²⁾ *Posselt*, Lefort, II, 235.

недостатокъ, и проч. Довольно важны на пути бесѣды Гордона съ казацкимъ атаманомъ, желавшимъ убѣдить его не идти дальше до прибытія прочаго войска. Такія внушенія не могли подѣйствовать на Гордона, остававшагося непоколебимымъ въ исполненіи своей обязанности, не смотря на то, что требованія казаковъ становились настойчивѣе по мѣрѣ того, какъ Гордонъ приближался къ Азову. Дѣйствительно, положеніе становилось опаснымъ, потому что Гордонъ узналъ о большомъ количествѣ непріятельскихъ войскъ, находившихся у Азова; но еще болѣе опасною въ глазахъ Гордона была готовность казаковъ къ измѣнѣ. Твердость Гордона, впрочемъ, дѣйствовала и на казаковъ. Не смотря на всѣ опасенія ихъ и офицеровъ въ военномъ совѣтѣ, созванномъ Гордономъ, никто не противорѣчилъ его мнѣнію, что нужно идти впередъ (II, 552—554). На Гордонѣ лежала тяжелая отвѣтственность. Онъ сильно жалуется въ дневникѣ на нерадѣніе казаковъ и стрѣльцовъ. У Маныча онъ оставившись, но скорѣй пошелъ далѣе. 27-го іюня наконецъ показался Азовъ. Гордонъ расположился съ своимъ войскомъ на окрестныхъ курганахъ и спѣшилъ укрѣпить свою позицію; два дня спустя прибылъ Петръ ¹⁾ и въ тотъ же день съ двумя другими генералами ужиналъ у Гордона (II, 563): То у Гордона, то у Лефорта происходили совѣщанія о распредѣленіи войскъ подъ Азовомъ. Было рѣшено что Гордонъ долженъ занять средину позиціи, Лефортъ—лѣвый флангъ, а Головинъ—правый (II, 564). Окончательное приближеніе къ Азову—тутъ Гордонъ былъ впереди—представляло затрудненія, потому что войско вообще было недовольно походомъ (II, 564). Съ большимъ трудомъ Гордонъ старался убѣдить полковниковъ и другихъ лицъ, что пока нѣтъ никакой опасности. Объ этихъ движеніяхъ Гордонъ разказываетъ чрезвычайно подробно. Ему одному было поручено руководить приготовленіями къ осадѣ. 5-го іюня Петръ опять соединился съ Гордономъ и постоянно совѣтовался съ нимъ.

Не считая нужнымъ входить въ подробности осады Азова, укажемъ на ту роль, которую при этомъ случаѣ игралъ Гордонъ. Хотя онъ, безъ сомнѣнія, былъ самымъ опытнымъ изъ начальствующихъ въ русскомъ войскѣ, совѣты его не всегда были приводимы въ исполненіе. Такъ, напримѣръ, уже 5-го іюля возникло разногласіе между Гордономъ и инженерами о постройкѣ укрѣпленій, и желанія Гордона не

¹⁾ См. письмо Петра къ Гордону, написанное въ дорогѣ, у *Голыкова*, стр. 276.

были исполнены (II, 570). Его старанія ускорить работы оказались безуспѣшными. Самъ Гордонъ не всегда дѣйствовалъ удачно. Послѣ разныхъ нападеній Турокъ, особенно на ту часть лагеря, гдѣ командовалъ Лефортъ, и послѣ взятія 14-го іюля двухъ каланчей, 15-го Турки, узнавъ кое-какія подробности о положеніи Русскихъ, напали на батарею Гордона. Сынъ его, полковникъ Джемсъ Гордонъ, отличился при этомъ случаѣ и былъ раненъ. Самъ Гордонъ сдѣлалъ все возможное, чтобъ остановить отступавшихъ стрѣльцовъ и солдатъ и едва самъ не попался въ плѣнъ. Редутъ съ пушками остался въ рукахъ непріятеля. Самого Гордона едва ли однако можно обвинять въ этомъ случаѣ: скорѣе виною было нерадѣніе войска. Въ созванномъ 18-го іюля военномъ совѣтѣ Гордонъ изложилъ подробно свои мысли (II, 577); но соображенія его были одобрены только отчасти; вообще, какъ онъ замѣчаетъ, — „все дѣлалось такъ медленно и безпорядочно, будто мы не имѣли вовсе въ виду серьезно взять крѣпость“ (II, 578).

Вскорѣ, однако, явилась мысль о приступѣ. 30-го всѣ заговорили объ этомъ, хотя никто, какъ говорить Гордонъ, — не имѣлъ понятія объ условіяхъ такого дѣла. Разумѣется, Гордонъ высказалъ свое мнѣніе, указалъ на неопытность офицеровъ, на недостаточную дисциплину и предсказывалъ неудачу. Но все это не помогало, и онъ долженъ былъ „плыть по теченію: иначе же“, говорить онъ, — „я взялъ бы на себя всю отвѣтственность въ замедленіи и дальнѣйшемъ пребываніи у Азова“. Въ военномъ совѣтѣ, созванномъ 2-го августа, Гордонъ еще разъ объяснялъ подробно, почему нельзя пока надѣяться на успѣхъ приступа; но сторонники противнаго мнѣнія стояли на своемъ. Гордонъ былъ въ недоумѣніи; планъ казался ему слишкомъ отважнымъ. Онъ замѣчалъ, что даже охотники, добромъ волею и денежною наградою побужденные участвовать въ приступѣ, не надѣялись на успѣхъ. Ночью на 5-е августа Гордонъ еще разъ отправился къ Петру и старался убѣдить его, что на успѣхъ невозможно разчитывать. Все однако было тщетно. Когда наконецъ и Петръ, и другіе генералы пришли въ ту же ночь къ Гордону, всѣ съ жаромъ говорили о приступѣ и взятіи крѣпости, такъ что Гордонъ уже не смѣлъ прекословить и „говорилъ какъ другіе, не смотря на то, что самъ не ожидалъ успѣха“ (II, 584—586).

Все это показываетъ, что вліяніе Гордона на Петра не было въ то время сильно. Какъ кажется, Лефортъ особенно настаивалъ на приступѣ. По крайней мѣрѣ въ письмѣ къ своимъ женевскимъ

родственникамъ онъ объяснялъ, почему приступъ легко могъ удасться ¹⁾); Гордонъ же говоритъ, что это предпріятіе состоялось по внушенію „совѣтниковъ Ровоама“ (II, 588). На самомъ дѣлѣ приступъ имѣлъ исходъ весьма печальный. Много народа погибло совершенно понапрасну. Гордонъ сначала не хотѣлъ безъ дозволенія Петра распорядиться отступленіемъ, но затѣмъ, не дождавшись царскаго приказа и пренебрегая царскимъ гнѣвомъ, велѣлъ трубить и этимъ спасъ остатки войска (II, 588). О непосредственно послѣдовавшихъ затѣмъ событіяхъ Гордонъ разказывалъ такъ: „Около 9 часовъ Государь потребовалъ меня къ себѣ, явились и другіе генералы. Всѣ они были скучны и печальны. Я просилъ созвать военный совѣтъ, чтобы надлежащимъ образомъ обсудить дѣло“. Въ военномъ совѣтѣ было рѣшено продолжать осаду. Предусмотрительный Гордонъ, не вполне довѣряя искусству инженеровъ и мало надѣясь на успѣхъ, совѣтовалъ укрѣпить каланчи, чтобы удержать ихъ за собою въ случаѣ отступленія отъ Азова. Товарищи слушали его равнодушно и не торопились исполнять его совѣты; онъ однако настоялъ на своемъ, и Петръ съ генералами отправился къ каланчамъ для назначенія, гдѣ возвести болверки. Но Головинъ и Лефортъ, по прѣжнему не видѣвшіе большой надобности въ укрѣпленіи каланчей, вывели своимъ легкомысліемъ Гордона изъ терпѣнія: въ досадѣ онъ говорилъ съ излишнимъ жаромъ и упрекалъ товарищей въ равнодушіи къ столь важному дѣлу и въ небрежномъ устройствѣ траншей на лѣвомъ флангѣ. Эта выходка очень не понравилась. Однако приступили къ укрѣпленію каланчей сообразно съ предложеніями Гордона (II, 591).

Изъ донесенія австрійскаго дипломатическаго агента Плейера, бывшаго также въ русскомъ лагерѣ во время осады Азова, видно, что Гордонъ былъ недоволенъ Лефортомъ, который не заботился объ устройствѣ коммуникаціонныхъ линій съ лагеремъ Гордона для взаимной обороны ²⁾. Уже въ іюлѣ мѣсяцѣ между Гордономъ и Лефортомъ происходили на этотъ счетъ пререканія. Плейеръ упоминаетъ также и о плохой дисциплинѣ войска, бывшаго подъ командою Гордона ³⁾. Между тѣмъ Турки очень боялись Гордона. У нихъ распространился слухъ, что онъ раненъ смертельно, и они старались

¹⁾ *Posselt*, Lefort, II, 247.

²⁾ *Устряловъ*, Ист. П. В., II, 572.

³⁾ Тамъ же, II, 575.

узнать: правда ли это, и пытали одного казака за то, что онъ разказывалъ, что Гордонъ живъ и здоровъ (II, 599).

Съ Петромъ Гордону часто приходилось спорить; 12-го сентября царь пришелъ къ Гордону и показалъ ему бумагу, которую хотѣли бросить въ городъ. Гордону это воззваніе не понравилось: онъ считалъ вообще такую мѣру излишнею и неприличною (II, 600). Мы не знаемъ, высказалъ ли онъ свое мнѣніе откровенно, или нѣтъ. Вообще Гордонъ былъ въ мрачномъ, угрюмомъ расположеніи духа. Онъ жаловался между прочимъ на недостатокъ въ ядрахъ и бомбахъ. О военномъ совѣтѣ 13-го сентября онъ замѣчаетъ, что, „какъ обыкновенно, въ немъ не было принято ни одного порядочнаго рѣшенія“ (II, 601). Головинъ устроилъ въ подкопѣ камеру и наполнилъ ее порохомъ. Инженеръ былъ человѣкъ молодой и неопытный. Сомнѣваясь въ истинѣ его словъ, Гордонъ доказывалъ, что преждевременный взрывъ не принесетъ никакой пользы и только перебьетъ Русскихъ же. Но созданный государемъ военный совѣтъ рѣшилъ взорвать подкопъ, и какъ скоро обрушится стѣна, занять проломъ ближайшими войсками. Предсказанія Гордона сбылись буквально. Крѣпостная стѣна осталась невредимою, а много Русскихъ погибло. „Эта неудача“, говоритъ Гордонъ, — „сильно огорчила государя и произвела неописанный ужасъ въ войскѣ, потерявшемъ послѣ того всякое довѣріе къ иностранцамъ“ (II, 603).

Опять пошла рѣчь о штурмѣ, и опять Гордону пришлось говорить противъ него. Онъ нарочно ѣздилъ къ каланчамъ, чтобъ отсвѣтовать эту попытку, но такъ какъ другіе генералы нисколько не раздѣляли его мнѣніе, онъ одинъ не могъ убѣдить Петра оставить это предпріятіе и рѣшился молчать. На другой день Гордонъ, отобѣдавъ съ царемъ, заѣхалъ къ Лефорту посоветоваться, нельзя ли хоть повременить приступомъ, но нашелъ въ его сужденіяхъ такъ мало основательности и ясности, что потерялъ всякую надежду на его содѣйствіе (II, 605). Петръ намѣревался напасть на городъ со стороны рѣки. Гордонъ не одобрялъ и этого намѣренія и подробно изложилъ свои доводы противъ него. Возраженія его были оставлены безъ вниманія, хотя опровергнуть его никто не сумѣлъ. Лефортъ и Головинъ ласкали себя какими-то ни на чемъ не основанными надеждами и даже дали понять Гордону, что его сомнѣнія и опасенія вызваны какимъ-то нежеланіемъ взять крѣпость (II, 608). Однимъ словомъ, между генералами постоянно было полнѣйшее разногласіе. Правда, они ежедневно сходились другъ къ другу обѣдать, но отношенія ихъ не могли не

быть нѣсколько натянутыми. Ходъ событій доказывалъ однако на каждомъ шагу, что взгляды Гордона были основательны. Онъ былъ опытнѣйшимъ изъ всѣхъ лицъ, окружавшихъ Петра; онъ никогда не ограничивался голословнымъ противорѣчіемъ и каждый разъ подробно объяснялъ причины своихъ сомнѣній, своего пессимизма, и всѣ его предсказанія сбывались съ точностью. Тѣмъ не менѣе вліяніе Лефорта на Петра было гораздо сильнѣе, и Гордонъ оставался какъ въ тѣни ¹⁾.

Штурмъ 25-го сентября былъ также совершенно неудаченъ. Не смотря на неудачу, Петръ велѣлъ два раза возобновить приступъ, и Гордонъ, хотя убѣжденный, что гибель множества людей не имѣетъ никакой цѣли, долженъ былъ повиноваться. Онъ со своимъ отрядомъ дѣлалъ все возможное, но отряды Головина и Лефорта не поддерживали его дѣйствій (II, 611). Турки, замѣчая нерѣшительность и отсутствіе единодушія, дѣйствовали тѣмъ успѣшнѣе. Мина, подведенная Русскими, опять взорвалась, не причинивъ Туркамъ особеннаго вреда, но за то убила и переранила много Русскихъ.

Этимъ кончилась первая осада Азова. 27-го сентября было рѣшено отступить и возвратиться въ Москву. Былъ Гордонъ во время отступления въ аріергардѣ; ему стоило большаго труда держать войско въ порядкѣ вслѣдствіе дурной дисциплины полковъ. Къ тому же аріергардъ былъ въ опасности подвергнуться нападенію отъ Татаръ, окружавшихъ отступавшее войско густыми толпами. Начались морозы, выпалъ снѣгъ, поднялась жестокая и продолжительная вьюга. Войско страдало ужасно. Люди и лошади гибли въ степи отъ холода и голода. Очевидецъ Плейеръ, задержанный около мѣсяца въ Черкасскѣ болѣзнію, рассказываетъ, что, отправившись по слѣдамъ отступавшей арміи, онъ не могъ видѣть безъ слезъ и содроганія множества труповъ, на пространствѣ 800 верстъ разбросанныхъ и пожираемыхъ волками ²⁾.

На возвратномъ пути Гордонъ имѣлъ нѣсколько разъ случай бѣсѣдовать съ Петромъ о разныхъ предметахъ (II, 626, 628). Иногда

¹⁾ Не смотря на то, что нѣкоторыя замѣчанія въ дневникѣ Гордона объ ошибкахъ Лефорта вполне подтверждаются безпристрастнымъ наблюдателемъ, Плейеромъ, даже новѣйшій біографъ Лефорта Поссельтъ горько жалуется на несправедливость обвиненій Гордона противъ его героя (*Posselt Lefort*, II 241, 242, 247, 250); но доказательства Поссельта, что Лефортъ былъ правъ во всѣхъ отношеніяхъ, намъ кажутся весьма слабыми.

²⁾ *Устреловъ*, Ист. П. В., II, 225 и 582; у Гордона, II, 629, также есть замѣтка о страданіяхъ войска.

происходили и попойки. Однажды и Гордонъ угощалъ государя. Простившись съ нимъ въ Валуяхахъ, Гордонъ соединился съ царемъ опять въ Туль, гдѣ они осматривали желѣзные заводы, и гдѣ Гордонъ самъ сковалъ широкую желѣзную плиту (II, 635). Приближаясь къ Москвѣ, Гордонъ отъ встрѣтившаго его сына Феодора, недавно возвратившагося изъ Браунсберга, узналъ о кончинѣ своего младшаго сына Петра. Царь ласково привѣтствовалъ Гордонова сына, который впоследствии также служилъ въ русскомъ войскѣ.

22-го ноября былъ торжественный въездъ въ Москву. Желабускій пишетъ: „Перво пришелъ генеральъ Петръ Ивановичъ Гордонъ, а за нимъ государь и весь царскій синклитъ“¹⁾. Вечеромъ этого дня Гордонъ прѣхалъ въ Нѣмецкую слободу.

Недолго, отъ конца ноября до начала марта, Гордонъ оставался дома. Вскорѣ Петръ принялся ревностно за приготовленія къ новому походу подъ Азовъ. Въ это время Гордонъ видѣлся весьма часто съ царемъ. Тотчасъ же послѣ возвращенія въ Москву, Петръ позвалъ Гордона къ себѣ обѣдать, но Гордонъ по болѣзни не могъ явиться. Два дня спустя, царь зашелъ къ Гордону и любовался упражненіями его сына Феодора съ знаменемъ и ружьемъ. 7-го декабря Петръ и Гордонъ ѣздили верхомъ и на пути бесѣдовали о разныхъ предметахъ. 14-го декабря Петръ прѣхалъ за Гордономъ и отправился съ нимъ къ Лефорту, къ которому явились Головинъ и другіе. Тамъ происходило совѣщаніе объ избраніи генералиссимуса. На это мѣсто былъ назначенъ князь Черкасскій, а на случай его болѣзни, бояринъ Шеинъ. Тутъ же происходили совѣщанія о назначеніи адмирала, такъ какъ главною заботою въ это время было сооруженіе флота. Адмираломъ сдѣланъ былъ Лефортъ. Такимъ образомъ другіе, менѣе опытные люди были назначены на главныя мѣста, между тѣмъ какъ Гордонъ оставался опять на заднемъ планѣ. Мы не знаемъ, считалъ ли онъ себя оскорбленнымъ этими назначеніями, но какъ бы то ни было, онъ принималъ самое дѣятельное участіе въ приготовленіяхъ къ походу и затѣмъ былъ главнымъ виновникомъ покоренія Азова²⁾.

Въ декабрѣ Гордонъ былъ занятъ составленіемъ проекта для постройки моста чрезъ Донъ. Онъ сдѣлалъ списокъ всѣмъ матеріаламъ,

¹⁾ Записки, стр. 58.

²⁾ Намъ неизвѣстно, на чемъ основана замѣтка въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ, XV (1838), стр. 399, что Гордонъ въ 1696 году исправлялъ должность генераль-инженера.

необходимымъ для этой цѣли (II, 640—642). Хотя онъ нѣкогда говорилъ Василью Васильевичу Голицыну, что не знаетъ инженернаго искусства, но изъ пространныхъ мемуаровъ его о техническихъ вопросахъ видно, что онъ былъ весьма опытенъ и въ этомъ отношеніи.

Съ 1696 г. дневникъ Гордона становится короче. Разказъ его о второмъ Азовскомъ походѣ гораздо менѣе подробенъ, чѣмъ разказъ о первомъ. 8-го марта Гордонъ отправился въ походъ. Въ это время уже кипѣла работа въ Воронежѣ, гдѣ готовился флотъ. Тамъ Гордонъ опять встрѣтился съ Петромъ, съ которымъ пировалъ у Плещеева, Апраксина и другихъ и занимался составленіемъ списковъ разныхъ предметамъ, нужнымъ для похода (II, 15—20) и совѣщаніями съ генералиссимусомъ Шенинымъ. Въ Воронежѣ былъ пиръ у Лефорта, при чемъ пили за здоровье Англійскаго короля Вильгельма III. Но Гордонъ отказался пить за здоровье этого похитителя англійскаго престола и вмѣсто того пилъ за здоровье короля Якова. Довольно подробно Гордонъ описываетъ плаваніе по Воронежу и Дону до Азова, куда онъ прибылъ 18-го мая (II, 32). Тутъ, при распредѣленіи войскъ, при постройкѣ укрѣпленій и при распоряженіяхъ разнаго рода, онъ игралъ весьма важную роль. Когда однажды онъ составилъ проектъ форта, и начались постройки, Петръ съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за успѣхами этихъ работъ (II, 36 и 37). Гордонъ старался окончить фортификаціонныя работы по возможности скорѣе. Объ этихъ работахъ находимъ въ дневникѣ много подробностей¹⁾.

Осада шла успѣшно. Турецкій флотъ оставался въ бездѣйствіи. Обстрѣливаніе города началось 16-го іюня съ большимъ успѣхомъ. Царь жилъ на морѣ и съ галеры *Principium* распоряжался осадой Азова. Но городскія укрѣпленія остались нетронутыми, и осаждающіе не знали что дѣлать для достиженія желаемой цѣли. Выписанные иностранные инженеры, артиллеристы и минеры еще не пріѣзжали. Брать городъ приступомъ послѣ двукратной неудачи минувшаго года считали тѣмъ менѣе возможнымъ, что въ стѣнахъ его не было ни одного пролома, и непрерывный огонь съ Гордоновыхъ батарей, разрушавшій дома внутри города, не могъ повредить угловому бастиону на который направлены были всѣ выстрѣлы. Гордонъ въ это время хворалъ и даже нѣсколько дней пролежалъ въ постели. Впрочемъ, въ первыхъ числахъ іюля, оправившись, онъ сталъ снова руководить осадой.

¹⁾ И Голицевъ говоритъ, что Гордонъ наглавнѣйше располагалъ осадой, и что Шенинъ и Петръ ничего почти не дѣлали безъ его совѣта.

Уже 22-го іюля однако, когда спросили мѣнѣе солдатъ и стрѣльцовъ, какимъ образомъ они думаютъ овладѣть Азовомъ, они отозвались, что надобно возвести высокій земляной валъ, привалить его къ валу непріятельскому, и засыпавъ ровъ, сбить Турокъ съ крѣпостныхъ стѣнъ. Какъ ни странно было это предложеніе, напоминавшее осаду Херсона великимъ княземъ Владиміромъ въ X столѣтіи, полководцы согласились на общее желаніе войска; ночью на 23-е іюня приступили къ гигантской работѣ, къ возведенію земляной насыпи подъ непріятельскими выстрѣлами. Мало того: искуснѣйшій изъ Петровыхъ генераловъ, Гордонъ, съ жаромъ ухватился за неясную мысль войска, развилъ ее въ обширнѣйшихъ размѣрахъ и составилъ проектъ къ вѣному валу, который превышалъ бы крѣпостныя стѣны съ выходами для вылазокъ, съ раскатами для батарей, такъ что съ него можно было бы чрезъ наружныя укрѣпленія стрѣлять по каменному замку (II, 44 и 49). Этотъ проектъ Гордона относится къ 3-му іюля, значить, уже десять дней послѣ начала работы. Гордонъ развилъ дальнѣе мысль, поданную войсками. Эти работы были сопряжены съ значительною потерей людей. Гордонъ въ своемъ дневникѣ разказываетъ отъ успѣхъ этой работѣ и замѣчаетъ, что когда онъ водилъ приѣхавшихъ наконецъ, 1-го іюля, австрійскихъ инженеровъ по всѣмъ укрѣпленіямъ, они дивились огромности работъ (II, 52). Неизвѣстно, какого мнѣнія они были объ этомъ валѣ, каждую ночь становившемся все выше и выше. Въ русскомъ лагерѣ особенно надѣялись на эту насыпь, изобрѣтеніе которой иногда даже приписывалось Гордону. Такъ, напримѣръ, Александръ Гордонъ, сдѣлавшійся впоследствии зятемъ Патрика и участвовавшій въ осадѣ Азова, въ своемъ сочиненіи о Петрѣ Великомъ говоритъ, что мысль о валѣ принадлежитъ всецѣло Гордону¹⁾. Сооруженіе вала, отважность Запорожцевъ, сдѣлавшихъ смѣлое нападеніе на крѣпость, искусство иностранныхъ инженеровъ, особенно мѣтко стрѣлявшихъ по непріятельскимъ укрѣпленіямъ, и приготовленія къ общему штурму побудили Турокъ сдать Азовъ.

Сохранилось преданіе, что Петръ приписывалъ взятіе Азова главнымъ образомъ доблести и искусству Гордона. Нартовъ, разказывая о похоронахъ Гордона, сообщаетъ слѣдующее изреченіе Петра въ тѣхъ словахъ:

¹⁾ См. немецкое изданіе, стр. 114—115. Также и Поссельтъ въ своемъ сочиненіи о Лефорть, II, 339, замѣчаетъ, что Гордонъ предложилъ насыпать валъ. Самый точный разказъ у Устрялова, Ист. П. В., II, 284 и слѣд., по англійскому подлиннику дневника Гордона.

минуту, когда онъ кинулъ земли въ могилу: „Я даю ему только горсть земли, а онъ далъ мнѣ цѣлое государство земли съ Азовомъ“. Эту анекдотъ едва ли можетъ считаться историческимъ фактомъ. Дѣйствительно, большая доля успѣха при взятіи Азова принадлежала Гордону, но все же нельзя сказать, чтобъ онъ былъ завоевателемъ этой крѣпости. Еслибы даже онъ и былъ изобрѣтателемъ насыпи, — а мы знаемъ, что первая мысль принадлежала не ему, а солдатамъ, — онъ все-таки не могъ бы быть названъ героемъ Азова. Но косвенно Петръ занятіемъ Азова былъ обязанъ Гордону, такъ какъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ былъ ученикомъ его въ ратномъ дѣлѣ.

По окончаніи Чигиринскаго дѣла, — Гордонъ, какъ сказано выше, замѣтилъ, что Чигиринъ не былъ завоеванъ Турками, а былъ оставленъ Русскими. То же самое можно сказать о занятіи Азова. Турки уступили Азовъ въ силу капитуляціи. Турки вышли оттуда безъ бою, и Русскіе заняли городъ.

Тамъ вскорѣ устроились пиршества. Былъ праздникъ у генералиссимуса Шейна, на которомъ, какъ замѣчаетъ Гордонъ, — не жалѣли ни пороку, ни напитоковъ; была попойка у Лефорда, и всѣ были „порядочно навеселѣ“. Гордонъ въ то же время былъ занятъ сооруженіемъ укрѣпленій въ Азовѣ, а затѣмъ вмѣстѣ съ Петромъ отправился отыскивать удобное мѣсто для гавани.

16-го августа войска отправились въ обратный путь. Гордонъ сообщаетъ многія подробности объ этомъ путешествіи. Въ Тулѣ онъ опять былъ встрѣченъ сыномъ Феодоромъ, который въ пышной рѣчи поздравилъ царя съ побѣдой. 30-го сентября былъ торжественный въѣздъ въ Москву. Главную роль при этомъ случаѣ, какъ кажется, игралъ Лефортъ, ѣхавшій въ золотыхъ государевыхъ саняхъ въ шесть лошадей. Гордонъ съ своею конюшнею, штабомъ и генеральскимъ значкомъ занималъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ въ торжественномъ шествіи. Самъ Петръ шелъ въ скромномъ мундирѣ морскаго капитана за великолѣпными санями адмирала. Стрѣлцкіе полки, стоявшіе на стойкѣ и державшіе ружья на караулъ, отдавали честь Зотову поклономъ, а Лефорту и Шейну — поклонами съ залпомъ изъ мелкаго ружья и изъ пушекъ. При входѣ въ триумфальныя ворота, Виніусъ съ вершины ихъ говорилъ въ трубу привѣтствіе стихами адмиралу, командору и генералиссимусу.

Каково было официальное отношеніе Гордона къ другимъ лицамъ, видно и изъ наградъ за службу въ Азовѣ. Шейнъ получилъ медаль

въ 18 червонецъ, кубокъ, кафтанъ, 150 р. денегъ придачи и 305 дворовъ, Лефортъ—медаль въ 7 червонецъ, кубокъ, кафтанъ и 140 дворовъ, Гордонъ и Головинъ, по медали въ 6 червонецъ, по кубку, по кафтану и по 100 дворовъ ¹⁾).

При раздачѣ помѣстій Гордонъ сначала получилъ деревню Красное въ нынѣшней Рязанской губерніи и деревню Иваново (II, 90). Затѣмъ однако изъ-за Краснаго между Гордономъ и Лефортомъ вышелъ споръ или, по крайней мѣрѣ, недоразумѣніе—, *differeuce*“, какъ говоритъ Гордонъ (II, 93), и деревня эта была отдана Лефорту; нѣсколько дней спустя Гордонъ получилъ другую деревню — Красную Слободу (II, 93). Эта переимѣна относится къ марту 1697 года, а еще въ февралѣ Гордонъ получилъ жалованную грамоту на имѣніе (III, 388—90), и въ ней подробно говорится о заслугахъ его при покореніи Азова. Была ли деревня Красное, доставшаяся сначала Гордону, а потомъ Лефорту, лучше Красной Слободы, мы не знаемъ. Изъ дневника Гордона не видно, былъ ли онъ недоволенъ такою переимѣною, или нѣтъ.

Последнее время службы и дѣятельности.

Возвратившись въ Нѣмецкую слободу осенью 1696 года, Гордонъ жилъ тамъ спокойно до отправленія своего къ Азову въ третій разъ, въ апрѣлѣ 1697 года. Образъ его жизни и занятія оставались прежніе. Военно-административная дѣятельность его, какъ кажется, принимала все болѣе и болѣе широкіе размѣры. вмѣстѣ съ Шейнымъ онъ управлялъ всею военною частью.

Петръ между тѣмъ готовился къ отъѣзду за границу. Какъ извѣстно, незадолго до отъѣзда случился заговоръ Цыклера, Соковнина и Пушкина. Въ самый день обнаруженія этого заговора, 23-го февраля, Гордонъ также какъ и другіе близкіе къ Петру люди, провелъ вечеръ у Лефорта, но какъ пишетъ нашъ генералъ,—заговоръ помѣшалъ веселью. Въ день казни преступниковъ, о чемъ Гордонъ говоритъ очень подробно (II, 93), Петръ долженъ былъ ужинать у него, но не могъ явиться по случаю похоронъ своего дяди Мартемьяна Кирилловича Нарышкина.

10-го марта предъ отъѣздомъ Петра былъ обѣдъ у Петра, на ко-

¹⁾ Устряловъ, Ист. П. В., II, 302—303; см. также П. С. З., III, стр. 29. № 1343; ср. дневникъ, II, 85.

торомъ участвовали важнѣйшіе сановники и иностранцы. Какъ извѣстно, Петръ, уѣзжая, ввѣрилъ управленіе государствомъ тремъ лицамъ—Льву Кирилловичу Нарышкину, князю Борису Алексѣевичу Голицыну и Петру Ивановичу Прозоровскому, а Москву „приказалъ“ стольнику Θεодору Юрьевичу Ромодановскому. Гордонъ не говоритъ о томъ въ своемъ дневникѣ; но Корбъ передаетъ слухъ, что эта мѣра была принята по совѣту Гордона, и именно съ тою цѣлью, чтобъ эти правители-соперники, „вражду другъ съ другомъ, съ большимъ стараніемъ занимались тѣмъ, что относится до спокойствія царства“¹⁾. Этотъ разказъ не подтверждается однако никакими другими данными.

Во время отсутствія Петра Гордонъ находился въ перепискѣ какъ съ нимъ, такъ и съ Лефортомъ (III, 95, 163). Главною обязанностью его тогда было вести военныя дѣйствія на югѣ. Уже въ январѣ было рѣшено, что Гордонъ долженъ отправиться въ Азовъ²⁾. Въ этомъ, впрочемъ не имѣвшемъ значенія, походѣ участвовали и Шейнъ, а также зять Гордона, Стевинсъ, и сыновья Джемсъ и Θεодоръ. Главною цѣлью похода были постройка кое-какихъ укрѣпленій въ Азовѣ и оборона южныхъ границъ отъ вѣроятнаго нападенія Турокъ и Татаръ. Въ дневникѣ Гордона за это время много говорится о разъѣздахъ его по военнымъ дѣламъ, о передвиженіяхъ войскъ, фортификаціонныхъ работахъ, совѣщаніяхъ съ Шейннымъ во время похода, и съ Мазепою на возвратномъ пути въ Харьковѣ. Отношенія Гордона къ московскимъ правителямъ были чисто официальныя. Политическаго вліанія онъ не имѣлъ вовсе. Онъ былъ только генераломъ, который во всѣхъ отношеніяхъ зависѣлъ отъ центральной власти и дѣйствовалъ лишь по инструкціи Его Величества, какъ онъ называлъ московскій триумvirатъ.

Отсутствіе Гордона изъ Москвы продолжалось отъ начала апрѣля до 9-го ноября. Возвратившись туда, онъ сталъ еще чаще писать въ Петру, отпраздновалъ въ кругу знакомыхъ и родныхъ свою серебряную свадьбу и похоронилъ своего зятя, полковника Стевинса. Сношенія его съ правителями были не слишкомъ частыя.

Въ самомъ началѣ своей служебной дѣятельности въ Россіи, въ 1662 г., Гордонъ имѣлъ случай содѣйствовать подавленію мятежа: тогда московская чернь взволновалась вслѣдствіе выпуска легковѣс-

¹⁾ Diarium, 217.

²⁾ П. С. З., III, 272, № 1566.

ной мѣдной монеты, и только нерѣшимость полковника Крафурда, начальника Гордона, воспрепятствовала ему оказать болѣе существенныя услуги правительству. Въ концѣ своей карьеры Гордону пришлось оказать русскому правительству подобную же услугу; но на этотъ разъ борьба съ мятежниками была гораздо серьезнѣе: бунтъ стрѣльцовъ обнаружилъ довольно ясно цѣли и стремленія противниковъ Петра, а Гордону принадлежала важнѣйшая доля въ его подавленіи.

Гордонъ имѣлъ достаточно случаевъ узнать характеръ русскаго войска и его недостатки. Въ дневникѣ его встрѣчается много данныхъ объ отсутствіи въ немъ дисциплины, побѣгахъ, пьянствѣ и буйствѣ русскихъ солдатъ и стрѣльцовъ. Гордонъ неоднократно и горько жаловался на лѣность, безпечность и строптивость стрѣльцовъ, которые даже въ рѣшительныя минуты, когда солдаты шли на приступъ, не торопились занять оставленныя имъ траншеи. Уже въ 1695 году подѣ Азовомъ пытали и наказывали вкнутомъ многихъ стрѣльцовъ, бѣжавшихъ изъ траншей и этимъ подвергавшихъ величайшей опасности артиллерію и инженеровъ (II, 593 и 598). Впрочемъ служба стрѣльцовъ во время Азовскихъ походовъ была тяжелою, опасною и необычайною. Петръ требовалъ, чтобъ они служили не по прежнему, не возвращаясь домой; поэтому бывшіе подѣ Азовомъ и въ Азовѣ въ 1695, 1696 и 1697 годахъ роптали. Осенью 1697 года нѣкоторые полки на возвратномъ пути въ Москву получили приказъ отправиться въ Великія Луки къ польской границѣ. Съ ожесточеніемъ въ душѣ, съ злобою на бояръ, которые третій годъ „таскали“ ихъ по службамъ, отправились они туда и провели тамъ зиму. Во время великаго поста 1698 года появились въ Москвѣ бѣглецы оттуда въ числѣ 175 человекъ. Начались сношенія стрѣльцовъ съ царевною Софіей.

Въ дневникѣ Гордона впервые о началѣ бунта говорится 3-го апрѣля. Онъ подробно разказываетъ, какъ недовольные стрѣльцы приходили къ Ромодановскому съ жалобами, и какъ по случаю арестованія нѣкоторыхъ изъ нихъ происходили беспорядки. На Ромодановскомъ, какъ мы знаемъ, лежала тяжелая отвѣтственность—блюсти порядокъ въ столицѣ. Прошедшіе беспорядки сильно напугали вельможъ. Ромодановскій тотчасъ же послалъ за Гордономъ и сообщилъ ему о случившемся, „преувеличивая“, какъ полагаетъ Гордонъ— „въ частности“ этого событія. Гордонъ не придалъ однако движенію особеннаго значенія, указывалъ на слабость партіи недовольныхъ и на отсутствіе въ ней передоваго человека; онъ старался успокоить Ро-

модановскаго и увѣрялъ его, что не можетъ быть опасности. Впрочемъ, онъ отправился въ Бутырки, гдѣ находился его полкъ, для того, чтобы на всякій случай быть готовымъ къ дѣйствию. Сдѣлавъ нѣкоторыя распоряженія и сообщивъ о принятыхъ мѣрахъ Шеинну и Ромодановскому, Гордонъ легъ спать. На другой день рано утромъ онъ велѣлъ узнать, все ли спокойно въ городѣ. Все было тихо. Гордонъ старался успокоить вельможъ; сановники, говоритъ онъ,— не только изъ дѣйствительнаго опасенія придавали большое значеніе этимъ событіямъ, но и въ тѣхъ видахъ, чтобы ихъ заслуги въ дѣлѣ подавленія мятежа казались тѣмъ болѣе важными. Впрочемъ Гордонъ оставался въ Бутыркахъ и только на самое короткое время пріѣхалъ къ себѣ домой въ Нѣмецкую слободу (III, 181—182). Вскорѣ однако всѣ успокоились, и Гордонъ могъ продолжать свои обычныя занятія, совѣщаться съ сановниками и иностранными инженерами о постройкѣ укрѣпленій на югѣ, переписываться съ знакомыми и вести свои частныя дѣла. Такъ прошло нѣсколько недѣль.

8-го іюня распространился слухъ, что четыре стрѣльцовъ полка, находившіеся въ Торопцѣ, склонны къ бунту. Тотчасъ же изъ Москвы отправили вѣрнаго человѣка разузнать о положеніи дѣла. 9-го было рѣшено отправить противъ стрѣльцовъ часть Бутырскаго и другихъ полковъ и арестовать 140 стрѣльцовъ, оставившихъ свои полки. 10-го и 11-го числа были получены болѣе подробныя и тревожныя извѣстія о бунтѣ. Опять сильно перенугались высшіе сановники, тотчасъ же рѣшившіе въ совѣтѣ отправить на встрѣчу приближавшимся стрѣльцамъ отрядъ войска изъ козницы и пѣхоты. Опять послали за Гордономъ и сообщили ему объ этомъ рѣшеніи. Гордонъ долженъ былъ выступить съ 2,000 войска и самъ назначилъ офицеровъ, которые должны были сопровождать его. Въ первомъ совѣщаніи по этому дѣлу Гордонъ не участвовалъ, но былъ во второмъ, въ которомъ были и подтверждены рѣшенія перваго.

12-го іюля Гордонъ обѣдалъ вмѣстѣ съ императорскимъ посломъ и датскимъ резидентомъ у польскаго посланника, но долженъ былъ встать изъ-за стола, и простившись со всѣми, отправился для принятія послѣднихъ мѣръ къ походу ¹⁾. Очевидно, онъ былъ въ сущности главнымъ начальникомъ отряда, хотя надъ нимъ и стоялъ генералиссимусъ Шеинъ. Къ Гордону были присланы 27 человѣкъ, ко-

¹⁾ *Korb, Diarium*, 59.

торыхъ онъ долженъ былъ употребить, какъ нарочныхъ, для сообщенія извѣстій въ столицу (II, 193).

13-го іюля Гордонъ выступилъ въ походъ. Шеннъ отправился 16-го. 17-го іюля узнали, что стрѣльцы спѣшатъ занять Воскресенскій монастырь. Гордонъ ускорилъ походомъ, стараясь предупредить стрѣльцовъ. Онъ даже самъ въ сопровожденіи нѣкоторыхъ всадниковъ поѣхалъ впередъ, чтобъ узнать о мѣстѣ пребыванія мятежнаго войска. Ему попались на встрѣчу четыре стрѣльца съ письмомъ къ Шенну отъ всѣхъ полковъ, при чемъ объявили, что полки еще далеко, версты за 15, и не намѣрены въ сей день занимать монастыря. Затѣмъ Гордонъ поспѣшно двинулся впередъ и предъ вечеромъ сталъ близъ монастырской слободы Рогожи, въ выгодной позиціи на холмахъ, подъ которыми разстилается обширный лугъ на лѣвомъ берегу Истры. Тутъ Гордонъ узналъ, что на другомъ берегу рѣки появились стрѣльцы. Еслибы стрѣльцы хотя за часъ успѣли овладѣть монастыремъ, то подъ защитой его твердынь могли бы разбить войско, оставаясь вѣрнымъ Петру: утомленное дневнымъ походомъ, оно съ трудомъ могло препятствовать переправѣ стрѣлцаго войска. Стрѣльцы уже подошли къ рѣкѣ и начали переходить ее въ бродъ. Гордонъ немедленно съ немногими всадниками поскакалъ къ переправѣ, стараясь убѣжденіями и угрозами отклонить ихъ отъ этого предпріятія. Онъ разговаривалъ съ ними спокойно (III, 196). Корбъ (который, очевидно, со словъ Гордона сообщаетъ подробности о бунтѣ) передаетъ рѣчи Гордона такъ: „О чемъ вы думаете? Куда идете? Если вы идете въ Москву, то вѣдь ночь наступаетъ, вамъ невозможно будетъ продолжать дорогу, а на этомъ берегу слишкомъ мало мѣста, чтобы вы могли всѣ помѣститься; останьтесь лучше на той сторонѣ рѣки и ночью подумайте хорошенько, что завтра дѣлать!“ Гордонъ дѣйствовалъ тутъ чрезвычайно отважно. Если принять въ соображеніе, что мятежники страшно ненавидѣли иностранцевъ и особенно Лефорта считали главнымъ виновникомъ своихъ бѣдъ, что они намѣревались сжечь всю Нѣмецкую слободу и пр., то нельзя не считать весьма опаснымъ положеніе Гордона, который бесѣдовалъ съ бунтовщиками безъ необходимой военной защиты. Захватить при этомъ случаѣ Гордона, убить его было дѣломъ не труднымъ.

Впрочемъ старанія Гордона сначала не имѣли успѣха. Стрѣльцы не слушались, перебирались на лугъ, и очевидно, хотѣли занять Московскую дорогу. Тогда Гордонъ поспѣшилъ назадъ и тотчасъ же распорядился: двумъ ближайшимъ полкамъ велѣлъ пройти слободой

и стать за нею въ дефилеяхъ, а двумъ другимъ—расположиться на Московской дорогѣ. Послѣ того Гордонъ снова отправился къ мятежникамъ для переговоровъ; они по прежнему были неуступчивы въ своихъ требованіяхъ. Онъ уговорилъ ихъ послать еще двухъ человекъ къ боярину, и условившись съ ними ничего не предпринимать въ теченіе ночи, поѣхалъ назадъ для совѣщаній съ Шеинымъ. Еще разъ однако Гордонъ самъ осмотрѣлъ всю мѣстность, убѣдился въ томъ, что въ стрѣльцкомъ лагерѣ дѣйствительно все тихо, и что въ царевомъ войскѣ всѣ стражи исправны. Гордонъ не упустилъ изъ виду ничего, что могло бы служить ему для обороны и быть обращено во вредъ и уронъ врагамъ. Особенно искусно разставилъ пушки полковникъ Краге, такъ что почти вся часть успѣха принадлежала артиллеріи. Послѣ долгаго совѣщанія рѣшили—послать Гордона въ станъ стрѣльцовъ, чтобъ объявить имъ, что если они возвратятся въ указанныя мѣста и выдадутъ 145 человекъ бѣглецовъ, зачинщиковъ и руководителей мятежа, государь проститъ ихъ непослушаніе, за исключеніемъ главныхъ виновниковъ, и прикажетъ удовлетворить ихъ жалованьемъ и провіантомъ.

Утромъ 18-го іюля Гордонъ, взявъ съ собою шестерыхъ извѣтчиковъ стрѣльцкихъ, отправился въ станъ мятежниковъ и велѣлъ имъ собраться для выслушанія царской милости. Его окружили 200 человекъ, и онъ со всевозможнымъ краснорѣчіемъ убѣждалъ ихъ къ покорности, но тщетно. Стрѣльцы отвѣчали, что или умрутъ, или будутъ въ Москвѣ дня на два или на три, а потомъ пойдутъ, куда имъ укажутъ. Гордонъ повторилъ, что къ Москвѣ ихъ не пропустятъ. Они остались непреклонны. Наконецъ, выступили два старые стрѣльца и вычислили свои нужды и бѣдствія; прочіе подтвердили ихъ слова и подняли великій шумъ. Гордонъ совѣтовалъ имъ переговорить съ каждымъ полкомъ отдѣльно и здраво поразмыслить, что они дѣлаютъ. На это они не соглашались, говоря, что у всѣхъ у нихъ одна дума. Тогда Гордонъ объявилъ, что онъ внѣ стана подождетъ немного, и прибавилъ, что если стрѣльцы теперь не воспользуются милостію Государя, то позднѣйшія условія будутъ совсѣмъ иныя, и тогда уже нельзя будетъ имъ ожидать пощады. На все это они не обращали вниманія. Тогда Гордонъ, удалившись на нѣкоторое разстояніе изъ стана, подождалъ съ четверть часа и затѣмъ еще разъ послалъ къ нимъ спросить отвѣта. Такъ какъ стрѣльцы упорствовали, то Гордонъ съ сожалѣніемъ о нихъ возвратился въ царскій лагерь и подробно осмотрѣлъ мѣстность, чтобъ опредѣлить, съ какой стороны

удобиѣ всего напасть на нихъ ¹⁾. Затѣмъ Гордонъ ²⁾ указалъ боевой порядокъ, а потомъ еще разъ сдѣлалъ попытку возобновить переговоры, отправивъ къ стрѣльцамъ князя Кольцова-Масальскаго и еще другое лицо. Но все это было тщетно. Тогда, помѣстивъ на удобномъ мѣстѣ артиллерію и окруживъ съ лѣвой стороны стрѣлцкій лагерь конницею, Гордонъ далъ залпъ изъ 25 орудій; однако ядра перелетѣли черезъ головы стрѣльцовъ. Завязалось настоящее сраженіе, продолжавшееся около часа. Почти всѣ бунтовщики, послѣ того, какъ четырьмя залпами была убита нѣкоторая часть ихъ, были переломлены и заключены въ Воскресенскомъ монастырѣ. Въ розыскѣ, начавшемся тотчасъ же послѣ битвы, участвовалъ и Гордонъ. „Мы постановили приговоръ“, пишетъ онъ, упоминая въ дневникѣ о казни нѣкоторыхъ изъ мятежниковъ (II, 200). 24-го іюня Гордонъ написалъ письмо Петру съ донесеніемъ о случившемся (III, 200), а 4-го іюля уже вернулся въ Нѣмецкую слободу, изъ которой отсутствовалъ всего 19 дней.

Въ августѣ 1698 года Гордонъ отправился въ свои имѣнія и тамъ занялся устройствомъ хозяйства. „Между тѣмъ Петръ, возвратившись изъ-за границы, по своему обменовенію тотчасъ же по прѣздѣ отправился въ Нѣмецкую слободу къ Гордону, но не засталъ его дома. Узнавъ о томъ во время пребыванія въ одной изъ своихъ деревень, Гордонъ тотчасъ же, 3-го сентября, посѣщилъ въ Москву, куда и прѣехалъ 8-го. Въ тотъ же самый вечеръ Петръ, бывшій въ гостяхъ у подковника Краге, послалъ за Гордономъ. Гордонъ явился и извинился за поздній прѣздъ; царь милостиво поцѣловалъ его ³⁾).

Въ страшномъ стрѣлцкомъ розыскѣ Гордонъ не игралъ особенно важной роли. Кое-какія подробности о показаніяхъ истязаемыхъ стрѣльцовъ Петръ самъ разказывалъ Гордону, посѣщая его иногда по вечерамъ, при чемъ Гордонъ угощалъ царя виномъ (III, 216). Впрочемъ, 24-го сентября Гордонъ присутствовалъ при пыткѣ Анны Жуковой и полковника Колпакова. При казняхъ же стрѣльцовъ его не

¹⁾ Корбъ, *Diarium*, 161, говорятъ, что Гордонъ еще разъ отправился къ стрѣльцамъ, которые оскорбили его угрозами убить его, и пр.

²⁾ По *Устрялову*, III, 170, распорядился Шеннъ, по дневнику Гордона—Гордонъ.

³⁾ Корбъ, *Diarium*, 79.

было. Увеселенія, разныя пирушки и попойки продолжались все время. Гордонъ хворалъ въ ноябрѣ, и Петръ не разъ заходилъ спросить о его здоровьѣ.

Продолжалъ ли Гордонъ и въ 1699 году записывать ежедневно о случившемся—мы не знаемъ. Напечатанный дневникъ его прекращается 31-мъ декабря 1698 года; за то въ другихъ источникахъ мы находимъ свѣдѣнія о житъѣ-бытѣ Гордона въ послѣдній годъ его жизни. Такъ, напримѣръ, у Корба упоминается о болѣзни Гордона въ первыхъ числахъ января 1699 года. 4-го января Петръ былъ у Гордона и бесѣдовалъ съ нимъ о восточномъ вопросѣ: при этомъ случаѣ Гордонъ совѣтовалъ Петру обезпечить флотъ въ Азовскомъ морѣ сооруженіемъ гавани, на что Петръ будто бы отвѣтилъ, что самую надежную гаванью для русскаго флота онъ считаетъ море. Въ 1699 же году Гордонъ получилъ право раздавать офицерскія мѣста, такъ какъ генералиссимусъ Шейнъ злоупотреблялъ этимъ правомъ и раздавалъ офицерскія чины. Петръ, узнавъ объ этомъ на вечерѣ у Лейфорта, вышелъ изъ себя и прибилъ Зотова и Ромодановскаго, принимавшихъ участіе въ этихъ злоупотребленіяхъ; самому Шейну же одобровать бы при этомъ случаѣ, еслибы Лейфортъ не заступился за него. Тутъ-то Петръ и даровалъ Гордону право повышенія чина, потому что, какъ пишетъ Корбъ, могъ положиться на него безусловно ¹⁾. Упомянутая выше болѣзнь Гордона не была продолжительною. Уже 6-го января онъ могъ со своимъ полкомъ присутствовать при торжествѣ Крещенія. 3-го февраля, въ самый день казни 137 стрѣльцовъ, Петръ обѣдалъ у Гордона и не безъ волненія разказывалъ ему объ упорствѣ стрѣльцовъ, приглашая его присутствовать слѣдующій день при казняхъ еще другихъ ²⁾.

Весною 1699 года Петръ отправился на югъ въ такъ-называемый Керченскій походъ. Гордонъ не участвовалъ въ немъ. Корбъ разказываетъ, что царь, прощаясь съ Гордономъ при этомъ случаѣ, сказалъ ему: „Я все предоставляю тебѣ и твоей ко мнѣ преданности“ ³⁾. Въ мартѣ 1699 года Петръ учредилъ орденъ св. Андрея Первозваннаго. Первымъ кавалеромъ этого ордена былъ Головинъ, вторымъ Мазепа; Гордонъ же не былъ удостоенъ этой чести; за то Гор-

¹⁾ Diarium, 77 и 99.

²⁾ Тамъ же, 112 и 113

³⁾ Diarium, 733.

донъ, вѣроятно, въ послѣднемъ году своей жизни получилъ портретъ Петра, который видѣнъ на его портретѣ въ Императорскомъ эрмитажѣ ¹⁾.

Таковы были важнѣйшія событія послѣдняго года жизни Гордона. Пропуская другія, болѣе мелкія, о которыхъ сохранились однако извѣстія (у Корба и Устрялова), мы могли бы прямо перейти къ описанію его кончины и погребенія, но считаемъ не лишнимъ прежде того сообщить нѣсколько замѣчаній о семействѣ Гордона, его отношеніяхъ къ Русскимъ и иностранцамъ, перепискѣ его, экономическомъ его положеніи и личномъ характерѣ.

Семейство Гордона.

У Гордона было пятеро дѣтей. Старшіе сыновья его — Джонъ и Джемсъ, служили, какъ кажется, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ XVII в. въ русскомъ войскѣ прапорщиками, но неизвѣстно почему, лишились своихъ мѣстъ. Въ одномъ изъ своихъ прошеній Гордонъ говорить объ этомъ фактѣ, прибавляя, что онъ, не имѣя средствъ къ воспитанію сыновей, долженъ былъ отправить ихъ къ своимъ родителямъ въ Шотландію ²⁾. Джонъ Гордонъ нѣкоторое время находился въ іезуитской коллегіи близъ Лондона, но вскорѣ отправился въ Шотландію, гдѣ управлялъ имѣніями отца (II, 136), который, впрочемъ, какъ видно изъ многихъ писемъ его къ сыну, былъ часто крайне недоволенъ тѣмъ, что сынъ недостаточно часто и подробно давалъ отчетъ въ своихъ распоряженіяхъ (III, 232—235, 241). Когда Джонъ задумалъ жениться, отецъ сначала и этимъ былъ недоволенъ, хотя невѣста была изъ знатнаго и богатаго дома (III, 262, 263, 269—270, 279, 296, 296, 337, 347, 351). Впрочемъ, мало по малу отношенія между отцомъ и сыномъ исправились. Джонъ сообщилъ отцу о рожденіи внука (III, 492) въ 1694 году, а въ августѣ 1698 года на нѣсколько недѣль пріѣхалъ въ Россію со своимъ семействомъ навѣстить отца (III, 208) ³⁾.

¹⁾ Посселятъ (Дневникъ, II, стр. III) считаетъ возможнымъ, что это — медаль, полученная послѣ покоренія Азова.

²⁾ См. въ Дневникѣ, II, 86, и нѣкоторыя замѣчанія Посселята, I, X, XI, о воспитаніи сыновей Гордона. Джонъ и Джемсъ родились между 1666 и 1671 годами.

³⁾ См. разныя грамоты о пріѣздѣ Джона, I, 639; Корбъ, *Diarium*, подъ 13-мъ августа 1698 г.

Джемсъ находился нѣкоторое время въ іезуитской коллегіи близъ Данцига, что для отца было сопряжено съ большими расходами (II, 110). Прѣздомъ въ Англію въ 1686 году Гордонъ взялъ сына съ собою, опасаясь, что онъ будетъ зараженъ въ Германіи реформатскою ересью (II, 128 и 129). Изъ Англіи онъ отправилъ его учиться въ Дюнкирхенъ, но Джемсъ не успѣвалъ въ ученіи, и потому отецъ перевелъ его въ Эдинбургъ, гдѣ Джемсъ приучался къ судебнымъ дѣламъ (II, 135, 166). Затѣмъ нѣкоторое время онъ находился въ Дуэ (Douai), въ университетѣ. Оттуда онъ удалился безъ вѣдома отца, просилъ затѣмъ сестру задобрить отца и пробылъ нѣкоторое время въ іезуитской коллегіи въ Люблинѣ (III, 202, 203). Гордонъ, „не желая лишить сына совершенно отцовской милости“ (II, 203), переписывался съ нимъ о поступленіи въ русскую службу. Сперва Джемсъ выразилъ желаніе служить въ Польшѣ, но затѣмъ пріѣхалъ въ Россію. Въ 1690 году онъ былъ подполковникомъ, а въ 1693 полковникомъ русской службы, участвовалъ въ Азовскихъ походахъ и въ Нарвской битвѣ былъ взятъ въ плѣнъ Шведамъ, а въ 1702 году бѣжалъ изъ Швеціи и возвратился въ Россію. О дальнѣйшей судьбѣ его мы не имѣемъ свѣдѣній ¹⁾ (I, 634, 635; II, 216, 217, 320, 323, 324, 327, 331, 332, 423, 495, 574; III, 189, 284 — 387).

Старшая дочь Гордона, Екатерина, родившаяся въ 1665 году, какъ вѣдается, была любимицей отца. Ежегодно въ дневникѣ отмѣчалъ онъ о празднованіи дня ея рожденія. Въ 1682 году она вступила въ бракъ съ полковникомъ Стразбургомъ, Нѣмцемъ, находившимся тогда въ Кіевѣ. Стразбургъ былъ реформатскаго исповѣданія, но принималъ католическую вѣру. Когда онъ скончался въ 1692 году, Гордонъ замѣтилъ въ письмѣ къ сыну Джону; „онъ былъ самымъ совершеннымъ и честнымъ человѣкомъ во всемъ краѣ“ (III, 305). По смерти Стразбурга, (не вслѣдствіе взрыва фейерверка, какъ полагаетъ Поссельтъ, а отъ какой-то болѣзни, II, 690; II, 358—360) Екатерина нѣкоторое время жила въ домѣ отца. У нея былъ сынъ и двѣ дочери. Въ 1698 году она вышла замужъ за Алек-

¹⁾ О Джемсѣ см. письмо Гордона къ Герри Гордону, гдѣ разказана подробно судьба Джемса съ 1688 по 1691 годъ. Онъ былъ, равно какъ и отецъ, отчаяннымъ роялистомъ и раненъ въ сраженіи при Килликрейкѣ, какъ сторонникъ Якова II; Дневникъ, III, 282.

сандра Гордона и впоследствии переселилась съ нимъ въ Шотландію (II, 168, 171) ¹⁾.

Вторая дочь Патрика Гордона, Мэри, вышла за полковника Крофурда въ 1690 году (II, 320), но уже въ 1691 году мужъ ея скончался. Послѣ смерти мужа она родила сына, который умеръ въ 1692 году (II, 372), а 9-го іюля 1691 года вступила во второй бракъ съ полковникомъ Стевансомъ и жила съ нимъ въ Архангельскѣ. Два сына ея отъ второго брака умерли также въ раннемъ возрастѣ (II, 372; III, 204), а второй мужъ скончался въ 1698 году (III, 171).

Младшій сынъ Гордона, Теодоръ, какъ мы уже знаемъ, воспитывался въ Браунсбергѣ (II, 379, 393, 408, 409, 429; III, 317—318) и затѣмъ, возвратившись въ Россію, вступилъ также въ военную службу ²⁾.

Всѣ эти дѣти, а также и вторая супруга Гордона, пережили его. О томъ, какъ отцовское имѣніе въ Россіи, то-есть, деревни его, было распределено между ними, сохранились кое-какіе документы, сообщаемые г. Поссельтомъ въ приложеніи къ третьему тому изданія дневника ³⁾.

Общественное и экономическое положеніе Гордона.

Тридцать-восемь лѣтъ Гордонъ прожилъ въ Россіи. Полюбилъ ли онъ ее, свялся ли съ Русскими? На эти вопросы не легко дать отвѣтъ. То обстоятельство, что Гордонъ почти все время своего пребыванія въ Россіи мечталъ о томъ, какъ бы покинуть эту страну и возвратиться въ отечество, доказываетъ, что Россія оставалась для него нѣкоторымъ образомъ чужбиною. Съ другой стороны, его отношенія къ Русскимъ, въ высшимъ кругамъ русскаго общества, заставляютъ насъ думать, что процессъ акклиматизаціи Гордона въ Россіи былъ не безуспѣшенъ.

Ненависть къ иностранцамъ была сильна въ Россіи. Мы видѣли, что патріархъ во время Крымскихъ походовъ приписывалъ неудачу

¹⁾ Въ сочиненіи Алекс. Гордона о Петрѣ (нѣм. изд., стр. 8), сказано, что у него было нѣсколько дѣтей, но всѣ умерли въ раннемъ возрастѣ.

²⁾ О Теодорѣ Гордонѣ, какъ о полковникѣ, есть относящіяся къ 1717 году извѣстія въ Московскомъ гл. архивѣ мин. иностр. дѣлъ. См. соч. *Фежера*, *Chronik der evangelischen Gemeinden in Moskau*. Moskau, 1876, т. I, стр. 458.

³⁾ III, 394 — 395. Наслѣдники Гордона не долго оставались владѣльцами этихъ деревень.

послѣднихъ участію въ этомъ дѣлѣ еретика Гордона. Въ концѣ своей жизни Гордонъ могъ убѣдиться въ силѣ ненависти къ иностранцамъ: въ программѣ стрѣлецкаго бунта стояло, между прочимъ, истребленіе иностранцевъ и уничтоженіе Нѣмецкой слободы. Соотвѣтственно тому и Гордонъ самъ до конца оставался Шотландцемъ, вѣрнымъ католической религіи, и нисколько не обрусѣлъ подобно Виніусу и другимъ.

Въ дневникѣ Гордона вопросъ о національностяхъ не затрогивается почти вовсе. Тамъ вообще очень рѣдко высказываются отзывы и субъективные взгляды автора; но однажды, въ эпоху своего пребыванія въ Польшѣ въ молодости, онъ замѣчаетъ, что нельзя удивляться національному отвращенію Поляковъ отъ иностранцевъ: „какъ можно ожидать“, спрашиваетъ онъ, — „чтобы свои и чужіе при равныхъ заслугахъ пользовались равнымъ уваженіемъ?“ (I, 170). Когда сынъ Гордона, Джемсъ, намѣревался вступить въ польскую службу, отецъ не совѣтовалъ ему дѣлать это, потому именно, что Поляки презираютъ иностранцевъ (III, 255). Отзывы о Русскихъ мы почти вовсе не встрѣчаемъ въ дневникѣ. Только во время путешествія въ Москву въ 1661 году, вступая въ первый разъ въ Россію, онъ сравниваетъ Русскихъ съ Поляками и отдаетъ преимущество послѣднимъ (I, 285). Въ письмѣ къ Герри Гордону въ 1691 году онъ повторяетъ свое сужденіе о Русскихъ, высказанное за тридцать лѣтъ предъ тѣмъ, и замѣчаетъ, что Русскіе менѣе образованы и обходительны, чѣмъ другіе народы (III, 281). Недобросовѣстность и про-
дажность дьяковъ и подьячихъ, какъ мы видѣли, тотчасъ же послѣ пріѣзда въ Россію заставили его желать поквитуть эту страну по возможности скорѣе: слѣдуемыхъ денегъ ему не выдавали безъ взятки (I, 290); его поражали обманы, или лучше сказать, грабежи (I, 295), прошенія съ ложными показаніями (I, 297), разныя продѣлки въ приказахъ, въ которыхъ чиновники мѣняли бумаги и пр. (I, 415), и произвольные поступки алчныхъ писцовъ. Когда ему назначили 30 р. въ мѣсяць жалованья, „злой дьякъ“ въ бумагѣ написалъ не 30, а 25 рублей (I, 359). При составленіи списка лошадямъ, купленнымъ для Азовскаго похода, подьячій въ бумагѣ показалъ 41 лошадь болѣе чѣмъ было (II, 533). Мы знаемъ однако, что Гордонъ легко привыкъ ко всему этому. Онъ угощалъ русскихъ чиновниковъ, подаривалъ ихъ, а иногда и прямо прибѣгалъ къ подкупу и къ канцелярскимъ продѣлкамъ (I, 305, 308, 414; II, 298).

Къ попойкамъ и пирушкамъ Русскихъ Гордонъ привыкъ очень скоро, хотя его здоровье страдало отъ такихъ удовольствій. Довольно

часто на слѣдующій день послѣ пирушки въ дневникѣ замѣчено: „болень отъ похмѣлья“. Какъ кажется, онъ любилъ и охотиться съ Русскими, и объ этомъ не разъ говорится въ дневникѣ (II, 380, 422, 434).

Чѣмъ дольше Гордонъ жилъ въ Россіи, тѣмъ разнообразнѣе становились его сношенія съ русскими сановниками. Чаще всего эти сношенія имѣли officialный характеръ, напримѣръ, состояли въ перепискѣ по дѣламъ посольскаго приказа (I, 623) или по военнымъ (II, 458). Безъ сомнѣнія, Гордонъ во многихъ случаяхъ писалъ письма по русски. Съ Матвѣевымъ, а также съ гетманомъ Мазепою онъ переписывался по латини (III, 312, 344, 276, 289). Къ князю Василю Васильевичу Голицыну отношенія Гордона были officialны только отчасти; скорѣе въ нихъ преобладала интимность. Весьма часто Гордонъ обѣдалъ у него (напримѣръ, I, 414, 421; II, 3, 3, 13); однажды подарилъ Голицыну великолѣпное сѣдло съ драгоценными камнями (II, 39); иногда бесѣдовалъ съ нимъ о политическихъ событіяхъ въ западной Европѣ (II, 159, 171, 226). Особенно въ Малороссіи, гдѣ было сравнительно меньше иноземцевъ, чѣмъ въ Москвѣ, Гордонъ очень часто принималъ у себя Русскихъ (напримѣръ, I, 418, 458, 464), особенно малороссійскихъ офицеровъ (II, 15), и даже духовныхъ лицъ изъ Печерскаго монастыря (II, 21). Духовенство въ Кіевѣ, можетъ быть, отличалось большею терпимостью, чѣмъ московское. Иногда архимандритъ Печерскій, въ бытность Гордона въ Кіевѣ, приглашалъ его къ себѣ, совѣтовался съ нимъ о постройкахъ и проч. (II, 28, 29). Однажды Гордонъ угощалъ у себя дѣтей знатныхъ казаковъ съ ихъ учителями (II, 41). Во время переездовъ своихъ по Россіи Гордонъ всюду былъ принимаемъ съ почетомъ и пользовался вниманіемъ начальствующихъ лицъ; такъ, проездомъ въ Англію въ 1666 году, онъ во Псковѣ обѣдалъ у воеводы Шеина, въ Кіевѣ постоянно бывалъ у воеводы Кіевскаго, въ Батуринѣ у гетмана и пр. Мазепа часто посылалъ ему разные подарки, дичи и т. п. (II, 289, 503). По воцареніи Петра, Гордонъ постоянно былъ въ короткихъ сношеніяхъ съ Борисомъ Александровичемъ Голицынымъ (II, 207, 223, 289, 310), съ Нарышкинымъ (II, 292, 307, 312), со Стрѣшневымъ (II, 302), съ Матвѣевымъ (II, 290, 292), съ Леонтьевымъ (II, 314, 412), съ Зотовымъ, съ Шереметевымъ, Апраксинымъ и пр. Когда Гордонъ сталъ пользоваться особеннымъ вниманіемъ Петра, Русскіе съ своей стороны начали посѣщать его (II, 301, 315). Къ русскому языку, какъ кажется, Гордонъ привыкъ,

совершенно; въ дневникѣ его нерѣдко встрѣчаются русскія слова, напримѣръ, *drotikes* (дротики, II, 525), *tesma* (тесма, II, 491), *powosella* (новоселье, II, 506) *weszerinka* и пр.

Гораздо болѣе интимными, чѣмъ къ Русскимъ, были отношенія Гордона къ иноземцамъ. Всюду онъ имѣлъ знакомыхъ; путешествуя за границей или по Россіи, онъ во всѣхъ болѣе замѣчательныхъ городахъ находилъ друзей, знакомыхъ или родственниковъ. Изъ дневника его видно, какъ сильна была въ то время англійская и шотландская эмиграція. Уже во время пребыванія своего въ Польшѣ Гордонъ всюду встрѣчалъ соотечественниковъ. Путешествіе въ Россію въ 1661 году онъ совершилъ въ большой компаніи Шотландцевъ съ ихъ женами, а въ Кокенгузенѣ встрѣтилъ Нѣмцевъ, которые звали его на крестины. Въ Нѣмецкой слободѣ онъ очень скоро приобрѣлъ весьма обширный кругъ знакомства. Черезъ женитбу онъ вступилъ въ родственныя связи съ разными семействами; родственники Гордона, Бокгованы, Крофурды, Ронэры и пр. были почти всѣ офицерами русской службы, а затѣмъ изъ Шотландіи пріѣзжали еще другіе его родственники, также вступившіе въ русскую службу. Всѣхъ этихъ людей связывалъ общій интересъ, одинаковое матеріальное положеніе, одни и тѣ же наклонности, надежды и желанія. Не только иноземцы-офицеры, но и ихъ семейства состояли въ самой тѣсной связи между собою. Кромѣ военныхъ, иностранные врачи, находившіеся въ то время въ Москвѣ, также были въ весьма дружескихъ сношеніяхъ съ Гордономъ. Такъ напримѣръ, онъ былъ хорошо знакомъ съ известнымъ докторомъ Коллинсомъ, авторомъ сочиненія о Россіи, съ докторомъ Уильсономъ, находившемся въ Россіи впрочемъ только два года ¹⁾, и пр. Нѣкто докторъ Бекъ обязанъ былъ покровительству Гордона полученіемъ мѣста въ Москвѣ ²⁾. Въ самой тѣсной дружбѣ былъ Гордонъ съ докторомъ Карбонари, который послѣ внезапной смерти доктора фонъ-дерь-Гульста сдѣлался царскимъ врачомъ.

Мы уже видѣли выше, что Гордонъ, когда онъ въ первый разъ отправился изъ Россіи въ Англію, былъ, такъ сказать, представителемъ интересовъ англійскихъ купцовъ. Не даромъ поэтому негоціанты въ Москвѣ и въ Англіи ухаживали за нимъ. Хорошими знакомыми Гордона были купцы Меверель въ Лондонѣ, Форбесъ въ Ригѣ, Фрезеръ въ Данцигѣ и пр. Съ купцомъ Брейаномъ (Bryan), игравшимъ

¹⁾ См. *Richter*, *Gesch. d. Medicin in Russland*, II, 282—284.

²⁾ Тамъ же, II, 398 и 399.

въ шестидесятыхъ годахъ роль англійскаго консула въ Москвѣ, Гордонъ былъ въ весьма близкихъ сношеніяхъ, такъ что, напримѣръ, жена Брейана хлопотала объ ускореніи свадьбы Гордона и т. п. Иногда англійскіе купцы въ Москвѣ давали Гордону обѣды (II, 395), иногда же онъ принималъ ихъ у себя (II, 167 и 307). Какъ выше было сказано, они чрезъ Гордона передавали Петру разные подарки. О томъ, какъ Гордонъ съ англійскими шкиперами веселился въ Архангельскѣ, мы также говорили (II, 459—477).

Изъ числа европейскихъ дипломатовъ, посѣщавшихъ Москву въ то время, какъ тамъ жилъ Гордонъ, онъ, безъ сомнѣнія, лично познакомился съ графомъ Карлейлемъ, но въ дневникѣ говорится лишь о перепискѣ его съ этимъ англійскимъ посланникомъ. Во время посольства Карлейля Гордонъ еще не былъ столь важнымъ лицомъ какъ впоследствии. За то Карлейль посѣтилъ Гордона въ Англию въ 1666 году. О дружескихъ сношеніяхъ съ Гебдономъ мы уже говорили, разсказывая о поѣздкѣ Гордона въ Англию въ 1666 году. Впоследствии Гебдонъ пріѣхалъ въ Москву въ качествѣ дипломатическаго агента и тутъ однажды по случаю спора между Англичанами и Датчанами обратился къ Гордону съ просьбою требовать удовлетворенія отъ датскаго резидента (II, 417). Весьма часто видался также Гордонъ съ голландскимъ резидентомъ барономъ Келлеромъ, съ которымъ иногда обѣдывалъ у польскаго резидента; покровительства барона Келлера Гордонъ, какъ мы видѣли, искалъ въ критическое время своего разжалованія въ прапорщики (II, 164). Но еще гораздо ближе знакомъ онъ былъ съ польскими и австрійскими дипломатами. Съ ними Гордона соединялъ общій интересъ—католицизмъ. Уже забота о католической церкви въ Москвѣ подавала поводъ къ частымъ свиданіямъ Гордона съ этими лицами. Чаще всего польскій резидентъ посѣщалъ Гордона, сообщалъ ему разныя новости, совѣтовался съ нимъ о дѣлахъ, былъ крестнымъ отцомъ Гордонова внука и сына, приходилъ иногда безъ приглашенія и особливо интересовался успѣхами католицизма въ Россіи. При польскомъ посольствѣ всегда были католическіе священники. Тамъ Гордонъ присутствовалъ иногда при богослуженіи и пр. Съ императорскимъ посломъ Игнатіемъ Курцомъ Гордонъ также находился въ довольно близкихъ сношеніяхъ; пасынокъ Курца, Плейеръ, игравшій довольно важную роль въ качествѣ дипломатическаго агента Австріи, также часто бывалъ у Гордона. Изъ многихъ писемъ Гордона къ Курцу видно, что сношенія ихъ были почти дружескія. Когда пріѣхалъ въ Москву Гваріентъ, то и онъ бывалъ

часто у Гордона, и Гордонъ у него. Местому о Гордонѣ часто упоминается въ дневникѣ Кюбца, сопровождающаго Царевича. Наказаны и датскимъ посланцемъ Вулгономъ близъ Кронштадта близкомъ Гордона. Они видѣлись часто и посѣдали другъ друга безъ перерыва съ женами и съ дѣтми.

Именно тѣмъ же солдатамъ и дружокъ иностранцевъ отъ русскаго общества, что почти во всѣхъ увеселеніяхъ иностранцевъ участвовали дажны Семейные праздники чрезвычайно много упоминаются въ дневникѣ Гордона (II, 279). Въ Кіевѣ въиполовинки обѣдали Гордона съ нѣк. лонами (II, 211). Устраивались у него иногда и музыкальныя вечера (II, 298, 331). Гоноры о большахъ обѣдахъ, которые онъ давалъ для семействениковъ и прочихъ иностранцевъ, онъ иногда записываетъ: „Всѣ были веселы, но оставались въ неясности предѣлахъ“ (II, 342). Дни рожденія дѣтей Гордона обыкновенно праздновались болѣе или менѣе торжественно обѣдами, баллами и пр. Житомъ предпринималось правннѣ поядки въ большой компании. Во время пребывания Гордона въ Кіевѣ упоминается о такихъ увеселеніяхъ на какомъ-то острову близъ Дибрнѣ. Этому острову Гордонъ по слухамъ такого именика далъ имя „Якобина“ отъ имени Авдѣйскаго короля Якова IV (II, 82). О такихъ же увеселеніяхъ, напримѣръ, о прогулкѣ въ Марциной, продолжившій въ Семеновскомъ саду, упоминается и во время пребывания Гордона въ его семействѣ въ Москвѣ.

Самыми близкими друзьями Гордона были скѣдующія лица: итальянскій князь Гуаскани, генераль Менезесъ, съ которымъ Гордонъ воспитывался въ Браунсвергѣ, богатый капиталистъ Маршалсъ, зажиточный купецъ Шеннелъ и пр.

Каждый разъ и когда Гордонъ уѣзжалъ изъ Москвы, онъ считалъ долгомъ побывать съ визитомъ у всѣхъ знакомыхъ. Самъ онъ постоянно принималъ посѣщенія, и оныхъ обыкновенно и описывалъ въ дневникѣ. Такая обходительность требовала большихъ пожертвованій временемъ и утомляла хозяина. Въсемъ часто дѣлалъ деньги употреблялся на визиты, и на гулянья, крестныя, свадьбы, обѣды, ужинами и пр. О всѣхъ таковыхъ торжествахъ Гордонъ дѣлаетъ записки въ своемъ дневникѣ. Ни одно изъ этихъ перевертнй промадр. Тамъ напримѣръ, упоминается болѣе чѣмъ о ста свадьбахъ, въ исторіяхъ Гордонъ присут-

*) Въ противоболности ужасной Фригъ, въ которой развѣивается Кюбъ, Diarium, стр. 70. То была подмачка.

створалъ. Празднества при этомъ обыкновенно продолжались два дня.

То обстоятельство, что Бардана, лишенный возможности жить въ своемъ отечествѣ, постоянно былъ окруженъ соотечественниками и вообще представителями западной Европы, доставляло ему много пользы и вообщемъ принималъ жизнь всюду дружелюбно; знавалъ, единообразно, она всюду была какъ дома и легче могъ сохранять свою національность и исповѣдуемую имъ религію. Англичане и Шотландцы, находившіеся тогда въ разныхъ концахъ Европы, были въ постоянной связи между собой, перепишались другъ съ другомъ, давали другъ другу рекомендаціонныя письма и такимъ образомъ взаимно облегчали путешествія, и сношенія всякаго рода въ то время, когда вообще средства сообщенія были еще мало развиты. Такъ напримеръ, отправляясь въ Англію въ 1666 году, Гордонъ во Исковѣ остановился у одного знакомаго, завтрачалъ у другаго, обѣдалъ у третьяго; въ Нейгаузенѣ онъ познакомился съ тамошнимъ пасторомъ и обѣдалъ у него; въ Ригѣ жилъ у какого-то толмача, принималъ визиты разныхъ Нѣмцевъ и Англичанъ, обѣдалъ у стараго знакомаго генералъ-лейтенанта Фарзна и пр.; въ Гамбургѣ имѣлъ рекомендаціонное письмо къ какому-то Англичанину, и вслѣдствіе того, могъ воспользоваться его услугами; въ Голландіи видѣлся съ одною дамою, которую зналъ въ молодости, и дочь которой была начальницею монастыря въ Гентѣ, и т. д.

Въ этомъ отношеніи поразителенъ контрастъ между представителями западной цивилизаціи и русскими путешественниками. У русскихъ дипломатовъ нигдѣ не было за границей ни знакомыхъ, ни корреспондентовъ. Вездѣ являются они во время путешествія по Европѣ въ какомъ-то жалкомъ уединеніи, между тѣмъ какъ Гордонъ постоянно былъ въ связи со всеми странами. Довольно интересны на этотъ счетъ нѣкоторые случаи инструкцій, составленныхъ Гордономъ для знакомыхъ, отправлявшихся изъ Россіи на западъ. Они даютъ безчисленное число порученій къ разнымъ лицамъ въ разныхъ городахъ; онъ имѣетъ разные счета съ разными купцами, посылаетъ деньги или вѣселя; выписываетъ разные вещи, которыя можно купить лишь въ томъ или другомъ городѣ. Уже то обстоятельство, что синодъ Гордона воспитывался за границею, заставляло его сохранять связи со многими лицами, тамъ находящимися.

Передъиска Гордона, вслѣдствіе всего этого имѣла огромныя размѣры. И въ этомъ отношеніи, какъ во многихъ другихъ, Гордонъ обнаруживалъ большую усидчивость въ трудѣ. Самый дневникъ его

включеніи въ себѣ числа страницъ, доказываетъ, что онъ любилъ писать много, писать быстро и дѣльно.

Во время пребыванія въ Польшѣ Гордонъ велъ еще небольшую переписку. За то въ Россіи корреспонденція его разрослась чрезвычайно; напримеръ, однажды въ 1666 г. Гордонъ въ одинъ день написалъ до 47 писемъ (II, 406); въ другой разъ, въ 1684 году, — 14 писемъ, въ третій, тогда же, — 16 писемъ (II, 17, 37, 54). Въ 1687 году ему случилось однажды въ одинъ день написать не менѣе 25 писемъ (II, 167). Такъ бывало даже и въ походахъ III, 101). Количество получаемыхъ Гордономъ писемъ соотнобствовало числу писанныхъ имъ. Даже во время походовъ съ Петромъ на Иераславское озеро Гордонъ постоянно занятъ былъ своею корреспонденціею. Самымъ точнымъ и отчетливымъ образомъ умѣлъ онъ страновать дѣло такъ, что во время какого-либо путешествія никогда не оставался безъ извѣстій и на главныхъ станціяхъ получать и отправлять множество писемъ. Такъ напримеръ, было во время путешествія въ Архангельскъ въ 1694 году (II, 453) и Азовскаго похода въ 1695 году (II, 562). Въ одной писемъ къ сыну Джемсу онъ совѣтуетъ ему наблюдать за тѣмъ, сколько времени письмо бываетъ въ дорогѣ. Онъ самъ зналъ совершенно точно, что письмо изъ Москвы въ Гамбургъ бывало въ дорогѣ четыре недѣли, а письмо въ Гамбургъ — три недѣли и пр. (II, 254).

Ведя огромную корреспонденцію, Гордонъ сверхъ того весьма часто нимаеъ копии съ тѣхъ писемъ, которыя отправлялъ. Благодаря этому обстоятельству, издатель Дневника былъ въ состояніи напечатать въ приложеніи къ третьему тому 112 писемъ Гордона къ разнымъ лицамъ. Изъ писемъ къ купцамъ Меверелю, Фрезеру и Форбесу видно, что иногда даже въ дѣловыя письма съ порученіями о деньгахъ и о товарахъ вносились замѣтки о семейныхъ, политическихъ и другихъ дѣлахъ. Въ письмахъ къ сыновьямъ, разумѣется, говорится главнымъ образомъ о семейныхъ дѣлахъ. Въ письмахъ къ патеру Шмидту подробно сообщается о состояніи католицизма въ Россіи и пр.

Писма носились по почтѣ, но чаще черезъ путешественниковъ, когда же еѣ нарочными. Настоящая почта учреждена въ Россіи спорѣ послѣ пріѣзда Гордона. Въѣздившіе почтой Юганъ фонъ-Педель, Марселль и Винусъ были хорошими его знакомыми, и два изъ многихъ его современники пользовались русскою почтою, въ первое время ея существованія, въ такой мѣрѣ, какъ Гордонъ. Самы русскіе совсѣмъ иначе смотрѣли на это учрежденіе, какъ видно то,

напрямѣрь, изъ письма Песочкова къ Головкину, въ которомъ онъ предлагалъ „загородить ту дѣру надрѣзко и отгородить ее, дабы вѣсти не развозились“. Песочкову казался обиднымъ это „что въ нашемъ государствѣ ни адѣляется, то во всѣхъ замки равностоя!“¹⁾ Гордонъ, напротивъ того, не только изъ писемъ, но и изъ газетъ, получаемыхъ имъ, узнавалъ подробно, о современныхъ событияхъ во всемъ мѣрѣ и былъ въ состояніи сообщать Русскому правительству всевозможныя свѣдѣнія о восточномъ вопросѣ, объ англійской революціи, о войнахъ между Англіей, Франціей и Голландіей и др. Вообще для него почта была самымъ необходимымъ учрежденіемъ, и почтовые расходы составляли немалую сумму въ его бюджетѣ: по слуху поѣздки въ Англію въ 1666 году имъ было потрачено не менѣе 74 рублей на корреспонденцію (I, 631), а такъ какъ въ то время четверть ржи стоила 50 копѣекъ, то этотъ почтовый его расходъ въ настоящее время, если принять въ соображеніе разницу въ цѣнѣ хлѣба, равнялся бы суммѣ около 1000 рублей.

Цѣль Гордона было сдѣлать карьеру, нажить себѣ состояніе; онъ и достигъ этой цѣли, сталъ въ Россіи зажиточнымъ человекомъ. Когда онъ удалился изъ Браунсберга, онъ имѣлъ мѣсяца съ двумя и бѣльемъ и 7½ талеровъ (III, 401). Въ Польшѣ онъ умѣлъ наживать себѣ деньги отчасти прямо грабежомъ, отчасти контрабандою. Въ Россію онъ пріѣхалъ, уже имѣя 600 червонцевъ, съ четырьмя слугами. Когда онъ былъ произведенъ въ полковника, ему назначили окладъ въ 30 рублей въ мѣсяцъ. „Злой“ дьякъ вмѣсто 30 написалъ 25 (I, 359); жалованье въ 300 рублей въ годъ можно считаться довольно значительнымъ по тогдашнему времени, такъ какъ равнялось 600 четвертей хлѣба, что нынѣ составляло бы до 4000 рублей. Еще до путешествія въ Англію онъ былъ уже довольно обеспеченъ, такъ какъ могъ ухватить изъ своего кармана значительную часть путевыхъ расходовъ. Эти расходы доказываютъ, что Гордонъ путешествовалъ зажиточнымъ человекомъ, нанималъ экипажи; дарилъ своихъ знакомыхъ, покупалъ предметы роскоши, а по возвращеніи изъ Англіи подарилъ своему тестю лошадей, съ сбруею для верховой ѣзды.

Положеніе Гордона, какъ и прочихъ иностранцевъ въ Россіи, было затруднено тѣмъ, что окладъ выдѣлялся весьма неправильно, съ замедленіемъ. Напрасно ему въ Ригѣ въ 1661 году разказывали о точной выдачѣ срочнаго жалованья въ Россіи; тотчасъ же и

¹⁾ Сочиненія Песочкова, ред. Никодимича, I, 276 вѣдѣн.

приваде отъ него съ службой Гербоварю въ провинцию. Весьма часто
 нужно было просить о возвращеніи развѣдывателя, чтобы онъ по
 давалъ добрыя свѣдѣнія, чтобы получить слѣдующіе доклады (II, 417, 456).
 Иногда на дачахъ просьбы отъ разныхъ однихъ общинами; иногда време
 не было отъ себя. Однажды, когда Гордонъ просилъ о выдачѣ ему въ
 счетъ жалованья 100 рублей, правительство назначило суммѣ
 мира не столько, сколько того потребовала, нужно была изъяснить не-
 сколько дѣлъ изъ за этой суммой (II, 231). Часто Гордонъ просилъ
 сколько дней сразу доложить, былъ отправляться „въ городъ“ за
 дѣлами, и возвращаясь, забывать эти дѣлашки, что есть „дале
 надежды получить большіе вклады.“ (II, 292). Хотя въ 1698 году
 было рѣшено, что отнынѣ оклады должны вылаживаться правдиво
 ежемѣсячно (II, 429), неслабѣе этого нарушалось. Кирья развѣдыва-
 вать, такъ однажды докторъ Карбонари, за испоконъ нутя сказалъ
 Петру дню, суммируется дѣлашки (или предѣты жбу, такъ какъ
 они уже давно не получали отъ дѣлашки о суммѣ дѣла). (II, 429)

Другое затрудненіе представлялось въ томъ, что изъяснить
 являлось не верою дачивать, а изъяснительно доловъ — соблази. Гер-
 донъ вслѣдствіи того долженъ былъ хлопотать о продажѣ этого то-
 вара. Отъ него въ своихъ распоряженіяхъ въ Москвѣ — сумма Мюн-
 тернъ въ Холмѣнскѣ Роберта Гордона и пр., имъ велѣ съ эти по-
 стоянныя счеты. Иногда, продажа соборей была сопряжена съ убыт-
 ками, иногда Гордонъ былъ недоволенъ несправнымъ образомъ дѣй-
 ствій купцовъ. Изъ свѣдѣній, что однажды, что изъяснитель обѣ-
 щаніе казенн обмѣнить соборей на деньги; видя, что обыкновенно
 было выгодно, получать вкладъ деньгами, убить соборями. И между
 частыми людьми соборей считались убивать въ родѣ денегъ. Обшир-
 лаясь за границу, Гордонъ являлся съ соборей въ которые количество
 соборей; однажды, когда ему нужно было заплатить долгъ въ Дан-
 цигъ, онъ отправилъ туда соборей вмѣсто денегъ (II, 225). Въ письмѣ
 къ Герри Гордону, желавшему вступить въ русскую службу, сказано
 (въ 1691 году), что лишь одна треть жалованья выдана въ день-
 ганн, остальное натурою, что сопряжено съ убытками (II, 231; II,
 405, 409, 410; III, 249, 288). Вѣ томъ же письмѣ Гордонъ пишетъ:

Привадемъ дома Гордонъ: даже и до возвращенія Петра, какъ на-
 жется, былъ поставленъ хорошо, хотя иногда и жаловался въ сво-
 ихъ прощаніяхъ на бѣдность. Послѣ 1691 года возросли не только

1) Письма являлись, что было вѣроятно, что Гордонъ отправилъ туда соборей вмѣсто денегъ

доходы, но и расходы его. Придворная жизнь обходилась ему дорого. Вкратце, они надвигались; что, благодаря известию Петра, его экономическое положение поправится, и надежда его сбылась: ему прибавили жалованья, да сверх того, еще получали разные подарки — серебра, камни, бархату, вина. В последние годы жизни его оклад составлял 952 рублин ⁴⁾.

Значительнейшею наградою, которую дал Гордону русское правительство, были деревни. Изъ помещичьихъ ему въ 1797 г. деревень было получено значительное количество съестныхъ припасовъ и даже, хотя небольшие суммы; оброчныхъ денег. Ему соизволено прикупить еще равнина земли, находившейся въ собственности его деревень, что, по видимому, и было имъ исполнено. Кроме того, Гордонъ былъ, кажется, весьма важнымъ землематриаломъ въ Шотландіи. Управление этии имѣніями заставляло его два раза водить въ Шотландію (въ 1770 и 1786 гг.). Въ описаніяхъ его въ книгу Джону встрѣчаются много данныхъ о томъ, какъ должно управлять этии имѣніемъ, о садоводствѣ, о контрактахъ съ фермерами, о способствѣе-товодства и отчетности. Достаточно обезпеченный въ Россіи, Гордонъ не бралъ себѣ доходовъ съ шотландскихъ имѣній, но считалъ себя въ правѣ во всѣхъ отношеніяхъ контролировать сына, которому ввѣрилъ управление ими. Доходы эти составляли около 4000 талеровъ, которые, по желанію Гордона, должны были обращаться въ капиталъ, то-есть, отдаваться на проценты.

Изъ дневника Гордона видно, что иностранцы, жившіе въ Россіи, постоянно вели между собою денежныя дѣла, иногда довѣрили другъ другу довольно значительныя суммы и занимались разными кредитными операціями. Очень часто говоритъ Гордонъ о венселяхъ, о переводѣ денегъ, о займахъ, о торговыхъ дѣлкахъ. Многие знакомые его находились съ ними въ такихъ дѣловыхъ отношеніяхъ, но между Русскими и иностранцами подобныя дѣла, по видимому, не было.

Все это свидѣтельствуетъ о зажиточности Гордона, чѣмъ не мѣше, имъ не въ состояніи опредѣлить развѣры Гордонова богатства. Есть основаніе думать, что нѣкоторые иностранцы, жившіе въ Россіи, были гораздо богаче его. Такъ, напримеръ, когда генералъ Ме-

⁴⁾ III, 90, 226; это подтверждается и показаніемъ Корса, *Vladimir*, 218. Въ 1699 году пасторъ лютеранскаго прихода въ Москвѣ имѣлъ не болѣе 60 рублевъ жалованья. См. *Fechner, Chronik der Evang. Gemeinden in Moskau*, I, 402.

веселье завлекла на вдовой «промышленнице» Марселетте; она получила съ немъ въ приданое 5000 рублией; достигши же 3000 рублией, въ серебряныхъ и прочихъ цѣнныхъ предметахъ (Lefort). Вообще же Гордонъ не рѣлъ въ своихъ вѣселяхъ никуда-то ѣздить. Воспитанникъ не любя гадать богатства, съ вѣстью и неогоню вѣнчанъ съ вѣнчанъ своего сына за племянницу богатого купца, Ковалева въ Гамбургѣ (III, 336—337). Во всякомъ случаѣ самъ Гордонъ жилъ гораздо скромнѣе, чѣмъ Лефорте, который въ своихъ погребѣ имѣлъ вина на нѣсколько тысячъ рублией и расходовалъ въ 12 летъ 16,000 талеровъ въ годъ¹⁾.

Домашній бытъ Гордона также свидѣтельствовалъ о его вѣнчаности. Многіе предметы роскоши, какъ напримѣръ, виноградное вино, галетухи, чулки, кружева, тарелки, оружіе, серебряную посуду и т. п., онъ вывозилъ изъ за границы Пляности, сласти и пр., укомандуны въ своихъ предметахъ, вѣнчанъ и въ Азовскій походъ; также были предметами роскоши, все это стоило тогда дорого. Постоянно покупалъ онъ или продавалъ лошадей, а иногда и экипажи. У Гордона были многочисленная прислуга. Когда однажды жена Гордона должна была ѣхать въ Кіевъ въ Мясну, онъ отправилъ за нею четырехъ чужаковъ: Мирду, слугами Гордона встречавшихъ Англичане, Русские, Волошанины, Турокъ; прѣдъ которыми служили вѣнчанъ со своимъ семействомъ. Содержаніе этихъ слугъ обходилось дешево. За то гораздо большій расходъ обставляли подарки и награды, которыми ему приходилось выдавать весьма часто.

Роялизмъ, католицизмъ и зракваніе Гордона. — Личный его

характеръ.

Нельзя сказать, чтобы Гордонъ сдѣлался въ Россіи вполне государственнымъ человѣкомъ. Его дѣятельность ограничивалась одною военною дѣлнвою. Только въ видѣ исключенія онъ однажды, въ 1684 году, долженъ былъ написать общеполитическій мемюаръ о восточномъ вопросѣ. Въ Кіевѣ онъ, безъ сомнѣнія, занимался отчасти и гражданскими административными дѣлами; но обыкновенно служба его ограничивалась только сферою военныхъ дѣлъ. Нельзя даже сказать, чтобы онъ съ особеннымъ вниманіемъ слѣдилъ за ходомъ политическихъ событий въ Россіи. Только въ 1689 году по случаю борьбы

¹⁾ Posselt, Lefort, II, 79.

придворныхъ партій, онъ не могъ не интересоваться этими явленіями. Вообще же онъ былъ равнодушенъ къ русской политикѣ, въ сравненіи съ наирасковнѣею анимациею, съ которою слѣдилъ за политическими событіями въ Англіи. Взастановясь съ роднымъ, постоиано живя на границѣ, онъ оставался малымъ Шотландцемъ, кирпирскдець Отборговъ, въ слороникомъ яталннрнша.

Мы видѣли уже, какъ революція сдѣйствовала его (гиденію помннуть отечество, а реставрація Карла II привлекла его желать возвращенія въ отечество. Затѣмъ она три раза бѣжала въ Англію и лично познакомился съ королями Карломъ II и Яковомъ II. Во время его пребыванія въ Англіи въ 1686 году ясновидір короля у насъ казалосъ ему чрезвычайнао опаснымъ, онъ нахвалалъ, что король, буди охруженъ ненадежными людьми и осуждалъ чрезмѣрно: мещавѣрнѣ Якова (II, 260). Изъ доносей голландскаго резидента Келлера видно, что Гордонъ невадале до революціи 1688 года держалъ сторону въ Англіи, чтобы поддерживать партію короля Якова II, партію шпистовъ 1).

Въ 1686 году онъ имѣлъ подробна свидѣнія о полит. происходившемъ въ Англіи. Когда же вечеръ у Иліи Таборца заговорил о томъ, что Яковъ II принималъ отъ своихъ мѣры прнннвалъ съ евангелннхъ англиканскихъ епископовъ, Гордонъ, сказавъ, что находить образъ дѣйствій короля совершенно правильнымъ. (II, 232). Въ Россіи не любилъ Якова II: однажды ра обѣдомъ у Василія Васильевича Голицына князь замѣтилъ, что Россія какъ-то не ладитъ съ Англійскимъ королемъ, потому что онъ слишкомъ гордъ. Гордонъ далъ разговору такой оборотъ, что Яковъ только казался гордымъ, потому что не отправляетъ посланника въ Россію, и старался объяснять это обстоятельство чрезмѣрными заботами короля о внутреннихъ дѣлахъ. Когда затѣмъ Борнинъ замѣтилъ, что Англичане не могутъ прожить безъ русскихъ товаровъ, Гордонъ не хотѣлъ высказать откровенно своего мнѣнія, очевидно, не согласнаго съ мнѣніемъ Голицына (II, 236). Наканунѣ революціи Гордонъ въвоуъ съ соотечественными праздновалъ день рожденія Якова II. При этомъ былъ и голландскій резидентъ, Петерій, уходя домой въ концѣ вечера, замѣтилъ: „Очаштннвъ король, подданнне котораго и въ такомъ отдаленнн столѣ радуншо празднууть его память“ (II, 251). Нѣсколько дней спустя получено было извѣстіе, что голландскій флотъ отправился въ Англію, чтобы

1) См. сочиненіе *Posseyma, Lefort und seine Zeit*, I, 441.

присудили Якову «созвать либеральный парламент» и не нарушать прав англиканской церкви (II, 232). Гордонъ узнавал подробности этих «обещаний» через газеты, в частности в газете «Фрэнсис» (II, 233). Съ Шамбриномъ же съ другими республиканцами Гордонъ беседовалъ о намереніяхъ Гоммандевоу: «Все это крайне его тревожило, да и говъ про- ослъ купца Мисверана въ Лондонѣ сообщать ему подробности того ан- глийскаго процесса» (II, 237). Вскоре въ Москвѣ получены были де- кларация «граждана Франсиса», извѣщая до Гордона дошли пѣвучія о прибитіи саксоновъ Филиппа въ Аландъ съ войсками; полученны Гор- дономъ (II, 238). Нѣкому нѣмоду писала она желья переверсти на русскій языкъ и предельнаго представителю. Она замѣчаетъ, что эти пѣв- сца «ситуа» обрѣдологи русскій сапожникъ. Съ посвященіемъ его поведѣнныя резиденціе Гордонъ также беседовалъ «объ английскіяхъ дѣлахъ». Она замѣчаетъ что Гоммандевоу была въ востановленіи оъ Штиль желья: «За обрѣдоломъ у Гоммандевоу, гдѣ была и другіе вышнѣ» сапож- никамъ Гордонъ послучае бесѣды оъ Аннии замечала въ свои мнѣ- ніе съ нѣкоторымъ жаромъ» (II, 239 — 241). Очень опечалило его «архисекретное» извѣстіе о побѣдѣ Якова II во Франціи (II, 243).

Въ преддверіи 1690 года извѣстія объ Англіи въ дѣтскихъ весьма скудныхъ, «можно сказать,» что Гордонъ въ это время ревностно пере- нисывалъ съ «своими политическими друзьями въ Англіи» и съ боль- ницъ вниманіемъ слѣдилъ за ходомъ событій, въ особенности за не- удачною попыткой Якова II завладѣть вновь королю Великобританіи при помощи Людовика XIV. Его письма, относящіяся къ 1691 и слѣдующимъ годамъ, сохранились и даютъ нѣкую возможность су- дить о нѣмъ участію, съ которымъ Гордонъ слѣдилъ за печальною судьбою Стюартовъ. 28-го января 1690 года онъ писалъ къ графу Эбердину: «Я сильно встревоженъ безпорядками и распрями въ на- шемъ бедномъ отечествѣ». При этомъ онъ выражалъ желаніе возвра- титься въ Шотландію (III, 239). 27-го февраля 1690 года онъ про- силъ купца Мисверана указать ему въ кому должно обращаться при Английскомъ дворѣ, тогда какъ, пишетъ онъ; — мой другъ не участву- етъ болѣе въ государственномъ управленіи, и мой политическій убѣж- деніи едва ли содѣйствуютъ пріобрѣтенію новыхъ покровителей» (III, 240). Къ графу Мейнфорту, самому фидатическому стороннику Якова II, онъ писалъ въ май 1690 года о «начастій революціи» и своимъ желаніемъ достигнуть «или туда, куда веремъ ему укажетъ, вербовать офицеровъ на службу Якову II и возвратити, если можно, въ Делъ-

путь в Гамбургъ для получения отъ датскаго вѣнчанаго (III, 248).
Гордонъ крѣпко надѣялся на реализацію своего плана Огмартона. Въ письмѣ къ сыну Джозефу отъ 27-го июля 1690 года онъ писалъ: "Ты можешь оставаться въ Россіи до перемены обстоятельствъ въ Шведскіи, потому что, безъ сомнѣнія, англійское правительство не долго продержится" (III, 254). И въ письмѣ къ герцогу Рокфорту отъ 15-го ноября 1690 года выражается категорическое желаніе Гордона служить выгнанному королю, а также сожалѣніе, что въ Россіи не можно получить тоннажа и фирмы казённыхъ соболей (III, 260). Онъ совѣтуетъ Якову II хлопотать о томъ, чтобы Людовикъ XIV отправилъ посольство къ Петру. Въ письмѣ къ герцогу Медфорту выражается сожалѣніе о неудачной агитаціи въ пользу Якова въ Ирландіи, и также надежда, что принцъ Оранскій не уступитъ имъ престолъ (III, 261 и 262). Съ Медфортомъ, ирландскимъ разведывательнымъ агентомъ Якова II въ Ирлѣ, Гордонъ все время общался въ перепискѣ (II, 322).

Между тѣмъ какъ Гордонъ представлялъ къ себѣ на императорское отечественничество, съ которыми лишь изрѣдка Якова II, ненавидимый ему король Вильгельмъ старался вступить въ дипломатическія сношенія съ Россіей. Французъ этого времени не былъ способенъ, потому что царскій титулъ былъ въ ней надобнаго не имѣть, правильно; съ своей стороны, Гордонъ былъ очень радъ этому случаю (II, 328). Однако голландскій резидентъ убѣдилъ наконецъ русское правительство, принять грамоту и отвѣчать на нее (II, 331; 335). Все это не мѣшало Гордону питать надежду на сверженіе Вильгельма съ престола въ ближайшемъ будущемъ. Изъ тому же о томъ неслучайно убитою по случаю вѣнча камильте англійскими кораблей (II, 350, III, 292), на которыхъ, вѣроятно, находились все казенныя предмети или товары, принадлежавшія Гордону.

Послѣ англійской революціи явилось много желающихъ сколько брани въ пользу Якова. Гордонъ старался приобрести эти произведенія публицистики. Онъ писалъ объ этомъ предсѣдѣ въ Джозефу Гордону въ Роттердамъ (III, 272) и говорилъ въ письмѣ къ Якову Пендаку о двухъ таковыхъ же брошюрахъ (III, 311). Изъ письма къ герцогу Гордону отъ 22-го мая 1691 года видно, что какой степенію всё приверженцы Огмартона состояли въ связи между собою, и какъ сильно всё они надѣялись на помощъ Людовика XIV. Гордонъ ожидалъ, что Вильгельмъ III скоро надобно Англичанамъ, и что мало

пожалуйте английскому народу пробудется и до рабства и до неслышанного рабства" (III, 280). Иностранец Герритт Бердэнъ спросилъ сообщать ему: подробнѣе о жизни вольныхъ людей, которые господствуютъ въ Ирландіи, Шотландіи, которые, имѣя на ихъ лицахъ ирландіи и шотландіи. Изъ этого: «исамый видъ, что изъ сими Гордонъ Джозефъ, брата Гордонъ Джонъ Листона» (II, 269). Джозефъ Листонъ извѣдалъ извѣдаль абѣти вавсе даду не знающаго Гордонъ о съимъ гостинство и говорилъ о вѣщавиной, что его мнѣно, и судѣтъ Англии» (III, 288). Объ этомъ же предметѣ оны повѣдъ ридъ въ конствонихъ сѣдѣтъ въ насѣтъ въ графу Эбердану» (III, 308). Изъ писемъ Гордона въ герцогу Гордону отъ 12-го января 1692 не видно, что раздѣлы и подвергаясь равнѣю юности и въ оубрѣннѣкъ. Оны вѣщали себя какъ бы: мучениками страдающими за веру и правду» (III, 309); оны борлись, какъ видно изъ письма Гордона къ архіепископу Висконскому, съ разными сокрудами» (III, 359); но не терпѣли надежды на реставрацію Стюартовъ. Оны вѣщали о Гордонъ «во время сѣдѣтъ за войсками партирронлистоу», а такѣе за оостеніемъ оной сѣдѣтъ въ самѣ Англии, за прѣнами въ англійскія парламенты» пр. (III, 335, 359, 392, 396). О королѣ Вильгельмѣ оны говорилъ не иначе, какъ называлъ его принцемъ Оранскимъ; за нѣтъ Якова II и его супругу оны постоянно называлъ кородемъ и кородевою» (II, 377). Въ октябрь 1692 года оны пригласилъ къ себѣ «столько соотечественниковъ, сколько могъ собрать» и вѣщѣтъ въ нимъ малѣе здоровье короля Якова II. (II, 385). Въ Москвѣ, какъ оны вѣщѣтъ или почти всѣ, Англичане и Шотландцы были приверженцами Стюартовъ: иначе англійскіе купцы, желавшіе поднести Петру равнѣю подарки, не избрали бы Гордона въ 1694 году своимъ представителемъ для передачи этихъ предметовъ» (II, 427 и 487). Только однажды въ 1695 году Вильгельмъ въ дневникѣ Гордона названъ королемъ» (II, 524). За то въ Воронежѣ, когда по случаю праздника у Лефорта и ни въ здоровье короля Вильгельма, Гордонъ рѣшительно отказался участвовать въ этомъ тѣстѣ и ни въ здоровье короля Якова II (III, 22). И въ этомъ году, какъ и прежде, 14-го октября, оны праздновалъ день рожденія Якова II, пригласивъ къ себѣ соотечественниковъ» (III, 76).

Вообще на этотъ счетъ Гордонъ могъ казаться близорукимъ, ограниченнымъ политикомъ. Какъ всѣ эмигранты, оны не имѣлъ правильной мѣрки для справедливой оцѣнки событій въ Англии. При томъ его политическія убѣжденія состояли въ самой тѣсной связи

съ религіозными Гордонъ былъ не только ревностнымъ католикомъ; онъ былъ еще болѣе ревностнымъ католикомъ.

Въ началѣ служенія, еще пресокращеннаго, принявшаго въ Висбю, принявши православную вѣру. Такъ назывались, Эразерманъ и Турклеръ¹⁾, Виниусъ²⁾, Лески³⁾, и иноподобны. Якуша, перобъзвѣщавшій въ Турклеръ въ 1696 году⁴⁾. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ иностранцы отбодились отъ подданства для себя въ матеріальномъ отношеніи перанѣвить франкіи⁵⁾. Навротавъ того, Гордонъ не только не думалъ о перанѣвн вѣру, но даже былъ, какъ кажется, главнымъ орудіемъ католической пропаганды въ Россіи. Полеженіе кавказовъ было въ Россіи временчайне невыгодное. Тюдети, иезуиты, императора, и вообще католики катодили о тѣхъ самыхъ правахъ для католической церкви въ Москвѣ, которую волевались доперанской, и реформатское осибнѣ дали. Въ борьбѣ за эти права Гордонъ игралъ весьма важную роль. Писавшій его въ Кромвелю и Видьгельму III объясняетъ, и довольно отъ политическими рѣшденіями, но и религіозными. Онъ смотрѣлъ на собитія въ Англіи съ точки зрѣнія іезуитскаго Гордона; онъ въ Россіи онъ достодлъ въ самой тѣсной связи съ этимъ монашескимъ церковью.

Въ то время, когда Гордонъ прійхалъ въ Россію, тамъ не было еще католическихъ церквей. Его вѣчалъ голландскій оцаторъ (I, 336, 357), какъ впоследствии и дочь его Марія (I, 829). Въ 1684 г. когда въ январѣ и февралѣ Гордонъ находился нѣсколько недѣль въ Москвѣ, здѣсь жилъ, пріѣздомъ въ Персію, какойто арменской, арійхавшій изъ Рима и Вѣны. Гордонъ присутствовалъ при его богослуженіи и слушалъ его проповѣдь. После того вназвѣншіе католики, обѣдали у Гордона (II, 48). 21-го января Гордонъ бесѣдовалъ съ княземъ Голицынымъ о нѣкоторомъ положеніи католиковъ въ Россіи, и жаловался на то, что католики не имѣютъ права публичнаго богослуженія наравнѣ съ другими исповѣданіями. Голицынъ

1) Gordon, Tagebuch, I, 484; III, 341.

2) Blöfu Didriam, 24-го января 1690 г.

3) Olearius, 167.

4) Rossi, Lefort, II, 274.

5) О двухъ братьяхъ Штаденъ, принявшихъ православную вѣру, чтобы поправить свое положеніе, пишетъ Лесбергъ, см. Поселета Lefort, I, 257. Голландскій резидентъ баронъ Кемлеръ также сообщаетъ рѣзкую критику о перекрѣтвѣнскихъ иностранцахъ съ клямо пріобрѣтенны, вназвѣнны, вполнѣ Rossi, Lefort, I, 265.

совѣтовалъ Гордону подать прошение дарить имъ общины, чѣты жаленіе католиковъ Букетомъ дозволено. (II, 13): *«... вѣдѣны были дѣла и имѣніа»*.
Дѣйствительно въ томъ же 1864 году было подано такое прошение: Московскіе католики, всенніе люди и науки, просили права содержать священнослужителей и строить церкви. Просьба эта была поддержана австрійскимъ консуломъ г. Штрессманомъ и Вагнеромъ отъ имени императора.¹⁾ Вѣрнее: въ то время въ виду въ Москвѣ 6-го января они выѣхали въ Кіевъ. Водясь ома: слѣдъ, что дѣло долго вставало въ проектъ. 4-го августа Гордонъ изъ Кіева написалъ письмо лорду: Грѣму о содержаніи католическихъ священниковъ; отсюда видно, чѣмъ католики получили тогда благосвѣтливый откликъ отъ правительства. (II, 137). Гордонъ составлялъ списки католиковъ, обязаннымъ платить ежегодно известную сумму на содержание священниковъ и на физическія нужды церкви: Каждому католику приходилось по этому расчету вносить 47¹/₂ рублей въ годъ: (II, 137). Сумма значительная, но зато въ видѣхъ католики для достиженія своихъ цѣлей были готовы приносить большія жертвы. Исповица разрешенія строить католическія церкви, впрочемъ; пока не вступило. Очевидно, патриархъ не одобрялъ такой дѣлности, и потому продолжалъ переговоры между Австріей и Россіей, въ которыхъ еще въ 1866 году принимала участие бояринъ Шереметевъ, бывшій тогда въ Вѣнѣ.²⁾ Католикамъ скорѣе хотѣли дозволить отправленіе богослуженія въ частныхъ домахъ, оуби: постройкахъ общины церкви. Между тѣмъ Гордонъ и Гротъ дѣла: изъ Кіева о выѣздахъ въ Москву и въ колѣбъ денегъ для покупки скрапныхъ материаловъ: основанъ старымъ знакомымъ, патронъ. Шандъ: томъ; виходившися тогда за границей, они переписывались также объ этомъ предметѣ и указала оуби: кто ижеко: омидалъ: вризда: австрійскаго: дипломата: Мурдъ: съ письмомъ отъ императора къ царю.
Въ 1865 году, оуби: Гордонъ: ввпелъ: о: прагматическомъ: прет.: бываніи: какихъ-то: католическихъ: священниковъ: въ: Кіевѣ: Католическіе: офицеры: цесовѣдвались: у: нихъ, пріобщалась: священныя, и служили: проповѣдь: и пр: (II, 113). Въ началѣ 1866 года Гордонъ опять былъ въ Москвѣ: гдѣ между тѣмъ дѣло католиковъ виднѣлось вперёдъ: Туда: пріѣхалъ Курцъ, который распорядился о покупкѣ дома для иезуитовъ въ Москвѣ. Этого дома было куплено на имя стараго

¹⁾ См. соч. графа Дм. Толстаго: *Le catholicisme romain en Russie* (Paris, 1863). I, 124—125.

²⁾ Тамъ же I, p. 125.

прислалъ Гордона, Гусаконъ, который подъ видомъ купца гонимъ, и кѣмъ инымъ, какъ агентомъ іезуитскаго ордена¹⁾. Въ началѣ 1686 года въ Москвѣ находились двѣ то католическія священники, докторъ, и двѣ женщины, протестантскаго пошиба, удались Гордонъ чрезъ князя Голицына выхлопотать ему отсрочку на воеваніи оной (II, 118). Но дѣло это затѣялось нѣмного января Монаха съ Гордона, убижали у Голицына и просили его до католическаго священника²⁾. Голицынъ общаго донести отъ князя Царю. На другой день Гордонъ обѣдалъ у Голицына, но не получая отъ него никакого католическаго священника. Ему сказало, что оному нѣтъ времени (II, 118).

Подъ возвращеніа его изъ пераго Кривскаго похода, въ дневникѣ оный появляются нѣкоторыя отношенія къ католической церкви. Можеть быть, мѣсто для построения, которое получило Гордонъ (II, 206—208), было назначено для ея сооружеиія. Въ снѣгѣ польскаго посланника, находившагоса тогда въ Москвѣ, были іезуиты, съ которыми Гордонъ находился въ сношеніяхъ (II, 207). Съ купцомъ Гусаконъ оны въ февралѣ 1688 года бесѣдовали „о церковныхъ дѣлахъ“ (II, 210). Въ юлѣ мѣсяцѣ 1688 года въ Москвѣ находился патеръ Шмидтъ, который между прочимъ просилъ дочь Гордона (II, 220). Оны, впрочемъ, недолго оставался въ Москвѣ, такъ какъ уже въ октябрь этого года упомянуто о ѣздѣ Гордонъ къ Шмидту (II, 230). За то въ ноябрѣ было получено извѣстіе, что какой-то „докторъ медицины и еще другой священникъ для зачатія мѣста Шмидта“ уже находятъ въ дорогѣ (II, 226). Она была нѣкто иной, какъ патеръ Аврилъ, который исполнялъ должность священника по случаю похоронъ казеннаго Брабанта де-Рудля (II, 244) и вмѣстѣ съ другими священниками и польскими посланникомъ обѣдалъ у Гордона (II, 244). Всѣ эти прѣбавія католическихъ священниковъ, случаи отправления богослуженія и пр. были однако исключеніями, и положеііе католической церкви въ Россіи все еще нисколько не соответствовало желаніямъ Гордона и его товарищей на вѣрѣ. Въ то же время (какъ увидимъ ми изъ доисеній голландскаго президента Келдера) Гордонъ интриговалъ протестантовъ въ Москвѣ: было подано „наверхъ“ (какъ то мѣлобавилъ, въ ноябрѣ протестанты обвинялись въ томъ, что ихъ ученіе заключаетъ въ себѣ поношеніе Богородицы²⁾). Будучи въ Кіевѣ, Гордонъ въ 1684 году ходатайствовалъ о разрѣ-

¹⁾ См. Le Cathol. romain, I, стр. 112.

²⁾ См. соч. Поселета, Lefort, I. 411.

искии (вну. принашты иже). Польши: въ большій празднии, двѣзну
тры рѣва (вн. вѣд.); Католическия двѣдѣншова дѣл: стираллинн: бо
гослуженія (II, 307). Усперт: прѣдѣ государственныхъ переворота 1689
года: ордона Гордонъ: жель: развѣтывалъ: на личное: дѣ: оному: распо:
женіе: Петра, Коимъ: отнасъ: (вн. стираллинн: видѣло: и 18-го декабря: 1689
года: подалъ: прошеніе: д: дозволеніи: содержати: въ: Москвѣ: католичес-
ския: священники: (II, 299). Въ: оцѣ: оцѣ: дѣ: ономъ: жель: слу:
чавъ: договорити: съ: Петромъ: объ: этомъ: предметѣ. Онъ: въ: то: время:
часто: бывалъ: въ: городѣ: и: имѣлъ: договоры: , на: счетъ: католическихъ:
сваденіи: бвѣ: (II, 299). Въ: это: время: иезуиты: постоянно: дѣдали:
попыткі: увердины: въ: Москвѣ, и: русское: правительство: постоянно:
забѣдѣлъ: о: оныхъ: удаленіи. Царь: на: имперію: въ: 1689: году: какіе-то:
іезуиты: дозволеніи: бвѣ: у: дѣ: изъ: Москвы: и: всевозможными: средствами:
стердился: исторчать: отъ: бѣдѣ, и: просилъ: между: прочимъ: времени: для: про-
дажи: дѣмъ, и: купленію: въ: Нѣмцкой: Слободѣ: ономъ: императора: Лео-
польда: И: правительству: не: желалъ: оскорбленіи: императора, и: повстаніи: на-
ставилъ: на: (вн. стираллинн). Такой: же: случай: бвѣ: въ: 1690: году: съ: іезуитомъ:
Терпиловскимъ: и: Кострикомъ: Гордонъ: бвѣ: въ: веснѣ: близкихъ:
своимъ: ономъ. Въ: марѣ: 1690: года: Гордонъ: подалъ: прошеніе: о: томъ, что:
бы: патеру: Терпиловскому: бвѣ: дозволено: оставати: въ: Москвѣ: до: при-
ѣзда: другаго: священника (II, 299). На: другой: день: Гордонъ: бесѣдовалъ:
объ: этомъ: предметѣ: съ: Петромъ, который: дозволялъ: пригласити: свя-
щенника, но: не: изъ: іезуитовъ. Послѣ: того: Гордонъ: совѣтовался: съ: поль-
скими: посланниками: о: приглашеніи: священника. Въ: мартѣ, объ: этомъ:
же: предметѣ: писалъ: онъ: и: къ: патеру: Шмидту. Между: тѣмъ: умерла:
дочь: Гордонъ: Юлиана: при: ея: похоронахъ: служила: Терпиловскій.
Царю: очень: не: нравился: Терпиловскій, и: потому: онъ: приказалъ: сѣ-
ннѣ: приглашеніемъ: другаго: священника. Между: тѣмъ: Гордонъ: бы-
валъ: при: бесѣдѣхъ, которые: на: Страстной: недѣлѣ: происходили: съ:
музыкою (II, 301). 7-го: мая: Терпиловскому: бвѣ: приказано: выѣзати:
(II, 303), а: 31-го: эхо: приказаніе: возобновлено (II, 305). Но: онъ: все:
таки: оставался; 28-го: іюня: происходило: обыкновенное: католическое:
богослуженіе (II, 308); 2-го: іюля: Терпиловскому: снова: приказано: было:
уѣзати. Наконецъ, 12-го: іюля: ево: отцравленіи: (II, 310).

Можно думать, что Гордонъ былъ сильно спортивъ: въ: образѣ:
дѣятель: русскаго: правительствѣ. Онъ: все: еще: надѣлся: на: вступи-
тельство: императора. Не: безъ: удовольствія: развѣтывалъ: онъ: въ: своемъ:

1) Le catholicisme réformé en Russie, par Tcherniaou, I, 114.

двезеніи, что польскій посланникъ получилъ отъ императорскаго посланника письмо для передачи думному двору Украинцу, въ которомъ было сказано, что посланникъ императора въ Россіи крайне не пріятно императору, и что можно бы надѣяться совершеннаго прекращенія дипломатическихъ сношеній императора съ Россіей, если іезуитамъ не будетъ дозволено возвратиться (II, 320). О пребрѣваніи Терпиловскаго въ Москвѣ Гордонъ писалъ крѣпостному Шиндту и говорилъ о томъ, что ему, какъ іезуиту, не дозволяется оставаться въ Россіи, а также и о томъ, что когда кѣмъ синодники насолдны собираются для богослуженія въ безъ гативахъ (III, 245). Тамъ было и послѣ высылки Терпиловскаго, въ мѣс. 1691 года (II, 341) и Гордонъ старался пригласить синодальнаго учителя, и на славъ слова обращался также къ патеру Шиндту и къ сыну Джомеу, находящемуся тогда за границею. Безъ сомнѣнія, разчитывая на это, онъ опять не іезуита Гордонъ совѣтовалъ, чтобы приглашенный учитель совершилъ путешествіе въ Москву, и писалъ къ синодальнымъ: „иначе подумаеъ (или догадаеъ), что это іезуитъ“ (III, 252). Въ декабрѣ 1690 года Гордонъ въ писемѣ къ Шиндту говорилъ о томъ, что пожедосратну дванадцать идолеи мѣднныя (Калужской вѣрѣ). Онъ даже жалалъ сына своего Овандора кесникъ (дучоному званію; и это обстоятельство было причиной освобожденія этого идоли въ іезуитскую коллегію въ Браунсбергѣ (III, 264 и 265). Въ писемѣ къ Шиндту Гордонъ писалъ католическую общину (осирѣлаю).

Еще въ 1685 году упоминалъ Курцъ быль въ Москвѣ, а вмѣстѣ съ нимъ и іезуиты. Теперь, въ 1691 году, Курцъ прѣехалъ во второй разъ въ сопровожденіи священника. Оба они затеяли община у Гордона. Въ мѣсѣ какой-не доминиканскій, онакъ прѣстия асина Гордонова Петра (II, 342). Католики просили втора асина остаться въ Москвѣ (II, 350), да что и послѣдовадо разрѣшеніе правительства (II, 350), но доминиканецъ могъ остаться лишь временно, до прѣзда другаго священника. Поэтому въ концѣ 1691 году въ католической общинѣ выбрали другаго священника (II, 358). Вообще же лувуская никавого случая для сношеній съ іезуитами. Гордонъ, Юне марта 1692 года, написалъ чрезъ Ибранда письмо къ іезуитамъ въ Китай, въ которомъ рекомендовалъ имъ Ибранда и самѣлкы: „мы, столини, благодаря милости царя, имъзуемъ адѣла правомъ свободнаго богослуженія“ (III, 314). Лѣтомъ того же года онъ писалъ къ Шиндту: „Наша община находится въ посредственномъ положеніи; мольбня наша увеличена и прилично украшена“ (III, 318). Въ ноябрѣ

Безна другого католика прямо говорится о церемонии, при которой присутствовал самъ Петръ.

Въ семейномъ кругу словъ Гордонъ усильно жемочилъ объ упроченіи и распространеніи католической вѣры. Онъ сильно былъ счастливъ, что оная его Джемъ будетъ заранѣе реформатскою ересью (II, 146), и съ радостію сообщалъ Швайду, что его мать Странбургъ приняла католическую вѣру, выражая надежду, что и другіе изъ послѣдуютъ его примѣру (II, 265). Тамъ же кажется однако, Шрофурдъ остался вѣренъ реформатскому исповѣданію, и Оувинсъ, кажется, былъ лютераниномъ. По случаю его погребенія упомянуто о пасторѣ, который получалъ 5 рублей (II, 172).

Въ послѣдніе годы жизни Гордонъ постоянно былъ окруженъ духовными лицами и имѣлъ случаи отправлять католическое богослуженіе безъ препятствій. Очень часто говорится въ дневникѣ о религиозныхъ обрадахъ, о приобщеніи св. таинъ и пр. Въ католической церкви въ это время являлись знатные гости, напримѣръ, императорскій посолъ Тваричъ, а также архіепископа Анкерсмиа, который совершилъ обрядъ конфирмаціи. И Гордонъ былъ конфирмованъ, при чемъ получалъ имя Леопольдъ. Проставилъ отцомъ при этомъ случаѣ сына Гвардана (II, 203). Въ 1669 году Гордонъ участвовалъ въ конфирмаціи о католической церкви въ Москвѣ, о которой сообщаетъ въ некоторыхъ подробностяхъ Воръ.

Образованіемъ своимъ Гордонъ въ значительной мѣрѣ былъ обязанъ латинскому языку. Онъ хорошо зналъ по латини и былъ знакомъ съ латинскими классиками. Онъ часто цитуетъ ихъ въ своихъ дневникахъ и въ своихъ письмахъ (I, 224, 234, 265; II, 126, 308, 316). По латини онъ писалъ красиво и правильно. Оставивъ польскую службу, онъ самъ, какъ бы отъ имени Любимирскаго, написалъ для себя на латинскомъ языкѣ свидѣтельство о своей службѣ (I, 277). Въ его письмахъ къ князю Аліасу Иванову, къ герцогу Мазонъ, къ Матвѣеу, къ Курцу были писаны на латинскомъ языкѣ. Съ игуменомъ Петерскаго монастыря онъ говорилъ по латини (II, 22), когда умеръ его сынъ въ Швейцаріи, онъ сочинилъ латинскую надгробную надпись въ Страхъ (II, 50). Отъ сына Сеодора, уличающаго въ Браунсбергѣ, онъ требовалъ тщательнаго изученія латинскаго языка, арметоніи и русскаго языка (II, 429).

*) Объ этой церемоніи см. Diarium Корба, подъ 15-мъ и 16-мъ июля 1666 года въ Корбѣ, 1666-1669 года.

Въ дворянскіхъ и дворянскіхъ Гордонахъ много говорится о книгахъ. Еще будучи юношей и плывя по Вислѣ, онъ записываетъ дѣніемъ книгу охоты, походы, чины, дѣла, дѣла (II, 408). Позвѣщая въ польскій дворянскій общій соборъ, онъ въ своемъ словѣ упоминаетъ Оми Компійскаго (II, 131). Занимаясь въ Польшѣ грабежомъ, онъ старался приобрести и книги, изъ которыхъ нѣкоторыя выбиралъ для себя (II, 180). Въ дѣлѣхъ говорится о Гордоновыхъ книгахъ, накопившихся въ Смоленскѣ и отправленныхъ въ 1665 году въ Москву (I, 350). Царскіе писаря, описывая его въ Кіевѣ, доносятъ книгу Олсуфья Луви (II, 79). Когда въ чинахъ въ дворянскіхъ Гордонахъ открывалась и граница, Гордонъ обыкновенно давалъ пану, порученію, купить для него книгу. Нѣсколько разъ говорится о выпискѣ книги чрезъ купца Миллера въ Москвѣ чрезъ купца Фредера въ Ригѣ и др. (II, 413, 416). Сочиненіе Вобана, г.о. фортификаціи, онъ посылаетъ своему другу въ Дамбовѣ (II, 441). Очевидно, книги, которыми онъ завѣдъ Петру, были именно тогда ослѣдствіемъ (II, 477, 479). Къ купцу Маверелю, въ Кѣ, другимъ лицамъ, онъ писалъ много. Онъ послалъ ему новую книгу по артиллеріи и др. (II, 172; III, 87, 264, 272). Иногда книги, даваемые Гордономъ, описываются подробно, какъ, напримѣръ, книга о древнихъ оружіяхъ, изданная въ Нидербергѣ, а стоявшая 9 талеровъ, новая книга, дающая, которой Гордонъ заказалъ чрезъ купца Форбеса въ Данцигѣ въ двухъ экземплярахъ (III, 266). Впрочемъ, Гордонъ читалъ не только сочиненія, относящіяся къ его специальности. Разсматривая, напримѣръ, о жестокости Іоанна IV въ Новгородѣ, онъ ссылается на какого-то писателя (можетъ быть, на Петри (I, 288)). Чрезъ швейцара Лебда, отправившагося за границу, онъ заказываетъ книгу о переносѣхъ (II, 439). Другой разъ онъ находитъ, что онъ, давочный авторъ, и сильно ошибается, говоря, что дѣла Трубы и дѣла Глубты 100 талеровъ (II, 482). Въ другихъ мѣстахъ говорится о турецкихъ книгахъ (III, 24), о разныхъ французскихъ, латинскихъ и немецкихъ книгахъ, о какомъ-то календарѣ (III, 163, 175, 226). Однажды сообщается въ письмѣ въ Маверелю списокъ книгъ историческаго, религіознаго и библіотечнаго содержания, которыя принадлежатъ отчасти леди Гордона, отчасти для (II, 311) знакомыхъ, въ Нѣмецкой оловоѣ. Къ тому же онъ предлагаетъ подарить карту Англіи, Шотландіи и Ирландіи. Далѣе онъ проситъ Фредера доставить ему геральдику и генеалогію Венгріи (III, 311, 339). Изъ подробнаго описанія нѣкоторыхъ изъ этихъ изданій видно, что Гордонъ со вниманіемъ слѣдилъ за современною литературою, хотя кни-

над торговлею была тогда еще весьма мало развитая, да и самая жизнь в России инако представляла благоприятных условий для занятий западно-европейскою литературою. Визумъ тотъ, неслѣдуетъ полагать чтобы Гордонъ особенно много занимался чтеніемъ. Но безъ сомнѣнія, его можно считать однимъ изъ самыхъ раннихъ образованныхъ и надитавныхъ людей въ Нижегородской области.

Что касается до знанія языковъ, то шотландская географія у Гордона не представляла для него и предмета. Можно предположить, что много больше употребилъ въ Россіи, послѣдствіе которого въ дѣлахъ Гордона доставила много дусовыхъ хлопотъ было преданіемъ, что онъ да бытъ шотландскою географіею. Сначала, въ 1653 году (III, 491), онъ еще зналъ французскаго языка, пр/ послѣдствіемъ научился ему на крайнюю степень всего, и вѣроятно, вѣдѣвшее только пр/ сыну, Теодору, въ Брансбургѣ, когда и немецкія грамматики (III, 340). Въ Польщѣ онъ вѣроятно, по оловоки (III, 28). Безъ сомнѣнія, Гордонъ довольно свободно говорилъ по-русски; инако онъ не могъ бы находиться въ столь близкомъ общеніи съ русскими, вѣдѣющими и сновскими, и владѣющими другими языками, не могъ бы проносить рѣчи на русскомъ языкѣ и пр. Своему сыну Теодору онъ неоднократно сообщалъ свѣдѣнія о совершенно невѣдомомъ русскому явану (III, 340, 345). Въ Брансбургѣ, о кажемъ бытъ, та же монашь, обучавший ему сына Гордона (III, 28).

Когда Гордонъ ослѣдствіемъ извѣдывалъ, не называть его инженеромъ, но на дѣлѣ онъ довольно часто выразивалъ обстоятельное знаніе этого искусства! Бунтъ Метерраджона просилъ сообщать ему о новыя изобрѣтенія въ области механики и пр., публикованныхъ Королевскимъ обществомъ въ Англїи; онъ прислалъ модели, для по крайней мѣрѣ: подробное описание о немъ оправдано (III, 278). О разныхъ инструментахъ для перченія и для балластики, о циркуляхъ и квадратахъ и др. о немъ разговаривалъ въ письмѣ Гордона (Брансбургъ, III, 347). Внимательнѣе Гордонъ къ этому предмету отдался и на Педрѣо Бейтѣ. Гордонъ, пр/ многие бытъ, образованія, внимательности и шотландски Гордонъ по этой часли. Даже изъ писемъ Гордона въ сыну Джеми видно, что онъ былъ знаткомъ въ области садоводства (III, 239, 263); да еще замѣтки по случаю затрѣбна дуня вѣдѣно чѣмъ онъ для, и некоторая астрономическія познанія (II, 216). Въ области западной литературы и искусствъ Гордонъ, вообще едва ли былъ знаткомъ. У него, впрочемъ, бывали музыкальные вечера; въ бытность въ Англїи онъ видѣлъ „Гамлета“, но не дѣлаетъ ни

такихъ связей бытъ въ драбъ (II, 188). Подвѣдены способности Гордона были какъ кажется, не особенная. Но рашинскій восточномъ вопросъ, состоявшимся для Фолькманга въ 1834 году, по общему живаятъ проницательности или дальновидности. Неужель и австрийскій Гордона, не представляя ничего чрезвычайнаго, были такъ далеко представляли ему возможность исполнить своей идеей. Какъ бы издаться и бытъ полезнымъ Россіи.

Таковы же были и нравственный характеръ Гордона. Не дошли судить о качествахъ, убежденіяхъ и нравственныхъ качествъ, не могли предупредительно въ вниманіи, что онъ былъ предельно честнымъ, и что въ воспитаніи своемъ принадлежалъ къ иезуитскому ордену; и что по политическимъ и общественнымъ странамъ Россіи въ XVII вѣкѣ не представлялись особые благоприятныя условия для развитія высшей нравственности. Крѣпость Гордона не поддешала ни малѣйшему сомнѣнію. Правда и въ рѣзкихъ подвигахъ своихъ, что странникъ опасностями и невзгодами онъ подвергался; онъ никогда не обманывалъ, хотя бы онъ былъ самоубійца. Въ виду онъ оказывалъ своегражданскія рубины. Обшире всего былъ однако отличился самоотверженіемъ, (отказавшись отъ ствомъ въ Чингаръ въ 1800 году) и въ дѣлѣ 1801 г.

Боевое мужество Гордона превосходило все гражданское мужество. Но иногда онъ высказывалъ свое мнѣніе о силѣ и о силѣ Гордона, какъ на примѣръ, по поводу англійской революціи; ходатайствуя въ императору увольненіи, онъ дѣйствовалъ силой и подвергалъ себя большому риску. За то подъ Австрою онъ болѣе выказалъ свое мнѣніе, но было хорошо, что оно имѣетъ связь не только съ Петру (II, 180, 404). Но всегда Гордонъ дѣйствовалъ откровенно. Король выказалъ ему такую же приторность и суровость, какъ и настоящіи свои мнѣнія. Гордонъ, по правиламъ Аристотеля, говорилъ русскому владѣтелю только то, что не должно его; дошло была правдиво Петру. А у него дѣйствительно замѣтно, что Гордонъ былъ воспитанникомъ иезуитовъ. Дрѣвельно мнѣнію особенно; онъ много въ дѣлѣхъ и мнѣніяхъ, въ мнѣніяхъ и въ некоторыхъ прояскаль, пока проницатель. Чтобы освободиться отъ обязанности отравиться въ Вѣну въ 1801 году, онъ изобрѣлъ новую систему для, считаясь дѣлѣ мнѣніемъ. (II, 280—281). Вѣнскія новости привезла въ Россію; онъ подавалъ странное мнѣніе одного шиллера; въ то время дѣло дѣлалъ до мнѣнія, сталъ отнраться отъ этого фальса, такъ какъ въ мнѣніи дѣлѣ не было — и мнѣніемъ мнѣнію. Лѣтислѣніе отъ V. Лѣтислѣніе Лѣтислѣніе не — и мнѣніемъ мнѣнію, вѣтислѣнію. Лѣтислѣніе Лѣтислѣніе Лѣтислѣніе

ни и низшимъ смротъ и адмъ (II, 211; 416). Въ молодости, во время пребыванія въ Псковѣ, Гордонъ позволилъ себѣ поступить, несогласно съ низшими понятиями о военной чести, и о прѣдѣлахъ. Находясь въ военной службѣ Швеции и Польши, онъ занималъ время грабежомъ. Тогда частые нашествия въ Бѣлорусію вращались въ охотности сдѣлать добычей: иногда армяны... Нанесены; съ которых Гордонъ разказываетъ о подобномъ случайхъ, домысливая, что тогдашніе понятия о военной чести удобнѣ согласовались съ подобными поступками. Однажды Гордонъ припряталъ скотъ, оставлен у польскихъ вѣрстанихъ, и продалъ 100 талеровъ (I, 46). Особенно часто онъ бралъ лошадей безъ дозора (I, 125). Иногда онъ бралъ отъ польскихъ шляхтичей деньги за обещаніе не грабить ихъ или защитить ихъ отъ грабежа товарищей. Событіемъ такимъ было слѣдующее предпріятіе: товарищи Гордонъ грабили скотъ; онъ же возвращалъ скотъ собственникамъ и получалъ за каждую голову по одному талеру (I, 129, 136). Войны, говоритъ Гордонъ, не получали ни гроша отъ правительствъ и потому должны были промышлять такимъ образомъ; чтобы не умереть съ голоду (I, 140). Но дѣло въ томъ, что Гордонъ не довольствовался спасеніемъ отъ голодной смерти; онъ составилъ себѣ грабежомъ даже небольшой состояніе. По нравственнымъ понятіямъ того времени возможно было однако и послѣ такихъ поступковъ утверждать, какъ утверждалъ Гордонъ въ письмѣ къ своему сыну Джону, — что онъ во всю жизнь гораздо болѣе искалъ славы и чести чѣмъ денежныхъ выгодъ; и постоянно предпочиталъ уверенную выгоду въ соединеніи съ чистою совѣстью большіимъ выгодамъ приобрѣтеннымъ нечестнымъ образомъ. „Будь увѣренъ, что въ моемъ состояніи нѣтъ ни одного гроша, нажитаго неправомерными путями“ заключаетъ Гордонъ (III, 233).

Какъ бы то ни было, въ Россіи Гордонъ слылъ вполне честнымъ человекомъ. Въ качествѣ польскаго командира, онъ постоянно имѣлъ въ рукахъ весьма значительныя суммы; нѣтъ ни малѣйшаго основанія думать, что онъ когда-нибудь употребилъ во зло довѣріе, которымъ пользовался сперва отъ шведскаго, а потомъ отъ московскаго правительства. Иностранцы, какъ например, Воробъ, Русскіе, какъ например, Хартовъ, въ одинъ голосъ хвалили Гордонъ!

Бодранъ и дочинна.

Здоровье Гордона не могло не быть потрясено многими ранями, утомительными походами и еще болѣе утомительномъ приключеніемъ

жизнью при Петрѣ. Онъ получилъ нѣсколько ранъ въ польско-шведскихъ походахъ въ пятидесятыхъ годахъ и во время осады Чигирина въ 1678 году. Въ 1655 году онъ былъ два раза раненъ ружейными пулями въ бокъ (I, 18, 24); затѣмъ нѣсколько разъ былъ раненъ въ ногу, въ голову (I, 29, 136), въ лѣвое плечо и пр. (I, 142, 143, 159, 295). Въ Чигиринѣ онъ былъ раненъ въ лицо, въ руки и ноги саблями и ручными граблями (I, 493, 495, 499, 503, 524). Кроме того, не разъ онъ былъ раненъ по случаю фейерверковъ и маневровъ Петра I (II, 305, 318). Однако всё эти раны едва ли были особенно опасны, и по видимому, не имѣли губительнаго вліянія на его здоровье. Тѣмъ не менѣе, судя по дневнику, Гордонъ бывалъ боленъ очень часто, и иногда даже весьма опасно. Въ 1653 году онъ страдалъ отъ какой-то горячки (III, 416), въ 1655 году хворалъ лихорадкой въ Гамбургѣ (I, 6), во время шведско-польской войны заболѣлъ чумою (I, 192), но скоро выздоравливалъ, а кромѣ того часто страдалъ разными горячками (I, 134, 215, 284, 307).

Притомъ Гордонъ, какъ кажется, былъ въ нѣкоторой степени цинкондримомъ. Описанію своихъ болѣзней, особенно въ позднѣйшее время, онъ посвящаетъ въ дневникѣ много мѣста (II, 16, 59). Онъ любилъ лѣчиться и совѣтоваться съ докторами. Изъ довольно подробнаго описанія болѣзней Гордона и изъ лѣкарствъ, которыми онъ пользовался, видно, что онъ страдалъ отъ хроническаго катарра желудка. Есть основаніе думать, что онъ сдѣлался и жертвой этой болѣзни. Уже въ 1698 году припадки ея становились особенно серьезными (III, 125, 188—89, 206, 218—219, 220—225). 31-го декабря 1698 года онъ заключаетъ свой дневникъ слѣдующими словами: „Въ послѣднемъ году я чувствовалъ видимое убавленіе силъ моихъ: да будетъ Твоя воля, о Боже“ (III, 228.) Напротивъ того, о состояніи здоровья Гордона въ продолженіе 1699 года мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Мы знаемъ только, что онъ скончался 19-го ноября этого года. Корбъ пишетъ: „Его царское величество пять разъ посѣщалъ Гордона во время послѣдней его болѣзни, а въ послѣднюю ночь былъ у умирающаго два раза. Государь собственною рукою закрылъ глаза Гордону, когда тотъ испустилъ духъ“¹⁾.

За нѣсколько мѣсяцевъ до того скончался Лефортъ. Его погребеніе было чрезвычайно великолѣпно. О погребеніи Гордона Корбъ говоритъ, что оно совершилось по тому же пышному церемонаіу. „Сол-

¹⁾ Diarium, 218.

даты трехъ гвардейскихъ полковъ“, разказываетъ Корбъ, — „и мѣя среди себя царя, занимавшаго свое обычное мѣсто въ своемъ полку, проводили гробъ Гордона; похороны сопровождался выстрѣлами изъ двадцати-четырехъ пушекъ большого размѣра, такъ что приходилось сомнѣваться было ли это заявленіе печали или радости. По приказанію царя совершено было священнослуженіе, и императорскій миссіонеръ, Іоаннъ Верула, произнесъ надгробную рѣчь; наканунѣ царевичъ Александръ съ Натальей, любимю сестрой Государя, слушали церковную службу въ католическомъ храмѣ“. Все это подтверждается и донесеніемъ Шейера къ цесарю ¹⁾.

Праха Гордона покоится въ той самой католической церкви, которая была построена въ 1695 году, какъ мы видѣли, подъ видомъ надгробной часовни для Гордона и его семейства. Въ серединѣ этой церкви по лѣстницѣ можно спуститься въ сводъ, въ которомъ на надгробномъ камнѣ находится латинская надпись ²⁾.

Нартовъ, разказывая о кончинѣ Гордона, замѣчаетъ, что Петръ закрылъ ему очи своею рукою и потомъ поцѣловалъ его въ лобъ, а при великолѣнномъ погребеніи сказалъ: „Я и государство лишились усерднаго, вѣрнаго и храбраго генерала. Когда бы не Гордонъ, въ Москвѣ было бы великое бѣдствіе“. Можетъ быть, послѣднее замѣчаніе относится въ заслугахъ Гордона въ борьбѣ съ мятежными стрѣльцами. Нартовъ заключаетъ свой разказъ слѣдующимъ замѣчаніемъ: „Сей чужестранецъ, по сказанію тѣхъ, кои его лично знали, любимъ былъ не только Петромъ Великимъ, но и подданными его. Смерть его была сожалѣніемъ всеобщимъ“ ³⁾.

Корбъ приводитъ мнѣніе современниковъ о Гордонѣ слѣдующимъ образомъ: „Военныя свои обязанности Гордонъ всегда исполнялъ съ благоразуміемъ, и сами Москвитяне не откажутъ памяти усопшаго въ уваженіи, которомъ обязаны были ему при жизни за его достоинства. Осторожность была отличительною особенностью Гордона. Ревнуня къ пользѣ государя и его безопасности, Гордонъ во всѣхъ своихъ поступкахъ руководствовался такою благоразумною вѣрностью, что никогда никто не могъ упрекнуть его въ неосморительной отважности. Однако же со вѣтъ Гордона нравились Москвитанамъ болѣе, чѣмъ его личность: Мос-

¹⁾ Устряловъ, Ист. П. В., III, 646.

²⁾ О торжественномъ погребальномъ шествіи см. изданіе Дневника Гордона т. I, стр. V—VIII. Въ сожалѣнію г. Поселятъ не говорить, откуда имъ заимствованы эти данныя о церемоніи.

³⁾ Достопамятныя повѣствованія и рѣчи Петра В.

новія пользовалась проницательностью ума Гордона только тогда, когда предстояло рѣшить трудное дѣло. Гордонъ всегда отличался благо-разуміемъ, зрѣлымъ умомъ и предусмотрительностью въ сужденіяхъ. Безъ притязаній на громкую навѣстность, онъ своею скромностью и любез-ностью въ частной жизни приобрѣлъ особенное расположеніе Москви-тянъ, людей вообще недоброжелательныхъ иностранцамъ и по своей природной наклонности питающихъ ненависть къ ихъ славі. Распо-ложеніе Москвитянъ было такъ велико, что во время внутреннихъ смуть домъ этого человѣка былъ для самихъ даже туземцевъ безопаснымъ и спокойнымъ убѣжищемъ. Величаемый часто отъ государя „батьшкой“ почитаемый боярами, чествуемый думными, любезный благороднымъ, лю-бимый простымъ народомъ, Гордонъ пользовался такимъ всеобщимъ уваженіемъ, что едва ли иноземецъ могъ когда-либо разчитывать на подобный успѣхъ.“¹⁾...

Важнѣйшая часть жизни и дѣятельности Гордона относится въ той эпохѣ русской исторіи, когда совершился поворотъ Россіи на западъ, когда Петръ готовился къ превращенію Россіи въ европей-ское государство. Въ этой реформѣ и Гордонъ имѣлъ свою долю участія, такъ какъ былъ наставникомъ Петра, такъ сказать, главою Нѣмецкой слободы и представителемъ западно-европейской цивили-заціи.

Дневникъ Гордона, какъ историческій источникъ.

Можно сказать, что до сихъ поръ дневникъ Патрика Гордона сравнительно мало служилъ историческимъ источникомъ; это объяс-няется главнымъ образомъ, какъ намъ кажется, значительнымъ объ-емомъ самаго изданія. Хотя въ концѣ третьяго тома и помѣщенъ алфавитный указатель, существенно облегчающій пользованіе дневни-комъ, тѣмъ не менѣе онъ не можетъ считаться достаточнымъ посо-біемъ для этой цѣли. Поэтому особое изслѣдованіе о дневникѣ Гор-дона, какъ объ историческомъ источникѣ для изученія политической исторіи и общественнаго быта Россіи во второй половинѣ XVII вѣка, представляется не лишнимъ. При этомъ, какъ и въ біографіи Гор-дона, мы воспользуемся только печатнымъ изданіемъ дневника.

XVII вѣкъ очень богатъ записками какъ Русскихъ людей, такъ и иностранцевъ, о современныхъ имъ событіяхъ, о состояніи Русскаго

¹⁾ Diarium, 217.

государства и русскаго общества. Уже въ XVI столѣтїи сочиненїя Герберштейна, Дживіо, Флетчера и др., благодаря особенно новости предмета, обратили на себя вниманіе всей западной Европы и читались съ жадностью, какъ видно между прочимъ изъ большаго числа изданій этихъ сочиненій и изъ переводовъ ихъ на разныя языки. Число таковыхъ сочиненій становится еще больше въ XVII столѣтїи. Но почти всѣ эти сочиненїя и объемомъ, и характеромъ, и содержаниемъ рѣзко отличаются отъ дневника Гордона. Сочиненїя Петрея, Олсарїа, Мейерберга, Коллинса, Витсена, Невилля, Перри, Вебера, Страленберга, Фокеродта и пр., были литературными трудами, писанными для публики и заключающими въ себѣ, кромѣ путевыхъ замѣтокъ, разказы объ исторїи Россїи и описаніе ея общественнаго быта, правовъ, обычаевъ, учреждений и пр. Гордонъ, напротивъ того, писалъ только для себя и не думалъ о приведенїи въ систематическій порядокъ и изданїи въ свѣтъ своихъ наблюденій. Онъ только описывалъ свои походы и отмѣчалъ краткія извѣстія о разныхъ современныхъ событіяхъ въ томъ вѣннемъ, случайномъ порядкѣ, въ которомъ представлялись ему впечатлѣнія обшденной жизни. Онъ велъ свой дневникъ не для публики, и потому большою частью говоритъ въ немъ о дѣлахъ, относящихся къ нему самому. Но такъ какъ по своему положенію онъ участвовалъ во многихъ важныхъ событіяхъ своего времени, такъ какъ онъ зорко слѣдилъ за ходомъ дѣлъ, зналъ подробности многихъ фактовъ, лично его интересовавшихъ, былъ въ близкихъ сношенїяхъ со многими историческими лицами, то дневникъ его хотя и заключаетъ въ себѣ главнымъ образомъ исторїю частной жизни Гордона, долженъ считаться первокласснымъ историческимъ источникомъ для исторїи его времени.

Въ этомъ отношенїи дневникъ Гордона можно сравнить съ тою частью извѣстнаго сочиненїя о Россїи, секретаря австрїйскаго посольства Корба, которая имѣетъ форму дневника, и въ которой разказываются ежедневныя впечатлѣнія автора во время пребыванїя посольства Гварїента въ Россїи, или же съ дневникомъ голштинскаго камеръ-днвера Бергольца, который также съ отчетливою подробностью, откровенностью и точностью записывалъ все, что случилось ему видѣть и слышать въ Петербургѣ и въ Москвѣ съ 1721 по 1725 г.; но оба эти сочиненїя обнимаютъ собою лишь самый краткій періодъ и притомъ не доставляютъ возможности взглянуть глубоко въ характеръ частной жизни въ Россїи, ограничиваясь главнымъ образомъ общенїемъ данныхъ о бытѣ двора. Ни Корбъ, проведшій въ Россїи

около года, ни Берггольцъ, не могли ознакомиться съ Россіей столь близко и подробно, какъ Гордонъ. Ни Корбъ, ни Берггольцъ не участвовали столь непосредственно въ самыхъ важныхъ событіяхъ той эпохи. Они были лишь зрителями, наблюдателями въ теченіе краткаго времени своего пребыванія въ Россіи, тогда какъ Гордонъ, въ продолженіе почти полулѣтня, постоянно участвовалъ въ дѣлахъ, занималъ важнѣйшіе посты, былъ дѣйствующимъ лицомъ въ царствованіе Алексѣя, Феодора и Петра.

Изъ русскихъ источниковъ развѣ только записки Желябужскаго могутъ быть отчасти сравниваемы съ дневникомъ Гордона. И Желябужскій, какъ и Гордонъ, по деномъ записывалъ современныя событія и обыденныя впечатлѣнія, но при всемъ томъ записки его далеко уступаютъ Гордону въ дневнику, вечернихъ, тѣмъ, что онъ почти вовсе не предлагаетъ данныхъ о частной жизни и объ общественномъ строѣ той эпохи; вторыхъ же, тѣмъ, что онъ хоть и простираются съ 1682 по 1709 г., но кратки, поверхностны и наполнены болѣе всего извѣстіями о казняхъ государственныхъ и уголовныхъ преступниковъ, о публичныхъ морзествахъ и празднествахъ. Въ тѣхъ дѣлахъ, о которыхъ Желябужскій пишетъ, онъ почти вовсе не участвовалъ. Подобно Корбу и Берггольцу, онъ былъ болѣе зрителемъ, чѣмъ дѣйствующимъ лицомъ; Гордонъ же, будучи не только очевидцемъ, но и участникомъ событій, оставилъ намятникъ, который объемомъ и разнообразіемъ содержанія далеко превосходитъ всѣ другія сочиненія такого рода.

Не будучи литературнымъ трудомъ, предлагающимъ въ систематическомъ порядкѣ болѣе или менѣе полныя очерки тогдашняго быта Россіи, дневникъ Гордона одна заключаетъ въ себѣ богатый матеріалъ для изученія русской культуры въ исходѣ XVII вѣка. Съ другой стороны, подневныя замѣтки Гордона, предлагающія, такъ сказать, съ фотографическою точностью множество подробностей о разныхъ событіяхъ, по своему значенію сближаются иногда съ архивнымъ матеріаломъ и даже превосходятъ его точностью и безпристрастіемъ; сообщенные же Гордономъ тексты подлинныхъ документовъ, счета и прочее, а также приложенныя въ издавіи 112 писемъ его, уже прямо могутъ считаться архивнымъ матеріаломъ.

ИЗДАВАНІЕ ДНЕВНИКА.

Издателемъ дневника былъ докторъ Мориць Поссельтъ, много лѣтъ занимавшійся изученіемъ эпохи Петра Великаго. Главными ре-

результатами этихъ зачатій были сочиненіе объ отроченіяхъ Лейбница къ Петру, явившееся еще въ сороковыхъ годахъ, издавіе дневника Гордона и обширная біографія Франца Лефорта.

Послѣ обнаруженія отрывковъ и вырочекъ изъ дневника Гордона ¹⁾ и послѣ изданія множества другихъ важныхъ источниковъ исторіи XVIII вѣка, нельзя было не желать изданія всего этого дневника. Управляющій Московскимъ главнымъ архивомъ министерства иностранныхъ дѣлъ, князь М. А. Оболенскій, хранилъ у себя часть перевода дневника Гордона на нѣмецкій языкъ, составленнаго помощникомъ Г.-Ф. Миллера, академикомъ Иоганномъ Штриттеромъ. Другая часть Штриттерова перевода находилась въ рукахъ М. П. Погодина. Приступая къ изданію дневника, князь Оболенскій и г. Посельтъ, которые въ заглавіи перваго тома, явившагося въ Москвѣ въ 1849 г., показаны оба издателями, рѣшились воспользоваться переводомъ, сдѣланнымъ Штриттеромъ. Рукописи Штриттера, находившіяся въ рукахъ Оболенскаго и Погодина, заключали въ себѣ однако лишь переводъ дневника до 1691 г., такъ что приходилось продолжать этотъ трудъ за періодъ съ 1691 по 1698 г. Въ послѣдствіи однако стало извѣстно, что и осталшая часть дневника (то-есть, 1691—1698 гг.) была переведена Штриттеромъ. И этотъ переводъ сдѣлался собственностью знаменитой коллекціи Погодина ²⁾. Вообще должно сказать, что переводъ Штриттера менѣе точенъ, чѣмъ переводъ самого г. Посельты, или сдѣланный подъ его редакціей. Такъ напримѣръ, первый позволялъ себѣ разнаго рода сокращенія и пропуски. Штриттеръ смѣнилъ нѣкоторымъ образомъ всю редакцію дневника, ибо заставилъ Гордона говорить о себѣ въ третьемъ лицѣ. Но начиная съ 1692 г. всюду употребляется слово „я“, а не „Гордонъ“.

Къ сожалѣнію, издатели не сочли нужнымъ составить болѣе подробное описаніе подлинной рукописи дневника. Забѣлки, сюда относящіяся (I, XVII и XVIII), крайне скудны. Устриловъ замѣчаетъ о подлинникѣ дневника слѣдующее: „Дневникъ Гордона, весь писанный собственною рукою на англійскомъ языкѣ, переплетенъ въ 6 томовъ въ 4°, всего 1227 страницъ. Въ 1-мъ томѣ Гордонъ описываетъ все, что случилось съ нимъ отъ рожденія до 1659 г., во 2-мъ—до 25-го июня 1667 г., въ 3-мъ—до 26-го августа 1678 г., въ 4-мъ—до 21-го

¹⁾ См. введеніе къ I тому изданія дневника и сочиненіе *Аделунга* объ иностранныхъ писателяхъ о Россіи, I, 355.

²⁾ См. над. дневника, III, 360.

декабря 1689 г., въ 5-мъ—до 31-го декабря 1695 г., въ 8-мъ—до 31-го декабря 1698 г. Недостають тетрадей съ 26-го июля 1667 г. по 7-е января 1677 г., и съ 27-го августа 1678 г. по 10-е января 1684 г.". Всѣ эти томы сперва хранились въ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, а затѣмъ были переданы въ военное министерство ¹⁾. О спискѣ дневника Гордона, въ 5-ти томахъ, находящемся въ Вринтажѣ, упоминаеть Аделунгъ ²⁾.

Сначала издатели надѣялись включить нѣмецкій переводъ дневника въ два тома; но потомъ оказалась необходимость выпустить и третій томъ, въ который вошли: окончаніе дневника (1696—1698 гг.), нѣкоторое число писемъ Гордона къ разнымъ лицамъ и алфавитный указатель собственныхъ именъ. Въ 1849 г. явился первый томъ въ Москвѣ (LXVII и 671 стр.); въ 1851 г.—второй томъ въ Петербургѣ (XVIII и 735 стр.), и въ 1852 г.—третій также въ Петербургѣ (VI, 417 и 117 стр.). На второмъ и третьемъ томахъ г. Посселятъ одинъ показанъ издателемъ.

Изданіе дневника потребовало значительныхъ расходовъ. Въ прошедшемъ столѣтіи Миллеръ и Штриттеръ, желавшіе приступить къ изданію дневника Гордона, не могли этого исполнить по недостатку денежныхъ средствъ. Г. Посселятъ могъ сдѣлать это не иначе, какъ благодаря щедрости князя Оболенскаго и генералъ-адъютанта (въ послѣдствіи графа) Берга (III, V).

Въ подлинникѣ дневника встрѣчаются довольно часто пробѣлы; они объясняются, съ одной стороны, утратою нѣкоторыхъ частей дневника, а съ другой—тѣмъ обстоятельствомъ, что Гордонъ долженъ былъ иногда прерывать веденіе дневника. Самые большіе пробѣлы, безъ сомнѣнія—потерянные части дневника, слѣдующіе: отъ 25-го мая 1667 года до 8-го января 1677 года—безъ малого десять лѣтъ (I, 412—413); Гордонъ въ это время находился въ Малороссіи. Далѣе весьма значительный пробѣлъ отъ 16-го августа 1678 года до 10-го января 1684—пять съ половиною лѣтъ. Къ этому времени между прочимъ относится пребываніе Гордона въ Кіевѣ. Небольшіе пробѣлы встрѣчаются въ 1678, 1684, 1685, 1686, 1688, 1690 годахъ. Достоинъ вниманія, что большая часть мелкихъ пробѣловъ относится къ 1686, 1687, 1689 годамъ, между тѣмъ какъ въ другое время почти вовсе не встрѣчается пробѣловъ. Особенно должно сожалѣть

¹⁾ Устраловъ, I, LXXXIV.

²⁾ II, 365.

е пробылъ съ 24-го сентября до 28-го ноября 1689 года, такъ какъ тутъ Гордонъ, безъ сомнѣнiя, сообщалъ о своихъ отношенiяхъ къ Петру послѣ государственнаго переворота 1689 года. Издатель увѣренъ, что эта часть дневника по неясной причинѣ была вырвана изъ подлинной рукописи (II, VIII).

Первыя страницы дневника посвящены исторiи молодости Гордона до 1655 года. Но вполнѣ аккуратно дневникъ былъ веденъ въ теченiе 43-хъ лѣтъ съ 1655 по 1698 годъ. Утраченъ дневникъ за 16—17 лѣтъ; значить, остается за 26 лѣтъ. Гордонъ умеръ въ концѣ 1699 году. Подлинникъ дневника, на сколько онъ сохранился, прерывается на 31-мъ денября 1698 года; но есть основанiе думать, что и въ послѣднiе мѣсяцы своей жизни Гордонъ продолжалъ его: по крайней мѣрѣ во всѣ послѣднiе мѣсяцы своей жизни онъ много занимался дѣлами, а вмѣстѣ съ тѣмъ; отдавалъ время и разнымъ увеселенiямъ.

Въ разныхъ мѣстахъ переводчики и издатели дневника считали нужнымъ сдѣлать болѣе или менѣе значительныя сокращенiя. Г. Поссельтъ изъясняетъ сожалѣнiе, что Штриттеръ и Миллеръ рѣшились переводить дневникъ Гордона съ нѣкоторыми пропусками (II, V), однако самъ г. Поссельтъ не считъ удобнымъ восполнить этотъ недостатокъ. Во всякомъ случаѣ нельзя не пожалѣть, что въ изданiи не во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ были сдѣланы сокращенiя, упомянуто объ этомъ. Мѣстами однако такiя упоминанiя о сокращенiяхъ сдѣланы; такъ, въ началѣ дневника (I, 7) сказано, что сокращена исторiя странствованiй Гордона до 1655 года; г. Поссельтъ перевелъ цѣлкомъ и эту часть и напечаталъ ее въ концѣ третьяго тома (III, 401—417). Другiя сокращенiя относятся къ разнымъ приключенiямъ Гордона въ Польшѣ въ 1655 году (I, 22), къ событiямъ послѣ оставленiя Гордономъ Кравова въ 1656 году (I, 38), къ нѣкоторымъ подробностямъ ухаживанiя за Гордономъ дочери какого-то Полива (I, 69) и пр. Не извѣстно—Штриттеръ или г. Поссельтъ сдѣлали сокращенiе весьма значительное, о которомъ упомянуто въ т. I, 125; разказъ о побѣдѣ Гордона въ Кенитсбергъ въ 1659 году (I, 186) также совсѣмъ выпущены. Также сильно сокращены (какъ о томъ сказано въ т. I, 669) разказъ о путешествiи Гордона въ Ригу въ 1666 году (I, 378). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видѣтъ слѣды сокращенiй, но объ этомъ не только не упомянуто, но еще текстъ дневника перемежанъ съ замѣчанiями издателей (какъ напримѣръ, I, 67,

I, 269), что уже совершенно не научно и затрудняет пользование дневникомъ.

Переводъ и издание дневника были сопряжены съ большими затрудненіями. Во многихъ мѣстахъ текстъ былъ мало понятенъ. Имена лицъ, о которыхъ говорится въ дневникѣ, иногда сильно искажены; иногда встрѣчаются сокращенія именъ. Нужно было исправлять, догадываться (см. примѣчаніе въ т. I, 7). Орфографія Гордона весьма неправильна, произвольна и перемѣнлива. Мѣстами встрѣчаются руссизмы. Говоря о лицахъ, Гордонъ иногда называетъ только имя и отчество. Такъ напримѣръ, когда идетъ рѣчь о Теодорѣ Никитичѣ, читатель долженъ догадываться, что это нѣкто иной какъ Стрѣшневъ. Говоря о Голицынѣ, Гордонъ пишетъ „W. W.“, то-есть, Василій Васильевичъ; говоря о Шейнѣ — „A. S.“, то-есть, Алексѣй Семеновичъ; „the B“ значитъ бояринъ, „Woj“ — воевода, „Dj“ дѣнокъ, „H. M.“ (вмѣсто his Majesty) Его Величество. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, издатель, для объясненія сокращеній, счелъ нужнымъ въ иностранныхъ приложенияхъ тщательно изслѣдовать этотъ вопросъ. Такъ напримѣръ, въ разныхъ мѣстахъ дневника говорится о „бояринѣ“, не называя этого лица по имени („the B“ или „our B“). Г. Поссельтъ доказываетъ, что иногда тутъ идетъ рѣчь о Василіи Васильевичѣ Голицынѣ, иногда о Салтыковѣ, Шереметевѣ, затѣмъ, опять о Голицынѣ (II, 660—663). Часто говорится о „the Gr“, то-есть, о Петрѣ; „the Gr“ значитъ или „the Great“, или „the Gossudar“ (II, 648—685). Сокращеніе „P. P.“ допускаетъ разныя толкованія, а именно „Patres“, то-есть, католическіе священники, пребывавшіе въ Москвѣ, или „Pols“ (такое сокращеніе также встрѣчается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дневника), то-есть, Поляки, польскій посланникъ или польское посольство. Трудно объяснить, что значитъ: „Дефортъ получилъ the sh. Reg“ (II, 780).

Кое-гдѣ въ дневникѣ встрѣчаются недоразумѣнія. Въ т. II, 136, говорится, что Гордонъ въ Лондонѣ видѣлъ комедію „rehearsal“; „rehearsal“ значитъ „репетиція“; но гораздо вѣроятнѣе, что Гордонъ видѣлъ репетицію какой-то комедіи, а не пьесу съ такимъ заглавіемъ. Въ т. II, 669, слово „seuatschik“ объяснено „съемщикъ“ вмѣсто „сеушникъ“, „сеунчъ“, гонецъ или курьеръ. Въ т. III, 13, послѣ слова „Nerpiadwa“ неправильно прибавлено въ скобкахъ „Nerprawda“. Значительный промахъ заключается въ смѣшеніи Черкесовъ, то-есть, малороссійскихъ казаковъ, Запорожцевъ, съ Черкесами: по случаю осады Азова въ 1696 году часто говорится о „Tschet-

кесеп" (см. напримѣръ, III, 12). Довольно важна слѣдующая ошибка, сдѣланная, очевидно, Штриттеромъ при переводѣ, и какъ кажется, не замѣченная Поссельтомъ: въ т. II, 298, говорится о рожденіи царевича Алексѣя 18-го февраля 1690 года въ 4 часа по полуночи, о торжественной церемоніи и о рѣчи, произнесенной при этомъ случаѣ Гордономъ, а затѣмъ въ т. II, 351, 9-го октября 1691 года повторяется разказъ о рожденіи царевича и о той же церемоніи. По видимому, мѣсто подлинника о рожденіи царевича было по какому-то случаю переведено два раза, и по недоразумѣнію, второй, нѣсколько сокращенный переводъ неправильно вставленъ 9-го октября 1691 года.

Изъ приложений къ изданію дневника нѣкоторые заимствованы изъ бумагъ самого Гордона, а другіе—изъ разныхъ другихъ источниковъ. Въ числѣ приложений къ первому тому встрѣчаемъ, между прочимъ, переводъ нѣкоторыхъ главъ изъ сочиненія Котошидина (I, 560—609); трудно понять — съ какою цѣлью издатель счелъ это нужнымъ. Тамъ же помѣщены: разныя дѣловныя бумаги о различныхъ родственникахъ Гордона, бывшихъ въ Россіи въ XVII и XVIII столѣтіяхъ (I, 610, 634 и слѣд.); бумаги, относящіяся къ отправленію Гордона въ Англію въ 1666 году; посланіе царя Алексѣя къ Карлу II; наказъ Гордону; счеты о расходахъ при поѣздкѣ; тутъ же встрѣчаются нѣкоторыя данныя о службѣ Гордона и проч. (I, 612). Ко второму тому приложенію портретъ Гордона и его второй супруги, планъ Чудежинской крѣпости и планъ Азова съ объясненіями; къ третьему тому 112 писемъ Гордона къ разнымъ лицамъ¹⁾; всѣ эти письма относятся къ недавнимъ годамъ; изъ факсимиле письма Гордона къ герцогу Гордону можно познаться съ почеркомъ руки Гордона и съ его орфографіей. О томъ, гдѣ были найдены эти письма, издатель не говоритъ. Есть основаніе думать, что сохранилась одна изъ записныхъ книгъ Гордона, въ которыя онъ вносилъ отправляемыхъ имъ писемъ цѣликомъ или въ извлеченіи, и о которыхъ говорится въ изданіи дневника.

Настоящаго комментарія къ тексту дневника г. Поссельтъ не приложилъ. Ту часть дневника, которая относится къ пребыванію Гордона въ Польнѣ, издатель сопровождаетъ чѣмъ-то въ родѣ комментарія, ограничиваясь объясненіемъ нѣкоторыхъ фактовъ шведско-

¹⁾ Сверхъ того, одно письмо Гордона къ князю Алмазову напечатано въ первомъ томѣ, стр. 622—625.

польской войны во сочиненіяхъ Пуфендорфа и Кохрвскаго. Мѣстами указывается на несогласіе Гордонова разказа съ дѣйствіями, сообщаемыми этими писателями, и на болѣе или менѣе важныя дополненія къ этимъ сочиненіямъ, заключающіяся въ дневникѣ. Въ I-мъ томѣ дневника разказываются иногда современныя политическія событія болѣе пространно въ видѣ историческихъ очерковъ. Слѣдовало бы въ подобныхъ случаяхъ разъяснять, какими источниками пользовался Гордонъ; важнѣйшимъ источникомъ, разумеется, были разказы современниковъ; многое же Гордонъ самъ видѣлъ и слышалъ. Для другихъ очерковъ онъ долженъ былъ собрать кое-какой письменный матеріалъ, какъ напримѣръ, для исторіи Украины съ 1660 по 1668 годъ. Тутъ трудъ Гордона имѣетъ характеръ уже не дневника, а скорѣе историческихъ записокъ. Г. Посселятъ только въ одномъ случаѣ говоритъ объ источникахъ такихъ болѣе связанныхъ разказовъ: оказывается, что военныя дѣйствія 1677 года (I, 433—446), изложены Гордономъ по донесенію чигиринскаго коменданта Трауерника; впрочемъ оснований для такого указанія г. Посселятъ не сообщаетъ.

Нѣкоторыя приложенія и объясненія г. Посселятъ имѣютъ характеръ комментарія (I, 663—671; II, 649—735; III, 359—400); но они случайны, и къ сожалѣнію, не богаты ссылками на историческій матеріалъ. Иногда сообщаются тутъ весьма любопытныя и дотоле неизвѣстныя данныя, напримѣръ, разныя архивныя свѣдѣнія о Лефортѣ, письма и проч. (II, 695, 700; III, 490); иногда такія замѣчанія имѣютъ характеръ небольшихъ монографій, напримѣръ, изслѣдованіе о времясчисленіи въ Россіи съ XVII столѣтіи (II, 649—860), объ исторіи русскаго войска (II, 693 и слѣд.), о Тульскихъ заводахъ (III, 365) и проч. Большею же частью замѣчанія представляютъ біографическія данныя.

ОБЪЕМЪ И ХАРАКТЕРЪ ДНЕВНИКА.

Не всѣ части дневника Гордона, какъ уже выше было сказано, имѣютъ видъ поденныхъ замѣтокъ. Нѣкоторыя части заключаютъ въ себѣ обширныя записки о разныхъ предметахъ въ видѣ историческихъ очерковъ. Такъ, напримѣръ, молодость Гордона до 1655 г. (I, 1—6 и III, 401—416) разказана въ видѣ краткой автобіографіи. До пріѣзда Гордона въ Россію дневникъ прерывается нѣсколько разъ

для помѣщенія разказовъ о политическихъ событіяхъ. Тамъ, говорится о причинахъ разрыва между Швеціей и Польшею въ пятидесятиль годахъ (I, 7 и слѣд.), сообщаются договорныя статьи перемирія между обѣими державами въ 1655 году (стр. 15 и слѣд.), говорится объ условіяхъ капитуляціи Кракова (стр. 60); затѣмъ слѣдуютъ описанія военныхъ и политическихъ событій отъ валахъ Кракова до битвы при Варшавѣ (стр. 40—66) и весьма обширный очеркъ дѣйствій шведской арміи съ 1656 по 1659 годъ (I, 70—124), отдѣльно отъ котораго разсказываются затѣмъ (I, 125 и слѣд.) походы самаго Гордона въ продолженіе этого трехлѣтія; далѣе встрѣчаемъ очерки военныхъ дѣйствій въ Пруссіи (I, 187 и слѣд.); отношеній между сѣверными державами съ 1660 до 1661 года (I, 299—304), извѣстія объ Англичанахъ въ Россіи (I, 365 и слѣд.), о событіяхъ въ Украйнѣ 1661—1663 гг. и проч. Мѣстами дневникъ содержитъ въ себѣ извлеченія изъ дѣловыхъ бумагъ или разныхъ черновыхъ записокъ, прошеній, счетовъ, писанныхъ самимъ Гордономъ; такъ напримѣръ, сообщаются записка, составленная Гордономъ для князя Голицына въ 1684 году о восточномъ вопросѣ (II, 5—11) записка его же о его жалобахъ и просьбахъ въ 1685 году (II, 85 и слѣд.); въ другихъ мѣстахъ встрѣчаются разные дѣловыя бумаги по управленію полкомъ, списки войскамъ, солдатамъ и офицерамъ, аммуниціи и разнымъ военнымъ снарядамъ, счета полковой казны и проч. Иногда документы сообщены цѣликомъ, напримѣръ, свидѣтельство о службѣ Гордона при оставленіи шведскаго войска (I, 150), такое же свидѣтельство при оставленіи польской службы (I, 277), письмо Гордона къ Жовентри (I, 401), письмо Янова II къ царямъ Ивану и Петру въ 1686 году (II, 150—151), письмо герцога Гордона къ князю Голицыну (II, 151), письмо Миддельтона къ Гордону (II, 165), записка о походѣ 1689 года (II, 249—250) и проч.

Изданіе дневника Гордона дѣлится на части и главы. Первая часть относится къ эпохѣ до вступленія въ русскую службу (I, 1—281), вторая обнимаетъ время отъ 1661 до 1684 года (II, 281 до конца); третья — отъ 1685 до 1692 года (II, 1—392), четвертая — отъ 1693 до 1695 года (II, 393—647), пятая — отъ 1696 до 1698 года (III). Раздѣленіе на главы въ первомъ томѣ обуславливается отдѣльными событіями въ жизни Гордона (напримѣръ, путешествіе въ Москву, приѣздъ въ Москву и поступленіе на службу и т. д.); во второмъ же и третьемъ томахъ при раздѣленіи на главы господствуетъ чисто

хронологическій принципъ, то-есть, нѣсколько лѣтъ составляютъ содержание главы.

Объемъ и подробность дневника весьма различны въ различное время. Вообще же поденныя записки становятся чѣмъ дальше, тѣмъ подробнѣе. По крайней мѣрѣ въ изданіи дневникъ особенно обширенъ въ девятидесятыхъ годахъ, но и тутъ годы рѣзко отличаются другъ отъ друга: 1695 годъ обнимаетъ не менѣе 146 страницъ, тогда какъ 1692 годъ помѣщенъ на 80 страницахъ. Последнія части дневника, благодаря большей подробности, заключаютъ въ себѣ особенно богатый матеріалъ для исторіи частной жизни Гордона, для исторіи хозяйственнаго и общественнаго быта. Особенно подробенъ дневникъ во время втораго Чигирянскаго похода, что объясняется важною ролью, которую Гордонъ игралъ въ этомъ событіи. Чрезвычайно много данныхъ и за время Азовскихъ походовъ, въ особенности перваго.

Гордонъ писалъ свой дневникъ не для потомства, но для себя, съ цѣлью дать себѣ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Можетъ быть, онъ такимъ образомъ желалъ собрать автобиографическій матеріалъ, которымъ могли бы пользоваться его дѣти и внуки. Въ особенномъ приложеніи къ дневнику онъ впрочемъ точнѣе опредѣляетъ свои взгляды и намѣренія при веденіи дневника. Вотъ эта замѣтка, сообщенная г. Поссельтомъ во введеніи къ первому тому изданія (I, VII): „Мнѣ не безызвѣстно“, пишетъ Гордонъ,—„что вообще считается дѣломъ труднымъ написать исторію своей собственной жизни или представить разказъ о тѣхъ событіяхъ, въ которыхъ участвовалъ самъ авторъ. Такимъ же образомъ и художнику трудно написать свой собственный портретъ. Такъ какъ я однако рѣшился оставаться въ предѣлахъ дневника, не подвергая какому-либо сужденію событія, не восхваляя и не порицая событія моей жизни, такъ какъ я слѣдую на этотъ счетъ правилу мудраго Катона, замѣтившаго: *nes te laudaris, nes te superaveris ipse*, я не думаю, чтобы это дѣло было особенно труднымъ. Оно тѣмъ менѣе представитъ затрудненія, что я пишу не для публики и (на случай, что кто-либо захочетъ прочесть писанное мною) охотно предоставляю каждому судить по своему усмотрѣнію о томъ, что происходило со мною. О государственныхъ дѣлахъ я упоминалъ лишь на столько, на сколько дошло до моего свѣдѣнія; о слухахъ и говорилъ какъ о слухахъ, о фактахъ—какъ о фактахъ. Нѣкоторые военные событія (о государственныхъ дѣлахъ, лежавшихъ внѣ моей сферы, я говорю рѣдко) я разказалъ въ связи; нѣкоторые изъ нихъ состоятъ въ связи съ моею жизнью; эти разказы

не полны, такъ какъ для того недоставало архивнаго матеріала; за то я большею частью былъ свидѣтелемъ-очевидцемъ тѣхъ событій, о которыхъ я писалъ. Однимъ словомъ я не могу представить лучшаго и болѣе основательнаго повода къ составленію этого труда, какъ именно мое собственное удовольствіе. Одобренія другихъ лицъ я не ищу, зная очень хорошо, что не даромъ считается дѣломъ невозможнымъ удовлетворить всѣхъ. Изъ этихъ словъ видно, что Гордонъ не рассчитывалъ на многихъ читателей для своего труда, а также и то, что онъ не хранилъ его въ тайнѣ.

Гордонъ писалъ, какъ мы знаемъ, много и охотно. Переписка съ разными лицами занимала его постоянно. Дома и во время путешествій и походовъ онъ постоянно велъ корреспонденцію и продолжалъ свой дневникъ. Довольно сложныя денежныя и коммерческія операціи требовали ежедневныхъ замѣтокъ въ дневникѣ, служившемъ также его прихода-расходною книгою. Гордонъ, какъ мы видѣли, былъ отличнымъ хозяиномъ. Любя порядокъ во всѣхъ отношеніяхъ, онъ постоянно былъ занятъ содержаніемъ въ точности разныхъ текущихъ счетовъ, которые имѣлъ съ разными лицами. Громадное число писемъ, отправляемыхъ и получаемыхъ Гордономъ, также требовало отчетливыхъ замѣтокъ. Весьма часто въ дневникѣ вносилось извлеченіе изъ этихъ писемъ. Однимъ словомъ, дневникъ служилъ Гордону памятною книжкою во всѣхъ отношеніяхъ.

Можно удивляться тому, что Гордонъ, столь много страствовавшій и столь часто хворавшій серьезно, былъ въ состояніи правильно и постоянно вести свой дневникъ. Нужно думать, что въ дни болѣзней онъ записывалъ по памяти событія нѣсколькихъ дней. Такъ напримѣръ, въ маѣ 1693 года онъ былъ сильно болѣнъ нѣсколько дней сряду, но тѣмъ не менѣе дневникъ именно за эти дни не представляетъ никакихъ пробѣловъ (II, 406). Также регулярно дневникъ продолжался во время осадъ и другихъ опасныхъ военныхъ дѣйствій, требовавшихъ сосредоточеннаго вниманія Гордова. Какъ ни занятъ былъ Гордонъ во время осады Читиринна, онъ все-таки дѣлалъ замѣтки о разныхъ приключеніяхъ этихъ недѣль. Гордонъ во все это время былъ заваленъ работою и нѣсколько разъ былъ раненъ; на немъ лежала самая тяжелая отвѣтственность; но какъ главнокомандующій въ Читиринѣ, онъ, вѣроятно, считалъ своею обязанностью собирать разныя данныя о ходѣ работъ, о всѣхъ частностяхъ наступательныхъ движеній непріятеля, о числѣ брошенныхъ въ крѣпость ядереъ, объ убыткахъ, раненыхъ. Если Гордону послѣ осады

пришлось представлять правительству донесеніе объ этомъ дѣлѣ, то дневникъ его заключалъ въ себѣ богатый матеріалъ для такого отчета.

Впрочемъ замѣтно, что иногда Гордонъ вносилъ подѣ известныя числа дневника тѣ или другія событія гораздо позже того, какъ они произошли. Такъ, 2-го февраля 1667 года умеръ Любомірскій; Гордонъ въ это время находился въ Англіи и готовился къ возвращенію въ Россію; въ дневникѣ его между 1-мъ и 4-мъ февраля среди разныхъ фактовъ, относящихся къ пребыванію его въ Англіи, записано о послѣдовавшей 2-го февраля кончинѣ Любомірскаго; очевидно, Гордонъ въ тотъ день не могъ знать объ этомъ событіи и поэтому не могъ сдѣлать замѣтки о немъ въ дневникѣ; мы узнаемъ даже, когда именно Гордонъ узналъ объ этомъ: 12-го марта 1667 года, во время пребыванія его въ Гамбургѣ, въ дневникѣ сказано: „здѣсь Гордонъ узналъ о томъ, что Любомірскій скончался въ Бреславлѣ 2-го февраля“. Очевидно, замѣтка 2-го февраля была позднѣйшею вставкою. Подобно сему и о кончинѣ короля Карла II записано въ дневникѣ въ самый день этого событія, а нѣсколькими недѣлями позже сказано: „Гордонъ узналъ чрезъ письма и газеты о кончинѣ Карла II и пр.“ (II, 61, 79).

Тѣ части дневника Гордона, которыя дѣйствительно имѣютъ форму подневной записки, заключаютъ въ себѣ почти исключительно факты безъ размышленій и сужденій. Чувства Гордона, его субъективный взглядъ, его личное отношеніе къ описываемымъ событіямъ большею частью остаются тутъ на заднемъ планѣ. О душевномъ настроеніи, о внутренней жизни автора дневника говорится очень рѣдко. Къ такимъ исключеніямъ должно отнести молитвы, внесенныя именно въ дни рожденія Гордона, и обыкновенно 31-го декабря, и далѣе замѣтки въ родѣ слѣдующихъ: 31-го марта 1692 года (въ день рожденія Гордона): „этотъ годъ былъ для меня весьма злосчастнымъ“ (въ этомъ году умерли оба его зятя); или 10-го октября 1696 года: „годовщина кончины моей первой жены—дорогой, любимой“. Такихъ замѣтокъ впрочемъ весьма мало. Даже въ случаѣхъ опасныхъ болѣзней или кончины того или другаго изъ ближайшихъ родственниковъ Гордона въ дневникѣ его не замѣчается проявленій душевнаго потрясенія или волненія. Вообще дневникъ можетъ быть названъ скорѣе холоднымъ протоколомъ внѣшнихъ фактовъ, чѣмъ фотографическимъ изображеніемъ внутренней, нравственной и умственной жизни Гордона.

ДНЕВНИКЪ КАКЪ ИСТОЧНИКЪ.

Дневникъ Гордона скорѣе похожъ на какую-либо газету, чѣмъ на историческое сочиненіе. Заключая въ себѣ множество драгоценныхъ данныхъ для исторіи важнѣйшихъ политическихъ событій второй половины XVII вѣка, онъ представляетъ однако для историка, желающаго имъ пользоваться, то затрудненіе, что эти данныя разбросаны на разныхъ его страницахъ и требуютъ разработки, толкованія. Впрочемъ политическія событія—отдѣльные походы или осады, мятежи и т. п., относящіяся къ извѣстному времени, все-таки гораздо легче изучаются по дневнику Гордона, чѣмъ исторія общественнаго развитія. Кто пожелаетъ, напримѣръ, воспользоваться дневникомъ Гордона для разработки исторіи Чигиринскихъ походовъ, тому достаточно, при строго хронологическомъ порядкѣ дневника, обратиться къ тѣмъ десяткамъ страницъ перваго тома, на которыхъ можно ожидать всѣ относящіяся къ этому событію данныя. За то пользованіе дневникомъ для разработки бытовой исторіи представляетъ значительное затрудненіе. Объ общественномъ бытѣ, о народной и частной экономіи, о нравахъ и обычаяхъ говорится въ дневникѣ много и часто; но собраніе и разработка тѣхъ намековъ Гордона, которые могутъ служить матеріаломъ для культурной исторіи Россіи во второй половинѣ XVII вѣка, составляетъ, при значительномъ объѣмѣ всего источника, громаднѣйшій трудъ. Поэтому въ нижеслѣдующихъ очеркахъ мы уважемъ на значеніе дневника Гордона какъ источника политической исторіи и исторіи общественнаго развитія и нѣсколько подробнѣе остановимся на этомъ послѣднемъ вопросѣ.

Шведско-польско-русская война 1655—1667 гг.

Гордонъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ участвовалъ въ борьбѣ между Польшей, Швеціей и Россіей. Онъ былъ то въ шведскомъ, то въ польскомъ лагерѣ и наконецъ перешелъ въ русскую службу. Въ продолженіе всего этого времени онъ старался составить себѣ точное понятіе о политическомъ значеніи каждаго, болѣе важнаго, военнаго событія. Въ особенности, пока онъ находился въ польской и шведской службѣ, старался онъ собирать разныя данныя о дипломатическихъ сношеніяхъ между главными державами. Иногда онъ воспроизводитъ

цѣликомъ содержаніе договоровъ. Такъ, напримѣръ, онъ приводитъ всѣ статьи капитуляціи Бразова осенью 1655 г. (I, 30 и слѣд.), договора между Швеціей и Бранденбургскимъ курфирстомъ въ іюнѣ 1656 г. (I, 56 и слѣд.), капитуляціи Варшавы также въ іюнѣ 1656 г. (I, 62 и слѣд.), нѣкоторыя прелиминарныя статьи о мирѣ между Швеціей и Польшею въ началѣ 1657 г. (I, 82), статьи договора между императоромъ Леопольдомъ I и Польшею въ маѣ 1657 г. (I, 99 и слѣд.), договора между Бранденбургомъ и Польшею въ Велаву (Wehlau) въ сентябрѣ 1657 г., важнаго тѣмъ, что въ силу этого договора отмѣнена была подчиненность Бранденбургскаго курфирста, какъ владѣтеля герцогства Пруссія, Подъскому королю (I, 112). Далѣе достойны вниманія для военной исторіи списки шведскимъ полкамъ, множество данныхъ о разныхъ мелкихъ сраженіяхъ, о количествѣ бранденбургскихъ войскъ и проч. Разказъ о знаменитой битвѣ подъ Варшавою въ концѣ іюля 1656 г. кратокъ (I, 66); о другихъ военныхъ дѣйствіяхъ говорится гораздо подробнѣе.

Гордонъ сообщаетъ нѣкоторыя подробности объ осадѣ Риги русскими войсками въ 1656 г. (I, 73—75). Онъ говоритъ о неимовѣрной быстротѣ движеній русскаго войска, при которомъ находился самъ царь, замѣчая, что Шведскій король узналъ о приближеніи Русскихъ лишь тогда, когда уже были взяты Кокенгузенъ и другія крѣпости и началась осада Риги. Самымъ важнымъ эпизодомъ осады была вылазка рижскаго гарнизона, сдѣланная особенно въ направленіи на ту часть русскаго осаднаго корпуса, въ которой командовалъ князь Яковъ Куденетовичъ Черкасскій. Потеря Русскихъ была значительна. Гордонъ разказываетъ о совѣщаніи, вслѣдствіе котораго царь Алексѣй Михайловичъ рѣшился снять осаду. Довольно важна слѣдующая замѣтка (I, 75): „Всѣ эти аргументы въ пользу снятія осады царю и вельможамъ казались недостаточно вѣскими; они полагали, что иностранцы, находившіеся въ русскомъ войскѣ, придумаютъ какое-либо средство для занятія города. Однако было распространено мнѣніе, что иностранцы какъ-то не хотѣли приступить къ крайнимъ мѣрамъ противъ Шведовъ. Между тѣмъ нашелся полковникъ, который вызвался высушить ровъ, окружавшій городъ, посредствомъ мельницъ. Предложеніе его было принято; полковника пригласили приступить къ этому дѣлу, но послѣ того какъ въ продолженіе пяти-шести дней множество народа измучилось при этой работѣ, нашли, путемъ геометрическихъ выкладокъ, что вода въ рѣкѣ была выше воды во ровѣ, и потому нужно было оставить эту работу“.

Вѣроятно, вся эта часть дневника писана Гордономъ уже въ слѣдствіи, во время пребыванія въ Россіи. Онъ могъ, какъ полагаютъ издатель дневника, узнать, наприимѣръ, о подробностяхъ сообщаній въ военномъ совѣтѣ (I, 75) отъ лица, участвовавшихъ въ немъ. Достаточно вниманія, что эпизодъ съ полковникомъ-иностраницемъ, изъявившимъ готовность высушить ровъ и этимъ принудить рижскій гарнизонъ къ сдачѣ, подтверждается разказомъ другаго современника, почти одновременно съ Гордономъ прибывшаго въ Россію, а именно Юрія Крижаняча, который пишетъ объ осадѣ Риги: „Нѣмцыиъ есть былъ онъ, кій ся есть былъ обвинанъ великому господарю Риги добыть, а за тѣмъ въ Ригу самъ ускочилъ“. Въ другомъ мѣстѣ главнаго сочиненія Крижаняча повторяется тотъ же разказъ, и сверхъ того прибавлено: „наряженъ на то отъ Нѣмцевъ, дабы царскія силы отвергнуль отъ менѣ обранныя (то-есть, укрѣпленныя) градовъ“¹⁾.

На пути въ Москву въ 1661 г. Гордонъ видѣлъ громадныя пушки, оставленныя Русскими, отступавшими въ 1656 г. отъ Риги въ Коленгугенъ (I, 286).

Для малороссійскія интересовали Гордона съ самаго начала его военной карьеры. Въ пятидесятыхъ годахъ онъ еще не имѣлъ въ виду, что ему придется провести нѣсколько лѣтъ въ Малороссіи, но значеніе малороссійскихъ смутъ и столыповевій, изъ-за Малороссіи между Россіей и Польшей не ускользнуло отъ его вниманія. Онъ упоминаетъ вратцѣ о дипломатическихъ сношеніяхъ между Шведскимъ королемъ и Богданомъ Хмѣльницкимъ въ 1655 г. (I, 34), о Зборовскомъ договорѣ (I, 44—46) и о началѣ войны между Россіей и Польшей въ 1654 г. Впослѣдствіи, въ 1678 г., на пути въ Чигиринъ Гордонъ остановился на ночь въ Конотопѣ и при этомъ случаѣ сообщаетъ въ своемъ дневникѣ разныя частности о Конотопской битвѣ 1659 г., которую онъ, впрочемъ, по ошибкѣ, относитъ къ 1656 г. (I, 459). Далѣе встрѣчаются у Гордона нѣкоторыя данныя о Выговѣ своемъ и Юріѣ Хмѣльницкомъ (I, 174—175). Особенно подробно разсказываетъ онъ военныя событія осени 1660 г. Тутъ онъ участвовалъ въ рядахъ польскаго войска въ борьбѣ съ Русскими и былъ свидѣтелемъ весьма важныхъ событій (I, 215 и слѣд.), между прочимъ — въ катастрофѣ русскаго войска подъ начальствомъ Шереметева при Чудновѣ. При этомъ случаѣ онъ подвергаетъ критикѣ образъ дѣйствіи

¹⁾ См. Соч. Юр. Крижаняча, изд. Безсоновымъ, I, 378; II, 259.

Русскимъ, не умѣющимъ воспользоваться стратегическими выгодами своего положенія. Въ этихъ военныхъ событїяхъ Гордонъ принималъ самое дѣятельное участіе. Любомірскій давалъ ему разныя, болѣе или менѣе важныя порученія; не разъ находился онъ въ крайней опасности. Описаніе всѣхъ этихъ событій составлено Гордономъ какъ знатокомъ дѣла. Его разказъ о военныхъ дѣйствїяхъ гораздо подробнѣе, чѣмъ, напримѣръ, у Кокковскаго (*Annales Poloniae climacter etc.*). Въ октябрѣ, когда русское войско хотѣло спасти себя отступленіемъ отъ Чуднова, и Поляки загородили ему дорогу, Гордонъ участвовалъ въ движенїяхъ послѣднихъ. Онъ узнавалъ разныя подробности объ измѣнѣ Цепуры, бывшей окончательнымъ ударомъ для Шереметева (I, 244). Далѣе онъ разказываетъ о капитуляціи Шереметева и о томъ, какъ послѣдній принужденъ былъ ѣхать въ татарскій лагерь, какъ Любомірскій со слезами прощался съ Шереметевымъ, когда послѣдняго наконецъ отправили въ Крымъ (I, 252). Самому Гордону въ это время приходилось сторожить не менѣе 2,000 казаковъ, взятыхъ въ плѣнъ Поляками. Онъ разказываетъ, какъ Татары уводили въ плѣнъ казаковъ цѣлыми тысячами, и какъ между Поляками и Татарами происходили споры и пререканія изъ-за военнопленныхъ (I, 248—256).

Это было послѣднее время пребыванія Гордона въ Польшѣ. О Польшѣ и Полякахъ онъ говоритъ нѣсколько разъ и въ своемъ дневникѣ, и въ письмахъ. Здѣсь и тамъ приводятся характеристическія черты польскаго житія-бытїя (см., напримѣръ, I, 165); Гордонъ разказываетъ, напримѣръ, о роскоши и о гостепрїимствѣ польскихъ пановъ, которые содержали оркестры для увеселенія своихъ гостей и устраивали разныя пиршества, иногда въ то самое время нуждаясь въ самыхъ необходимыхъ предметахъ, напримѣръ, въ постеляхъ, стульяхъ и пр. (I, 198). Иногда онъ хвалитъ Поляковъ* (напримѣръ, III, 412), но иногда довольно рѣзко осуждаетъ ихъ гордость и чванство (III, 255). Достойны вниманія разныя замѣчанія Гордона о Варшавскомъ сеймѣ весной 1661 г. (I, 268—271).

Еще до окончанія войны между Польшей и Россїей Гордонъ вступилъ въ русскую службу, но съ тѣхъ поръ почти вовсе не участвовалъ непосредственно въ военныхъ дѣйствїяхъ до Андрусовскаго мира. Тѣмъ не менѣе онъ зорко слѣдилъ за ходомъ дѣлъ и переписывался постоянно съ разными офицерами-иноземцами, сражавшимися въ Польшѣ на сторонѣ Россїи. Такъ, напримѣръ, онъ былъ въ состоянїи сообщить разныя данныя о разбитїи русскаго войска въ октябрѣ

1661 г. ¹⁾, подъ начальствомъ князя Хованскаго и Ордина-Нащокина, котораго Гордонъ при этомъ случаѣ называетъ „великимъ государственнымъ человѣкомъ“ (I, 308). Въ особенномъ очеркѣ Гордонъ излагаетъ „событія у казаковъ на Украйнѣ съ 1660 по 1663 годъ“ (I, 325—332). Тутъ говорится о соперничествѣ между Брѣховедкинь и Самкою, объ отношеніяхъ къ нимъ русскаго правительства и о разныхъ военныхъ дѣйствіяхъ. Разныя свѣдѣнія о событіяхъ въ Польшѣ и въ Малороссіи въ 1663 и 1664 гг., очевидно, почерпнуты Гордономъ изъ писемъ его пріятелей, Друммонда и Дальсера (I, 332—341 *passim*). Наконецъ нельзя не упомянуть о письмѣ Гордона къ князю Хованскому изъ Риги отъ 23-го іюля 1666 г., въ которомъ сообщены разныя свѣдѣнія о событіяхъ въ Польшѣ, въ томъ и характерѣ газетныхъ извѣстій (I, 622—623).

Западная Европа.

Выше было сказано, съ какимъ вниманіемъ Гордонъ слѣдилъ за событіями въ западной Европѣ. Хотя онъ и жилъ въ Россіи, но нѣкоторымъ образомъ участвовалъ въ этихъ событіяхъ, бывъ горячимъ приверженцемъ Стюартовъ и состоя въ самой тѣсной связи съ нѣкоторыми изъ важнѣйшихъ англійскихъ роялистовъ. Поэтому дневникъ Гордона можетъ служить довольно важнымъ источникомъ для изученія исторіи англійскихъ смутъ въ XVII столѣтіи. Едва ли въ какомъ-либо другомъ источникѣ найдется столько данныхъ объ англійскихъ и шотландскихъ эмигрантахъ, къ которымъ принадлежалъ самъ Гордонъ. Такъ, напримѣръ, едва ли гдѣ еще есть извѣстіе о нашествіи англійскихъ роялистовъ, находившихся въ Польшѣ, убить англійскаго посланника Бредшоу, возвращавшагося изъ Россіи въ 1658 г. ²⁾ Объ этомъ дипломатъ Гордонъ замѣчаетъ, что онъ не былъ принятъ въ Россіи (I, 154). О пребываніи англійскаго посланника Керлейя въ Россіи въ 1664 г. въ дневникѣ Гордона записаны лишь краткія и неважныя свѣдѣнія (I, 334—346). За то объ отправленіи самого Гордона въ Англію въ качествѣ дипломатическаго агента и о пребываніи его тамъ разказано весьма подробно. Послѣ

¹⁾ «Bei Kutschî Gori», I, 303; у Соловьева, X, 160: «При Кушлякахъ».

²⁾ Странно, что о пребываніи этого посланника Кромвелля ни слова не сказано въ сочиненіи г. Соловьева. Тамъ (XII, 298) говорится только о прибытіи въ Мосювъ въ 1654 г. Вильяма Придакса.

вступленія на престолъ Якова II Гордонъ съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за его политикою, которую, въ качествѣ отчаяннаго роялиста и католика, одобрялъ всолихъ: О заговорѣ Монмута, побочнаго сына Карла II, противъ Якова II, Гордонъ получилъ во время своего пребыванія въ Кіевѣ разныя извѣстія; такъ, между прочимъ, онъ записалъ въ свой дневникъ разныя стихи на латинскомъ языкѣ, сочиненныя въ Англіи по поводу этого событія, а также надгробныя надписи, сочиненныя для казненныхъ Монмута и Арджила (II, 108). Въ биографіи Гордона мы уже говорили о значеніи его дневника для исторіи Якова II во время пребыванія Гордона въ Англіи и Шотландіи въ 1686 г. Тутъ Гордонъ прямо вводитъ насъ въ кругъ самыхъ зачатыхъ сторонниковъ короля Вильгельма III. Гордонъ, какъ мы знаемъ, уже въ 1686 г. призналъ положеніе Якова II довольно опаснымъ. Онъ зналъ подробно о положеніи партій въ Англіи и не разъ, какъ мы видѣли, бесѣдовалъ съ княземъ Василіемъ Васильевичемъ Голицынымъ объ англійскихъ дѣлахъ. Не даромъ французско-польскій дипломатическій агентъ Невиль, бывшій въ Россіи въ 1689 г. и также толковавшій съ Голицынымъ о европейскихъ дѣлахъ, удивлялся тому, что Голицынъ былъ особенно хорошо знакомъ съ англійскими политическими событіями¹⁾ Мы знаемъ, что Голицынъ своимъ знаніемъ англійскихъ дѣлъ былъ обязанъ главнымъ образомъ Гордону, получавшему изъ Англіи и Шотландіи множество писемъ съ изложеніемъ всѣхъ тамошнихъ обстоятельствъ и сообщавшему такія извѣстія русскому правительству.

Разумѣется, замѣтки Гордонова дневника о ходѣ революціи 1688 года едва ли прибавятъ что-либо новаго къ тому, что уже извѣстно объ этомъ событіи, но изъ дневника, а еще болѣе изъ писемъ Гордона (въ приложеніяхъ къ третьему тому) видно, въ какой мѣрѣ была распространена партія роялистовъ во всей Европѣ, и въ какой степени приверженцы сверженнаго съ престола Якова II считали вѣроятнымъ, что ненавистный имъ Вильгельмъ не долго усидитъ на престолѣ. Кромя того, Гордонъ сообщаетъ разныя свѣдѣнія о составѣ англійскаго войска, объ англійскомъ бюджетѣ, о преніяхъ въ парламентѣ, объ отношеніяхъ Англіи къ Франціи и къ Голландіи. О разныхъ военныхъ событіяхъ въ борьбѣ между Англіей и Франціей упоминается неоднократно (см. напримѣръ, II, 311, 313, 389 и пр.).

О другихъ государствахъ говорится у Гордона лишь въ видѣ

¹⁾ Relation curieuse de la Moscovie. A la Haye, 1699.

исключенія. Такъ напримѣръ, сообщены in extenso условія, въ силу которыхъ герцогъ Брауншвейгъ-Ганноверскій былъ удостоенъ курфирстскаго званія (II, 396). Очевидно, нѣкоторыя замѣтки, относящіяся къ событіямъ въ Испаніи (II, 52), Португаліи (II, 498) и пр., были заимствованы Гордономъ изъ газетъ, преимущественно голландскихъ, о которыхъ въ дневникѣ говорится довольно часто.

Восточный вопросъ.

Кратки и ничтожны разныя замѣтки Гордона объ отношеніяхъ Германской имперіи и Польши къ Оттоманской Портѣ, о разныхъ событіяхъ войны между Австріей и Турціей въ 1688 и слѣдующихъ годахъ. Подробнѣе говорится о столкновеніяхъ между Польшей, Турками и Татарами. Во время своего пребыванія въ Кіевѣ до 1686 года Гордонъ весьма часто имѣлъ случай получать самыя подробныя извѣстія, напримѣръ, о вторженіяхъ Татаръ въ предѣлы Польши, объ опустошеніи ими того или другаго польскаго города, о борьбѣ политическихъ партій въ Польшѣ и т. п. Даже Россія содержала агентовъ, отправляемыхъ въ Польшу за такими извѣстіями. О такомъ агентѣ Сусловѣ и собранныхъ имъ свѣдѣніяхъ Гордонъ пишетъ (II, 52, 53, 96, 101, 111, 112); далѣе говорится о какомъ-то купцѣ, чрезъ котораго въ Россіи узнавали о происходившихъ на западѣ событіяхъ (II, 89, 94, 95, 105, 107, 111). Мѣстная власть въ Кіевѣ была обязана тотчасъ же по полученіи такихъ извѣстій сообщать обо всемъ въ Москву (II, 53, 72, 81 и пр.). Многія изъ этихъ данныхъ пригодились бы при изученіи исторіи Польши въ ту эпоху.

Долго жилъ Гордонъ въ Малороссіи; но къ сожалѣнію, только часть дневника, веденнаго имъ въ это время, сохранилась, а именно — та, которая относится къ періоду съ 1684 по 1686 годъ. Особенно въ это время, Гордонъ долженъ былъ интересоваться движеніями Татаръ, предпріятіями, нападеными на польскія и русскія владѣнія. Собрать изъ дневника всѣ сюда относящіеся данныя было бы достойною монографическою задачею. Тутъ встрѣчается довольно полная статистика случаевъ насилія и грабежа со стороны Татаръ. Впрочемъ, уже и ранѣе того говорится объ этомъ предметѣ. Въ началѣ 1662 года Гордонъ сообщаетъ подробно о воцвленіи Татаръ у Сѣвска и Карачева и объ уведеніи ими въ плѣнъ значительнаго числа жителей (I, 305). Въ 1684 году разказано о сожженіи города Умани, бывшего тогда подъ властью Польши (II, 80, 84), о появленіи

ни Татаръ цѣлыми сотнями въ окрестностяхъ Кіева (II, 46). Довольно подробно разсказано о сожженіи города Немирова и объ увѣщеніи въ кѣльяхъ всѣхъ жителей (II, 66, 67, 68, 71, 72). Въ продолженіе 1685 года неоднократно говорится о другихъ подобныхъ же случаяхъ (II, 82, 89, 103, 104 и пр.). Не даромъ именно въ то время русское правительство мечтало о войнѣ съ Татарами. Къ этому времени относится составленіе Гордономъ записки о такой войнѣ для князя Голицына (II, 8—11), и рѣшеніе правительства не отправлять болѣе посланниковъ въ Крымъ (II, 59).

Главное значеніе, которое имѣютъ дневникъ Гордона какъ источникъ для исторіи политическихъ событій, относится къ тѣмъ важнымъ военнымъ событіямъ въ сферѣ восточнаго вопроса, въ которыхъ участвовалъ самъ Гордонъ. Мы поэтому укажемъ вкратцѣ на дневникъ Гордона, какъ на историческій матеріалъ для исторіи Чигиринскихъ, Крымскихъ и Азовскихъ походовъ.

При разборѣ этого вопроса нельзя не замѣтить, что дневникъ Гордона чѣмъ дальше, тѣмъ больше становится въ нѣкоторомъ отношеніи одностороннимъ. Въ то время, когда Гордонъ слѣдилъ за событіями польско-шведско-русской войны, онъ не ограничивался сообщеніемъ фактовъ военной исторіи и часто говоритъ весьма подробно о дипломатическихъ переговорахъ и трактатахъ и пр. Впослѣдствіи, во время своего участія въ войнахъ съ Татарами и съ Турками, онъ почти вовсе не говоритъ о политикѣ и сосредоточиваетъ все свое вниманіе на однихъ военныхъ событіяхъ, которыя за то разсказываются очень подробно. Такъ—частію, впрочемъ, вслѣдствіе пробѣловъ въ дневникѣ—мы узнаемъ изъ этого источника лишь немного о причинахъ столкновеній Россіи съ Крымскимъ ханомъ и съ Оттоманскою Портою; за то для военной исторіи этихъ походовъ едва ли какой-нибудь источникъ равняется дневнику Гордона подробностью и основательностью данныхъ. Потому-то на эту часть дневника Устряловъ обращалъ особенное вниманіе при изображеніи Крымскихъ и Азовскихъ походовъ.

Чигиринъ 1677 и 1678 гг.

О кавказскихъ смутахъ имѣвшихъ слѣдствіемъ разрывъ между Турціей и Россіей и осадѣ Чигирина, въ дневникѣ Гордона говорится весьма мало. Дневника недостаетъ съ 1667 по начало 1677 года. Въ это время Гордонъ находился въ Малороссіи, жилъ большею

частью въ Сѣвскѣ, и безъ сомнѣнія, въ потерянной части дневника повѣствовалося болѣе или менѣе подробно о гетманствѣ Брюховецкаго, о дѣйствіяхъ Дорошенка, о Многогрѣшномъ и объ участіи въ малоросійскихъ смутахъ Турокъ и Татаръ. Даже о важнѣйшемъ событіи, о переходѣ Дорошенка на сторону Россіи, повлекшемъ за собою Чигиринскую войну, не упоминается въ дневникѣ, въ началѣ 1677 года.

Достоинно вниманія слѣдующее обстоятельство: Гордонъ въ началѣ 1677 года находился въ Москвѣ; около этого же времени тамъ былъ и Дорошенко, имѣвшій аудіенцію у царя Θεодора 28-го марта ¹⁾. Объ этой аудіенціи Гордонъ упоминаетъ весьма кратко (I, 416). Затѣмъ о Дорошенкѣ болѣе не говорится.

О первомъ Чигиринскомъ походѣ говорится совсѣмъ подробно (I, 422, 460). Гордонъ разказываетъ, что русское правительство занималось въ то время какии-то денежнымъ проектомъ. Намѣревались выпустить монеты на подобіе польскихъ. Сообщая объ этомъ Гордонъ замѣчаетъ, что онъ считалъ такую мѣру неприличною и невозможною (I, 421). Затѣмъ слѣдуютъ многія частности о маршрутѣ той части войска, при которой находился Гордонъ, и о разныхъ движеніяхъ русскаго войска вообще. Какъ мы видѣли, Гордонъ въ это время игралъ въ русскомъ войскѣ довольно важную роль. Полководцы руководствовались его указаніями и совѣтами. Наконецъ, онъ разказываетъ довольно подробно объ осадѣ крѣпости по донесенію Трауернихта и по дневнику полковника фонъ-Фрогтена (I, 434—446). Число убитыхъ и раненыхъ показано подробно (I, 446); далѣе говорится о разбѣжкѣ крѣпости и города и сообщается списокъ турецкихъ офицеровъ (I, 447). Довольно тщательно собраны Гордономъ данныя о численности турецкаго войска (I, 448). Достоинно вниманія замѣчаніе Гордона, что казаки чрезвычайно неблагоприятно отзывались о духѣ русскаго войска; не отличавшагося мужествомъ (I, 446).

Гораздо самостоятельнѣе и богаче содержаніемъ разказъ Гордона о второмъ Чигиринскомъ походѣ (I, 464—552). Ни о какомъ предметѣ, исключая перваго Азовскаго похода, во всемъ дневникѣ не повѣствуется столь обстоятельно, какъ объ этомъ событіи, въ которомъ Гордонъ игралъ главную роль. Къ этому разказу приложенъ весьма тщательно составленный планъ Чигиринской крѣпости. Ежедневно записывались Гордономъ всѣ военныя обстоятельства осады. Такъ напримѣръ, онъ ежедневно отиѣчаетъ о числѣ ядеръ и бомбъ,

¹⁾ Соловьевъ; XII, 263: 20-го марта; у Гордона: 18-го марта.

брошенныя Турками въ крѣпость, и о числѣ убитыхъ и раненыхъ въ крѣпости. Подробно говорится о числѣ наводившихся въ Чигиринѣ войскъ, о количествахъ бывшихъ тамъ военныхъ припасовъ (I, 477 и 480), о манифестѣ Юрія Хмѣльницкаго, брошенномъ въ крѣпость (I, 495—96). На некоторыхъ подробности исторіи этой второй осады Чигирина мы указали уже въ первой части нашего труда. Мы видѣли, что и до смерти Ржевскаго, Чигиринскаго коменданта, Гордонъ былъ душою всѣхъ мѣръ, принятыхъ для обороны крѣпости. Послѣ кончины Ржевскаго онъ сдѣлался главнокомандующимъ. Онъ послѣднимъ оставилъ Чигиринъ, когда оказалось невозможнымъ держаться долѣе въ крѣпости. Его разказъ о послѣднихъ фазисахъ осады, о катастрофѣ Чигирина въ высшей степени привлекателенъ и незамѣнимъ никакимъ другимъ источникомъ. Нельзя не удивляться тому, что въ разныхъ сочиненіяхъ, напримѣръ, въ Исторіи Турціи Гаммера-Пургиталла, въ Исторіи Россіи Соловьева, при этомъ случаѣ ни слова не сказано о Гордонѣ.

Исторія осады Чигирина въ 1678 году въ дневникѣ Гордона обнимаетъ 80 страницъ. Затѣмъ еще слѣдуетъ довольно подробное изложеніе дѣйствій русскаго войска подъ начальствомъ Ромодановскаго, не успѣвашаго принять мѣръ необходимыхъ для спасенія крѣпости. Гордонъ указываетъ на ошибки, сдѣланныя Ромодановскимъ (I, 551). Наконецъ, разказывается исторія отступленія русскаго войска къ Дѣбру и пр.

Крымскіе походы, 1687 и 1689 гг.

Извѣстія объ участіи малороссійскаго войска въ Крымскихъ походахъ и паденіи гетмана Самойловича во время перваго похода даютъ дневнику Гордона значеніе источника и для исторіи этихъ событій.

Бывъ въ Малороссіи и до этихъ походовъ, хорошо знакомый съ бытомъ казаковъ и находясь въ весьма близкихъ отношеніяхъ съ самимъ гетманомъ, Гордонъ былъ въ состояніи сообщить разныя данныя о значеніи этой личности и о расположеніи казацкаго войска. Въ дневникѣ 1684 года разказаны разные случаи смуты въ Малороссіи. Какъ извѣстно и изъ другихъ источниковъ, гетманъ Самойловичъ былъ надежнымъ сторонникомъ Россіи; въ этомъ отношеніи важно замѣчаніе Гордона 8-го іюня 1684 года, что гетманъ въ это время считался правительствомъ „единственнымъ правителемъ и былъ душою рѣшеній Россіи“ (II, 29). Къ нему были отправлены для со-

вѣщаній о восточномъ вопросѣ сначала Семенъ Алмазовъ (II, 79), а затѣмъ въ ноябрѣ 1684 года Украинцевъ (II, 45). О результатѣ совѣщаній между Украинцевымъ и Самойловичемъ мы знаемъ изъ архивныхъ извѣстій, сообщенныхъ г. Соловьевымъ въ XIV-мъ томѣ его Истории Россіи (стр. 21—25). Гордонъ, сообщившій по случаю отъправленія Семена Алмазова къ Самойловичу, что гетманъ высказался въ пользу сохраненія мира, не говоритъ вовсе о результатахъ совѣщаній гетмана съ Украинцевымъ. За то онъ и въ другомъ мѣстѣ замѣчаетъ, что гетманъ все еще „считается оракуломъ“ (II, 31). Можетъ быть, онъ былъ недоволенъ тѣмъ, что мнѣніе Самойловича въ отношеніи къ вопросу о разрывѣ съ Турками и Татарами имѣло въ глазахъ правительства болѣшій вѣсъ, нежели его собственное. Мы знаемъ изъ записки Гордона, составленной въ началѣ 1684 гѣда, что онъ проповѣдывалъ войну. Самойловичъ, напротивъ того, постоянно говорилъ въ пользу сохраненія мира. Правительство медлило разрывомъ съ Татарами еще два-три года послѣ того; какъ Гордонъ и Самойловичъ были спрошены о ихъ мнѣніи. Значитъ, правительство руководствовалось соображеніями гетмана.

Извѣстно, въ какой мѣрѣ казачье войско было шатко, ненадежно, готово измѣнить Россіи. Въ этомъ отношеніи любопытны нѣкоторыя данныя въ дневникѣ Гордона. Онъ разказываетъ о разныхъ польскихъ эмиссарахъ, которые являлись въ Малороссію съ цѣлью склонить казаковъ къ службѣ Польскаго короля, о польскихъ денеграхъ, игравшихъ нѣкоторую роль въ этихъ смутахъ, и о томъ, что казаки не желали побѣды Россіи надъ Крымомъ. Весьма подробно говорится о настроеніи умовъ въ Малороссіи въ началѣ похода 1687 года и объ опасеніяхъ казаковъ, что успѣхи Россіи въ войнѣ съ Татарами будутъ имѣть слѣдствіемъ ограниченіе казачьихъ привилегій (II, 177 и слѣд.). Тутъ прямо сказано, что гетманъ самъ раздѣлялъ такія мысли съ „умнѣйшими“ изъ казаковъ. Далѣе замѣчено, что казаки и Татары находились въ равномъ положеніи, что между ними существовала нѣкоторая солидарность интересовъ, и что поэтому они всегда были склонны къ прямымъ сношеніямъ между собою. Татары и казаки, говоритъ Гордонъ, — прямо рассчитывали другъ на друга въ случаѣ опасности. Правительство знало обо всемъ этомъ и потому окружало гетмана лазутчиками; Самойловичъ, въ свою очередь, подозрѣвая такой надзоръ, дѣйствовалъ какъ нельзя болѣе осторожно, но иногда высказывалъ свое мнѣніе откровенно, и напримѣръ, не скрывалъ своего неудовольствія по случаю заключенія договора между

Польшей и Россіей и проч. О положеніи Самойловича, его отношеніяхъ къ русскому правительству, авторитетъ, которымъ онъ пользовался у казаковъ, ненависти къ нему народа изъ-за разныхъ финансовыхъ мѣръ, сребролюбіи и властолюбіи его и проч. Гордонъ сообщаетъ самыя важныя данныя (II, 179—181). На этотъ разъ онъ, въ видѣ исключенія, рѣшился подробнѣе сказать о характерѣ политическихъ дѣйствій самого Самойловича. Всѣ эти данныя должны быть приняты въ соображеніе при изученіи исторіи похода 1687 года вообще и исторіи катастрофы гетмана Самойловича въ особенности.

Для исторіи похода въ тѣсномъ смыслѣ, то-есть, въ отношеніи къ топографіи, хронологіи и т. п., дневникъ Гордона можетъ считаться главнымъ источникомъ. Довольно подробный разказъ у Невилля (*Relation curieuse*) менѣе важенъ, потому что этотъ французско-польскій дипломатъ писалъ лишь по разказамъ другихъ лицъ, главнымъ образомъ, какъ кажется, по разказу пристава Снафарія, не участвовавшаго, сколько намъ извѣстно, въ походъ. Съ самимъ Геллицынымъ, съ которымъ Невилль бесѣдовалъ о равныхъ предметахъ, онъ едва ли говорилъ о событіи, имѣвшемъ столь прискербное значеніе въ жизни князя. Разказомъ Гордона о маршрутѣ воспользовался особенно Устряловъ въ первомъ томѣ своего сочиненія о Петрѣ Великомъ. Разказъ Гордона о паденіи Самойловича воспроизведенъ Соловьевымъ въ XIV-мъ томѣ Исторіи Россіи. Что касается страданій, болѣзней и смертности въ русскомъ войскѣ, то разказъ Лефорта въ письмѣ къ брату (*Posselt, Lefort, I, 371* и слѣд.) превосходитъ дневникъ Гордона богатствомъ данныхъ и живостью выраженій. За то у Гордона встрѣчается множество извѣстій о неумѣнн военнаго совѣта вести дѣло, о числѣ солдатъ, выбывшихъ изъ строя, о наградахъ и т. д. (II, 161—201).

Гордонъ говоритъ о слухѣ, что заженіе степной травы, имѣвшее столь гибельныя послѣдствія для русскаго войска, было сдѣлано по распоряженію Самойловича. Онъ однако нигдѣ не высказываетъ, что дѣйствительно считаетъ гетмана виновникомъ этой мѣры. Напротивъ того, Лефортъ не сомнѣвался въ этомъ. По мнѣнію Устрялова, обвиненіе Самойловича въ измѣнѣ было явною клеветой: его мнимое участіе въ стѣнныхъ пожарахъ — полагаетъ Устряловъ — ничѣмъ не доказано.

О дѣйствіяхъ Татаръ съ 1687 до 1689 годъ Гордонъ сообщаетъ разныя данныя, заключающіяся почти исключительно въ разказахъ о нападеніяхъ Татаръ на тотъ или другой городъ и объ уведеніи въ

плѣны множества народу (II, 207, 214, 227, 236 и проч.). Такие случаи, какъ мы знаемъ изъ дневника Гордона, повторялись и послѣ втораго Крымскаго похода (II, 269, 306, 307, 336 и проч.).

О походѣ 1689 года Гордонъ говоритъ (II, 227—265) менѣе подробно, чѣмъ о первомъ. Его разказы объ этихъ событіяхъ, впрочемъ, встрѣчаются не только въ дневникѣ, но и въ другихъ источникахъ. О походѣ 1689 года Гордонъ разказываетъ довольно подробно въ письмѣ къ графу Эрролю¹⁾. Далѣе, разныя данныя объ этихъ событіяхъ, между прочимъ и весьма наглядное изображение распорядка русскаго войска во время похода, встрѣчаются въ дневникѣ Корба, имѣвшаго случай бесѣдовать съ Гордономъ объ этомъ предметѣ.

Гордонъ, принимавшій непосредственно участіе въ приготовленіяхъ къ походу, разказываетъ между прочимъ о постройкѣ крѣпости Богородицка, о совѣщаніяхъ въ Москвѣ до похода, объ отправленіи Шакловитаго къ гетману Мазепѣ для совѣщаній о предстоящемъ походѣ и о результатахъ этой поѣдки и пр. Событія самаго похода изложены весьма кратко, но нѣкоторыя топографическія данныя, сообщаемыя Гордономъ, опять-таки незамѣнимы никакимъ другимъ источникомъ. Къ сожалѣнію, Гордонъ вовсе не говоритъ о переговорахъ между Голицынымъ и ханомъ у Перекопа и не сообщаетъ данныхъ о числѣ солдатъ, выбившихъ изъ строя. Въ этомъ отношеніи въ письмахъ Дефорта (Posselt, Lefort, I, 399) встрѣчаются весьма любопытныя свѣдѣнія.

Не особенно важны разныя извѣстія Гордона о Татарахъ, относящіяся къ эпохѣ между Крымскими и Азовскими походами. Онѣ разбросаны въ разныхъ мѣстахъ дневника (напримѣръ, II, 302, 346, 367, 398, 400 и проч.).

Азовскіе походы, 1695, 1696, 1697 гг.

Въ ряду источниковъ объ этихъ походахъ дневнику Гордона принадлежатъ первое мѣсто. Въ донесеніяхъ австрійскаго дипломатическаго агента Шейера, также участвовавшаго въ первомъ Азовскомъ походѣ, заключаются многія важныя дополненія къ даннымъ, сооб-

¹⁾ См. изд. *Posselt's*, II, 236—238. Устриловъ перепечаталъ это письмо на англійскомъ языкѣ въ I-й томъ своего труда, стр. 309 и слѣд.

шаемыиъ Гордономъ¹⁾; въ письмахъ Лефорта, сообщеннѣхъ Посселя-
томъ, также есть любопытныя свидѣнія; но ни одинъ изъ этихъ ис-
точниковъ не можетъ быть сравниваемъ съ дневникомъ Гордона
относительно подробности и полноты топографическихъ данныхъ.

Въ особенности исторія перваго похода разказана весьма по-
дробно. Даже Читиринскому дѣлу 1678 года не посвящено въ днев-
никѣ Гордона столько мѣста, какъ исторіи похода 1695 года. Разказъ
этотъ обнимаетъ болѣе ста страницъ. Исторія втораго Азовскаго
похода разказана несравненно короче.

Весьма много частныхъ въ дневникѣ Гордона сообщается о при-
готовленіяхъ къ первому походу и совѣщаніяхъ по этому поводу между
Петромъ и важнѣйшими военачальниками. Мы уже видѣли выше, въ
какой мѣрѣ Гордонъ пользовался тогда довѣріемъ Петра. Весьма по-
дробно описанъ у Гордона маршрутъ того отряда войска, которымъ
онъ командовалъ. Далѣе сообщены разныя статистическія данныя о
числѣ войскъ, объ амуниціи и проч. Весьма любопытны бесѣды Гор-
дона съ казаками на пути въ Азовъ. Изъ нихъ видно, что и при
этомъ случаѣ казацкій элементъ оказался ненадежнымъ, шаткимъ,
своевольнымъ. Что касается военныхъ событій подъ Азовомъ, то мѣ-
стами сужденія Гордона объ ошибкахъ, сдѣланныхъ другими генера-
лами, а именно Лефортомъ, оказываются не безпристрастными. На
такіе недостатки повѣствованія Гордона указывали генералъ Рачъ
въ своей монографіи объ Азовскомъ походѣ и Посселятъ въ своей
монографіи о Лефортѣ²⁾.

Гордонъ участвовалъ во всѣхъ попыткахъ штурмовать крѣпость,
предпринятыхъ впрочемъ противъ его мѣнія; какъ одно изъ важ-
нѣйшихъ дѣйствующихъ лицъ въ этихъ событіяхъ, какъ генералъ,
отъ котораго зависѣли важнѣйшія распоряженія, какъ самый опыт-
ный воинъ во всемъ русскомъ войскѣ, Гордонъ могъ составить самый
подробный разказъ о всѣхъ этихъ фактахъ. Исторія отступленія отъ
Азова нѣсколько менѣе подробна. Такъ напримѣръ, объ ужасныхъ
лишеніяхъ войска на возвратномъ пути Плейеромъ сообщены разныя
данныя, которыхъ нѣтъ вовсе въ дневникѣ Гордона. Въ концѣ II-го

¹⁾ См. соч. Устрялова, Приложенія ко II-му тому. О значеніи Плейеровыхъ
донесеній, какъ источника для Азовскаго похода, см. соч. г. Гассельблатта, Отто-
Антонъ Плейеръ въ журналѣ *Russische Revue*, т. VII, стр. 297.

²⁾ См. *Rosset*, II, 283. Исследование генерала Рача напечатано въ *Армил-
лерійскомъ Журналѣ* 1857 г., № V.

тома (стр. 645 и 646) Гордонъ сообщаетъ статистику убитыхъ, раненыхъ, умершихъ во время похода отъ разныхъ болѣзней, а также говорить о солдатахъ, оставшихся въ каманчахъ близъ Азова.

Для исторіи второго Азовскаго похода мы имѣемъ, кромѣ дневника Гордона, „Описание похода боярина Шеина“, изданное Рубаномъ (1773 г.). Въ дневникѣ Гордона достойны вниманія данныя о приготовленіяхъ къ походу. Тутъ опять сообщаются списки аммуниціи, солдатъ и проч. О кораблестроеніи говорится сравнительно мало. Весьма любопытны нѣкоторыя данныя о расположеніи духа Петра во время осады Азова въ 1696 году (II, 34), о постройкѣ вала, о приѣздѣ и дѣйствіяхъ иностранныхъ инженеровъ, объ экспедиціи Запорожскихъ казаковъ на Черное море, о поѣздкѣ Петра для отысканія удобнаго мѣста для гавани и т. п.

Въ третій разъ Гордонъ былъ въ Азовѣ въ 1697 году. Тутъ вообще весьма подробно разказаны военныя дѣйствія русскихъ войскъ не только у Азова, но и въ другихъ мѣстахъ на югѣ. Мы узнаемъ о разныхъ болѣе или менѣе серьезныхъ столкновеніяхъ русскихъ войскъ съ турецкими и татарскими, о томъ, что происходило въ этомъ году въ Крыму, у Тамани и Казикермана, о дѣйствіяхъ малороссійскихъ войскъ и Мазепы. Топографія всѣхъ движеній русскихъ войскъ обозначена точно и ясно (III, 97—157).

Петръ Великій.

Въ дневникѣ Гордона заключается богатый матеріалъ и для личной исторіи Петра Великаго. О занятіяхъ, увеселеніяхъ, объ образѣ жизни Петра съ осени 1689 года до 1697 года, то-есть, до отъѣзда Петра за границу, едва ли въ какомъ-либо другомъ источникѣ встрѣчается столько данныхъ. Руководствуясь этимъ источникомъ, мы почти ежедневно можемъ слѣдить за Петромъ и узнаемъ, у кого онъ бывалъ, съ кѣмъ бесѣдовалъ, надъ чѣмъ трудился, гдѣ пировалъ, какія предпринималъ поѣздки и проч.

Впрочемъ еще прежде кризиса 1689 года. Петръ въ дневникѣ Гордона начинаетъ играть довольно важную роль. Въ біографическомъ очеркѣ Гордона мы ужъ указывали на нѣкоторыя данныя о потѣшномъ войскѣ, въ образованіи котораго принималъ Гордонъ хотя бы косвенное участіе; о борьбѣ партій, объ антагонизмѣ между Софіей и Петромъ у Гордона встрѣчаются очень важныя намеки. Въ 1687 году 25-го января Петръ въ первый разъ участвовалъ въ собраніи совѣта

при дворѣ (II, 209). Вообще же Петръ жилъ особо, между тѣмъ какъ царь Иванъ находился постоянно при царевнѣ Софїи. Правительница и Иванъ 21-го іюля 1688 года объѣзжали у Голицына въ имѣніи послѣдняго. Черная Грязь (II, 223). 23-го сентября 1688 года Петръ велѣлъ призвать цыганскаго псаца и разспрашивалъ его о положеніи цыгана и о разныхъ межочкахъ, что, какъ замѣчаетъ Гордонъ, — весьма не понравилось „другой партіи“ (II, 229). О „партіи“, противоположной Петру, говорится и въ другомъ мѣстѣ (II, 230). Любопытно слѣдующее обстоятельство: 23-го ноября 1688 года Петръ отправился въ Савдину монастырь, откуда возвратился 27-го, а послѣ того тотчасъ же отправился въ Преображенское; 31-го ноября въ этотъ же самый монастырь отправилась царевна Софїя съ царемъ Иваномъ и княземъ Голицынымъ (II, 238—239). Отъ вниманія Гордона не ускользнуло то обстоятельство, что въ день Петра и Павла въ 1689 году не праздновали тезоименитства юнаго царя (II, 263).

О богатствѣ данныхъ въ дневникѣ относительно государственнаго переворота 1689 года мы уже говорили въ біографическомъ очеркѣ. Объ этомъ событіи Гордонъ упоминаетъ еще въ письмѣ къ графу Эрролло (III, 239), но тутъ не встрѣчается никакихъ новыхъ данныхъ.

Изъ нѣкоторыхъ замѣтокъ Гордона видно, что и послѣ 1689 года дѣйствія Петра были нѣсколько стѣснены враждебною ему партіей. Такъ, напримеръ, Гордонъ выражаетъ надежду на большія награды въ то время, когда Петръ будетъ царствовать одинъ, безъ брата (III, 260). Въ іюль 1690 года были отправлены въ Сѣвскъ и Бѣлгородъ два сѣвляцкіе полка, потому что ихъ настроеніе было не-удовлетворительно (II, 306). Досройны вниманія нѣкоторыя данныя о выборѣ патриарха послѣ смерти Іоакима (II, 309—316). Изъ дневника видно, что Петръ желалъ избранія Псковскаго митрополита Маркелла; тогда какъ царица Наталья Кирилловна и нѣкоторыя духовныя лица, опасаясь учености и вѣротерпимости Маркелла, стояли за избраніе Казанскаго митрополита Адриана. Гордонъ самъ, очевидно, желалъ выбора Маркелла. Онъ замѣчаетъ, что даже и большая часть высшаго духовенства (the generality of the clergy), ненавидѣли Маркелла за его ученость и разныя другія добрыя и высокія качества“ (II, 315). Нѣсколько загадочнымъ можетъ считаться слѣдующее замѣчаніе: 30-го ноября 1690 года: „Гордонъ былъ у цара въ Покровскомъ прищель; какой-то человекъ и пророкиль нѣсколько словъ о предстоящемъ будто: бѣ въ Москвѣ мятежъ“ (II, 326).

На дневнику Гордона можно бы составить довольно точную ста-

тистичку случаевъ пребыванія Петра въ Нѣмецкой слободѣ въ девятидесяти годахъ. То у Лефорта, то у Гордона, то у другихъ лицъ для него устраивались пирушки. Петръ участвовалъ весьма часто въ свадьбахъ иноземцевъ, иногда бывалъ на похоровахъ и пр. Можно слѣдить за компаніей, въ которой находился Петръ ежедневно; для исторіи значенія Бориса Голицына и Нарышкина дневникъ Гордона можетъ служить важнѣйшимъ источникомъ. О потѣхахъ и маневрахъ, о поѣздѣ Петра въ Архангельскъ, о большихъ маневрахъ въ Коломенскомъ, объ отношеніяхъ Петра къ военнымъ дѣйствіямъ во время Азовскихъ походовъ въ дневникѣ встрѣчается множество важныхъ и пока еще лишь отчасти разработанныхъ данныхъ. Почти никто, кромѣ Устрялова, не обращалъ пока вниманія на дневникъ Гордона для изученія исторіи личнаго развитія Петра до Азовскихъ походовъ. Дневникъ Гордона доставляетъ намъ возможность, такъ-сказать, взглянуть въ частную жизнь Петра въ первое время его царствованія. Нѣкоторыя черты жителя-бытья Петра имѣютъ чисто анекдотическій характеръ; но многочисленность данныхъ этого рода доставляютъ біографу Петра случай составить себѣ понятіе и о его внутреннемъ развитіи въ это время. Пребываніе Петра въ Нѣмецкой слободѣ въ семьѣ Гордона, у Лефорта и у другихъ иноземцевъ не менѣе важно въ исторіи Петра, чѣмъ его отношенія къ Тиммерману и Бранту или его пребываніе въ Сардахъ. На этотъ счетъ развѣ только дневникъ Корба въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ представляетъ собою столь же богатый матеріалъ для исторіи Петра Великаго, но между тѣмъ какъ Корбъ слѣдилъ за Петромъ весьма недолго, Гордонъ жилъ съ Петромъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ.

О заговорѣ Цыклера и Соковнина говорится у Гордона лишь кратко и отрывочно. За то объ этихъ лицахъ упомянуто въ прежнихъ частяхъ дневника. Слѣдовало бы сопоставить всѣ данныя объ этихъ заговорщикахъ, сообщенныя въ дневникѣ Гордона. Изъ разказа его не видно, былъ ли онъ свидѣтелемъ казни преступниковъ, но казнь эта описана имъ довольно подробно, хотя и не прибавлено ничего существеннаго противъ извѣстій Желябужскаго и другихъ источниковъ.

Что касается исторіи послѣднаго стрѣleckаго бунта, то она у Корба разказана чрезвычайно полно и рельефно. Но, впрочемъ, Корбъ о разныхъ дѣйствіяхъ войска, которымъ командовали Шенинъ и Гордонъ, узналъ, вѣроятно, главнымъ образомъ отъ самого же Гордона; повторилъ же, и въ дневникѣ Гордона, какъ мы уже ви-

дѣли въ его биографіи, встрѣчаются вполнѣ достоверныя частности объ этомъ событіи. Гордонъ разказываетъ о первыхъ слухахъ о стрѣльцкомъ бунтѣ и о разныхъ мѣрахъ, принятыхъ правительствомъ для подавленія мятежа. Достойно вниманія, что Гордонъ, говоря о болѣе тѣсномъ заключеніи Софіи, называетъ ее „королевою“ (queen). Хотя онъ однажды и самъ присутствовалъ при пытѣхъ нѣкоторыхъ осужденныхъ, но о пыткахъ и казняхъ говоритъ мало и кратко. Въ этомъ отношеніи сочиненіе Корба занимаетъ, безспорно, первое мѣсто между источниками. Любопытно замѣчаніе Гордона 14-го ноября 1698 года, что было запрещено указомъ принимать у себя женъ и дѣтей казенныхъ стрѣльцовъ (III, 222).

О поѣздѣ Петра за границу въ 1697 году въ дневникѣ упоминается очень кратко.

Австрія, Польша, казаки и проч.

Укажемъ еще на нѣкоторые вопросы политической исторіи, при изученіи которыхъ дневникъ Гордона можетъ служить источникомъ.

Отношенія Россіи къ Германскому императору особенно интересовали Гордона съ двухъ сторонъ. Во первыхъ, Австрія иногда была готова дѣйствовать за одно съ Россіей въ восточномъ вопросѣ, и вторыхъ, она заботилась о положеніи католицизма въ Россіи. Поэтому объ австрійскихъ дипломатахъ, находившихся въ Россіи во второй половинѣ XVII вѣка, у Гордона встрѣчаются разныя болѣе или менѣе важныя данныя. О Курцѣ, Плейерѣ, Гваріентѣ говорится въ дневникѣ много и часто. Гордонъ былъ близко знакомъ и видался очень часто съ этими людьми и вмѣстѣ съ ними обсуждалъ мѣры для обезпеченія католическаго богослуженія въ Москвѣ. Извѣстія Гордона служатъ дополненіемъ къ тѣмъ даннымъ, которыя заключаются о пребываніи Гваріента въ Москвѣ въ сочиненіи Корба, и которыя о Плейерѣ находятся въ донесеніяхъ этой нѣсколько загадочной личности къ императору Леопольду (въ приложеніяхъ къ сочиненію Устрялова о Петрѣ Великомъ). Исторія этихъ дипломатовъ стоитъ въ самой тѣсной связи съ исторіей католицизма въ Россіи. Не даромъ поэтому при изученіи относящихся сюда вопросовъ историки иногда прибѣгали къ дневнику Гордона; такъ поступили графъ Д. А. Толстой въ своемъ сочиненіи: *Le catholicisme romain en Russie* и г. Гассельблатъ въ своей монографіи о Плейерѣ.

Та же самая забота о католицизмѣ сближала Гордона и съ поль-

скими дипломатами; Польша, подобно Австрii, была недовольна мѣрами русскаго правительства противъ іезуитскаго ордена. Гордонъ сообщаетъ нѣкоторые данныя, относящіяся къ этому предмету. О политическихъ сношеніяхъ между Россіей и Польшею въ дневникѣ говорится довольно часто, потому что и восточный вопросъ, и малороссійскія дѣла играли большую роль въ этихъ сношеніяхъ. Мы узнаемъ кое-что о проискахъ Польши въ Малороссіи (см. напримѣръ, II, 303), о пріѣздахъ въ Москву польскихъ дипломатовъ и пр.

Въ дневникѣ разбросаны разныя замѣчанія о беспорядкахъ въ Малороссіи. О Мазепѣ говорится очень много по случаю его избранія въ гетманы, а затѣмъ о его пріѣздѣ въ Москву въ 1689 году. Съ нимъ Гордонъ находился, какъ мы видѣли, постоянно въ болѣе или менѣе дружескихъ сношеніяхъ. Мѣстами Гордонъ сообщаетъ краткія замѣтки о партіяхъ въ Малороссіи, о томъ, что не всѣ довольны Мазепою, о разныхъ казацкихъ смутахъ, о дѣйствіяхъ Полуботка и пр.

Весьма полезны при изученіи денежнаго кризиса при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ замѣтки Гордона объ этомъ предметѣ. Онъ часто говоритъ объ отношеніи между серебряными и мѣдными деньгами, о мѣрахъ правительства по случаю дороговизны, о мятежѣ 1662 года, стоявшаго въ связи съ этимъ денежнымъ кризисомъ и проч. (I, 287, 291, 293, 306, 910, 315, 318, 223, 324) ¹⁾.

О Никонѣ, къ сожалѣнію, у Гордона говорится весьма кратко. Только вскользь упомянуто въ концѣ 1664 года о пріѣздѣ патрiарха въ столицу (I, 352). Затѣмъ болѣе о Никонѣ не упоминается. Также кратко говорится о катастрофѣ Матвѣева, сосланнаго въ 1677 году, при царѣ Феодорѣ Алексѣевичѣ (I, 420). О стрѣльцкомъ бунтѣ 1682 года въ дневникѣ нѣтъ данныхъ потому, что эта часть дневника (отъ 1678 до 1684 г.) затеряна. За то мѣстами встрѣчаются разныя данныя о смутахъ у Донскихъ казаковъ. Въ 1688 году нѣкоторые казаки въ Москвѣ были подвергнуты ужаснымъ пыткамъ и казнямъ. Они, какъ пишетъ Гордонъ, — затѣвали бунтъ въ родѣ того, что былъ при Стенькѣ Разинѣ (II, 216—217, 225) и пр.

Изъ всѣхъ этихъ данныхъ видно, что дневникъ Гордона можетъ служить весьма важнымъ источникомъ для разработки политической исторіи Россіи. Но еще больше разныхъ данныхъ заключаетъ онъ въ себѣ для исторіи бытовой, для исторіи культуры.

¹⁾ Мы воспользовались этими данными въ монографіи: Мѣдные деньги въ Россіи 1656—1663 гг. и проч. С.-Петербургъ. 1864 г.

Бытовая исторія.

Почти все иностранцы, бывшие в России в XVII столетии, обращали особенное внимание на учреждения, на характер государства и общества, на нравы и обычаи и в своих сочинениях представляли больше или меньше полное описание всего этого в систематическом порядке. Гордонъ не был писателемъ в тѣсномъ смыслѣ слова; онъ не думалъ объ обнародованіи своего труда; онъ чѣмъ дальше, тѣмъ больше ограничивался веденіемъ дневника, въ которомъ все рѣже и рѣже становятся болѣе округленные очерки разныхъ событій. Гордонъ не думалъ о составленіи картины состоянія Россіи; онъ не былъ особенно даровитымъ наблюдателемъ чужеземныхъ нравовъ и обычаевъ, какими были Герберштейнъ, Флетчеръ, Петрей, Олеарій, Мейербергъ, Коллинсъ, Крижаничъ и пр. Въ сочиненіяхъ этихъ писателей говорится въ особыхъ главахъ о религіозномъ, нравственномъ, экономическомъ бытѣ Россіи и пр.; у Гордона замѣтки обо всемъ этомъ попадаютъ лишь случайно, но такихъ разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ дневника афористическихъ замѣтокъ такъ много, онѣ относятся къ столь разнообразнымъ предметамъ, что, внимательно прочитывая дневникъ, невольно знакомишься и съ общественнымъ строемъ, и съ нравами и обычаями Россіи того времени. Разработка дневника Гордона въ этомъ отношеніи была бы дѣломъ полезнымъ, хотя и нѣсколько сложнымъ. Не даромъ издатель дневника замѣтилъ, что для извлеченія данныхъ о бытовой исторіи нужно иногда читать между строками. Любопытно, что именно этого рода данныя подали поводъ къ труду М. П. Погодина о русскихъ подъячихъ XVII вѣка уже въ 1834 году. И дѣйствительно, о приемахъ тогдашней администраціи, о чиновномъ людѣ, о продажности дьяковъ и писцовъ и пр. въ дневникѣ встрѣчаются весьма многочисленныя данныя.

За то о нѣкоторыхъ предметахъ Гордонъ почти вовсе не говоритъ въ своемъ дневникѣ. Такъ напримѣръ, о церковномъ бытѣ Россіи почти нѣтъ никакихъ данныхъ. Но нѣкоторыя другія стороны быта очерчиваются по его извѣстіямъ довольно живо.

Военное устройство.

Какъ специалистъ въ военномъ дѣлѣ, Гордонъ могъ составить себѣ довольно точное понятіе о недостаткахъ русскаго военнаго

устройства. Отзывы Гордона объ этомъ предметѣ вообще рѣзки и неблагопріятны; но они въ главныхъ чертахъ согласуются со взглядами другихъ наблюдателей, иностранцевъ и Русскихъ; такъ напримѣръ, рѣзкость сужденій Посошкова далеко превосходитъ порицанія Гордона.

Для исторіи русскаго войска въ дневникѣ заключается весьма богатый матеріалъ уже потому, что Гордонъ былъ близко знакомъ со всѣми офицерами-иноземцами, служившими въ русскомъ войскѣ. Далѣе, постоянно занимаясь дѣлами военной администраціи, онъ записывалъ въ свой дневникъ разные полковые счета, списки офицерамъ и солдатамъ, военнымъ снарядамъ, съѣстнымъ припасамъ; ежемѣсячно представлялъ онъ счета суммъ, которыя слѣдовало выдавать служащимъ. О военной казнѣ, которою онъ управлялъ, о денежномъ вознагражденіи, выдаваемомъ женамъ солдатъ во время отсутствія послѣднихъ, о составѣ стрѣльцкихъ полковъ, объ окладахъ офицерамъ и пр., въ дневникѣ находятся весьма многія данныя. Достойны вниманія замѣчанія Гордона о слабой дисциплинѣ въ русскомъ войскѣ. Число бѣглыхъ солдатъ было чрезвычайно значительно. Такъ, во время польскихъ походовъ, какъ говоритъ Гордонъ, — солдаты бѣжали „подсотнями и сотнями“ (I, 304). Начавъ обучать полкъ Крафурда, Гордонъ замѣтилъ, что не проходило дня безъ того, чтобы нѣсколько солдатъ не бѣжали (I, 306). Однажды при такомъ случаѣ дезертиры украли лучшую лошадь Гордона (I, 307). Когда онъ, отправляясь въ походъ, въ 1664 году осматривалъ полкъ, оказалось, что недоставало отъ 60-ти до 80-ти человекъ, которые бѣжали (I, 343). На пути солдаты часто занимались грабежемъ (I, 424); въ Чигиринѣ они грабили припасы и повлажу офицеровъ, а многіе сдоевольно удалялись во время осады этой крѣпости (I, 533, 539). Повозки самого Гордона были разграблены (стр. 540). Въ продолженіе всей осады Гордонъ не переставалъ жаловаться на непослушаніе солдатъ, стрѣльцовъ и казаковъ. О Калмыкахъ, которые были отправлены къ Чигирину, чтобы участвовать въ защитѣ крѣпости, Гордонъ разказываетъ, что они, на возвратномъ пути близъ Тамбова увели нѣсколько тысячъ головъ скота (I, 452). Объ одномъ русскомъ полковникѣ Гордонъ говоритъ, что онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что нужно знать каждому офицеру (I, 299). Особенно въ Чигиринѣ Гордонъ былъ крайне недоволенъ духомъ солдатъ и офицеровъ. По случаю осады Чигирина онъ замѣчаетъ также, что вслѣдствіе недостатка въ врачахъ умирало много раненныхъ (I, 529).

Нѣкоторыя данныя о военномъ бытѣ встрѣчаются и въ первой части дневника, во время пребыванія Гордона въ польской и шведской службѣ. Такъ напримѣръ, онъ разказываетъ о нѣкоторыхъ случаяхъ чрезмѣрной строгости военнаго суда (I, 17), о казни военнопленныхъ (I, 29), о пыткѣ крестьянъ и горожанъ и пр.

Гордонъ разказываетъ о нѣкоторыхъ случаяхъ поединковъ между иноземцами, служившими въ русскомъ войскѣ (I, 315). Однажды вслѣдствіе посредничества Гордона такой поединокъ не состоялся. Въ маѣ 1666 года онъ описываетъ подробно поединокъ между нимъ самимъ и майоромъ Монгомери (I, 363). Довольно часто между офицерами-иноземцами происходили споры, драки, а иногда и убійства. Такъ въ 1689 году подполковникъ Шульцъ былъ убитъ какимъ-то „Брабанцемъ“ Рулье. Послѣдній былъ казненъ (II, 342—243).

Общественный бытъ.

Дневникъ Гордона, въ особенности благодаря тщательно составленному г. Поссельтому указателю, можетъ служить обильнымъ источникомъ свѣдѣній о разныхъ лицахъ, современныхъ Гордону, какъ русскихъ государственныхъ дѣателей, напримѣръ, Милославскаго, Украинцева, Морозова, Голицына, Мазецы и пр., такъ и иноземцевъ, жившихъ въ Россіи. О военныхъ, докторахъ, пасторахъ, купцахъ, дипломатахъ и пр., находившихся въ Россіи, Гордонъ сообщаетъ множество болѣе или менѣе любопытныхъ подробностей. Къ числу знакомыхъ Гордона, о которыхъ нѣсколько разъ говорится въ дневникѣ, принадлежали между прочимъ и нѣкоторые авторы сочиненій о Россіи, напримѣръ, докторъ Коллинсъ, графъ Карлейль, Джонъ Перри и пр. Данныя о многихъ менѣе извѣстныхъ лицахъ вводятъ насъ въ бытовую исторію иноземцевъ въ Россіи. Благодаря дневнику Гордона, мы въ состояніи составить себѣ довольно точное и полное понятіе о жизни пребывавшихъ и служившихъ въ Россіи Шотландцевъ, Англичанъ, Голландцевъ, Нѣмцевъ. Гордонъ находился въ дѣловыхъ сношеніяхъ со множествомъ лицъ, былъ опекуномъ разныхъ сиротъ, зналъ о денежномъ состояніи многихъ семействъ, присутствовалъ при многихъ любовныхъ сдѣлкахъ въ качествѣ посредника и свидѣтеля. Поэтому дневникъ его можетъ считаться важнѣйшимъ источникомъ для исторіи частной жизни обитателей Нѣмецкой слободы. Гордонъ сохранилъ имена разныхъ лицъ, жившихъ въ то время и имѣвшихъ нѣкоторое значеніе въ обществѣ. Авторы сочиненій объ исторіи приходоу

лютеранскихъ и реформатскихъ, пасторъ Дальтонъ ¹⁾ и особенно пасторъ Фехнеръ ²⁾ обязаны дневнику Гордона многими данными. Изъ этого дневника видно, что не только въ Москвѣ иностранцы въ качествѣ купцовъ, техниковъ, аптекарей, докторовъ и пр. имѣли большое значеніе, но что и въ другихъ городахъ они играли иногда весьма важную роль. Такъ напримѣръ, Гордонъ, бывший профессоромъ въ Тулѣ въ 1687 году, замѣчаетъ, что тамъ всѣ мастера на заводахъ—Нѣмцы или Шведы, а затѣмъ сообщаетъ нѣкоторыя замѣчанія о богатомъ промышленникѣ Марсалисѣ, собственникѣ тульскихъ заводовъ (II, 201). Бывши въ 1694 году въ Вологдѣ (на пути въ Архангельскѣ), Гордонъ замѣчаетъ, что восточная часть города, гдѣ „жили иностранцы въ просторныхъ и удобныхъ домахъ“, была лучше отстроена, чѣмъ остальные части (II, 482). О зажиточности нѣкоторыхъ изъ иностранцевъ можно судить по денежнымъ оборотамъ между ними, о чемъ Гордонъ также упоминаетъ въ своемъ дневникѣ. Генералъ Менезесъ заплатилъ однажды дѣтскому резиденту Бутенанту фонъ-Розенбушу 5,000 рублей, при чемъ Гордонъ и Лефортъ были свидѣтелями (II, 375). Мы видѣли, какъ Гордонъ самъ сдѣлался въ Россіи зажиточнымъ человекомъ и умѣлъ отлично управлять своимъ имѣніемъ. Разумѣется, многимъ иностранцамъ и не повезло въ Россію. Въ дневникѣ упомянуто о двухъ случаяхъ самоубійства иностранцевъ (II, 440, 515), о ссылкѣ какого-то Левенфельда въ Сибирь (III, 289) и пр. Можно пожалѣть о томъ, что о Лефортѣ въ дневникѣ Гордона говорится не особенно много.

О пирушкахъ и увеселеніяхъ разнаго рода въ кружкахъ Русскихъ и иностранцевъ Гордонъ упоминаетъ весьма часто, но кратко. Корбъ гораздо чаще Гордона воспроизводитъ содержаніе разговоровъ на обѣдахъ, ужинахъ и т. п. Главное удовольствіе тутъ заключалось, какъ кажется, въ ѣдѣ и крѣпкихъ напиткахъ. Иногда танцевали. У Гордона, какъ мы видѣли, иногда бывала музыка, но о ней въ дневникѣ нѣтъ ни малѣйшихъ подробностей. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, какъ кажется, жители Нѣмецкой слободы находились уже подъ влияніемъ русскихъ обычаевъ. Такъ напримѣръ, какъ видно изъ дневниковъ Гордона и Корба, у нихъ совершенно также, какъ у Русскихъ, по случаю похоронъ правили тризну. Корбъ дивился этому обычаю ³⁾.

¹⁾ Gesch. d. reform. Kirche in Russland, Gotha, 1864.

²⁾ Chronik der evangelischen Gemeinden in Moskau, Moskau, 1876.

³⁾ Diarium itineris, 63.

Главнымъ увеселеніемъ были фейерверки. О нихъ весьма часто упоминается въ дневникѣ. Русскіе еще до Петра полюбили пиротехническое искусство. Гордонъ 12-го февраля 1677 г. былъ на какой-то свадьбѣ, гдѣ „дьякъ Голлицъ и молодой князь Долгорукій устроили фейерверкъ, стоившій большихъ денегъ, но не особенно удавшійся“ (I, 416). Въ Кіевѣ 25-го декабря 1684 года у боярина былъ фейерверкъ (II, 51), 8-го февраля 1689 года въ Хорошевѣ также (II, 245). Петръ особенно охотно забавлялся этою потѣхой, и Гордонъ присутствовалъ иногда при приготовленіи потѣшныхъ огней самимъ Петромъ (II, 290, 291). Случалось, что и вельможи забавляли Петра фейерверками (II, 293). Иногда при такихъ случаяхъ происходили и несчастія (II, 297). Въ февралѣ 1692 года происходило по желанію Петра состязаніе въ области пиротехники: Русскіе приготовили фейерверкъ, иноземцы также; 21-го числа былъ сожженъ фейерверкъ иностранцевъ и „произвелъ великолѣпный эффектъ“, а на другой день былъ фейерверкъ Русскихъ, который „также произвелъ хорошій эффектъ“ (II, 399). Особенно часто упоминается о фейерверкахъ въ продолженіе 1690 и 1692 годовъ (II, 291, 293, 296, 297, 317, 331, 332, 334, 348, 366, 377, 394).

Очень часто говорится въ дневникѣ Гордона о пожарахъ. Изъ многочисленныхъ, сообщаемыхъ имъ данныхъ объ этомъ предметѣ можно вывести заключеніе, что въ самой Москвѣ пожары были сравнительно чаще и опустошительнѣе, чѣмъ въ Нѣмецкой слободѣ. То же подтверждается и другими источниками, напримѣръ, свидѣтельствомъ Оlearius ¹⁾. О чрезвычайно сильныхъ пожарахъ въ Москвѣ Гордонъ говоритъ въ 1688 году (II, 227, 230 и пр.); въ 1692 (II, 382) былъ пожаръ, на который Гордонъ отправился вмѣстѣ съ Петромъ и едва не лишился зрѣнія. (Другія замѣтки о пожарахъ въ Москвѣ см. II, 407, 416, 438, 441, 442, 498, 499, 500; III, 80 и пр.). Нѣсколько разъ, впрочемъ не часто, упоминается и о пожарахъ въ Нѣмецкой слободѣ, но тутъ каждый разъ дѣло оканчивалось ничтожною потерей (II, 240, 391, 424).

Достойны вниманія разные случаи, доказывающіе существованіе въ то время суевѣрій не въ одномъ только низшемъ классѣ. Въ Кіевѣ 4-го мая 1684 года выпалъ градъ; на нѣкоторыхъ градинахъ, имѣвшихъ величину крупнаго янца, будто было ясно выцѣненное изображеніе полумѣсяца (II, 23). Въ другомъ мѣстѣ разсказывается подробно

¹⁾ Olearius, мѣд. 1668 года, стр. 319.

о какомъ-то привидѣніи (II, 76), о заколдованіи сына гетмана Самойловича (II, 106) и т. п. Въ апрѣлѣ 1684 года въ одной изъ Кіевскихъ церквей явилось чудо: икона Богородицы плакала; большая свѣча предъ иконою св. Николая зажигалась сама собою. Вскорѣ однако оказалось, что все это было обманомъ одного молодого священника (II, 21 и 25).

Дневникъ Гордона заключаетъ въ себѣ и нѣкоторые матеріалы для исторіи медицины въ Россіи. Гордонъ самъ часто хворалъ, его семейство тоже, и они постоянно обращались къ врачамъ и возились съ разными цѣлебными веществами, нинѣ впрочемъ не пользующимися никакимъ авторитетомъ. Описаніе нѣкоторыхъ болѣзней, способовъ ихъ лѣченія, а также случаевъ смерти, весьма странно (I, 127; II, 16; 583 и проч.).

ГЕОГРАФІЯ.

Гордонъ путешествовалъ весьма много и во время пути постоянно дѣлалъ въ своемъ дневникѣ замѣчанія о тѣхъ мѣстностяхъ, чрезъ которыя проѣзжалъ. Описаніе нѣкоторыхъ городовъ въ дневникѣ Гордона чрезвычайно подробно, напримѣръ, Кульма (III, 409), Познани (III, 412). Побывавъ въ сѣверной Венгріи въ 1660 году, Гордонъ разказываетъ о какомъ-то ручьѣ въ пещерѣ, который лѣтомъ обыкновенно бывалъ покрытъ льдомъ, а зимою никогда не замерзалъ (I, 210). На пути въ Россію Гордонъ описываетъ Псковъ (I, 284), при чемъ упоминается о катастрофѣ этого города при Василѣ Ивановичѣ, а также Новгородъ съ Ильменскимъ озеромъ (I, 288), при чемъ разказана вкратцѣ исторія этого города. Чрезъ этотъ край Гордонъ проѣзжалъ и въ послѣдствіи, отправляясь въ Англію въ 1666 и 1686 годахъ. Тутъ между прочимъ говорится подробно о Валдайскомъ монастырѣ, о рѣкахъ, впадающихъ въ Ильменское озеро (I, 370 и слѣд.), и о Юрьевскомъ монастырѣ близъ Новгорода (II, 155). „Въ окрестностяхъ монастыря“, разказываетъ Гордонъ, — „находится бездонная яма, имѣющая названіе Перунъ, такъ какъ это божество было покровителемъ того мѣста. Въ этой ямѣ христіане сожгли Перуна. Нинѣ же туда выдаются преступники, огибели которыхъ въ этомъ мѣстѣ никто не знаетъ ничего подробно“. Въ Малороссіи упомянуто между прочимъ объ укрѣпленіяхъ Кіева (II, 52 и 94), Батурина (I, 337) и т. д. Чрезвычайно тщательно записалъ Гордонъ маршрутъ Крымскихъ и Азовскихъ похо-

довъ и путешествія въ Архангельскѣ (II, 446—482). При этомъ послѣднемъ случаѣ встрѣчаются любопытныя замѣтки о Самоѣдахъ, рыбномъ и тюленьемъ промыслахъ, о ярмаркахъ на сѣверѣ и проч. (см. напримѣръ, II, 474). Когда Гордонъ путешествовалъ лѣтомъ, то обыкновенно обращалъ вниманіе на растительность тѣхъ странъ, чрезъ которыя проѣзжалъ. Такъ напримѣръ, въ Двинской землѣ его удивляло количество ягодъ и разнообразіе травъ (II, 478), а въ степи на пути въ Азовъ онъ собралъ разныя данныя объ аптекарскихъ растеніяхъ и ихъ употребленіи (II, 553). Довольно подробно разсказываетъ Гордонъ о казацкихъ порядкахъ на Дону (II, 538) и въ Черкасскѣ: тутъ онъ останавливается на разборѣ казацкихъ учрежденій, правовъ и обычаевъ (II, 622—624). При второмъ походѣ подъ Азовъ онъ вспоминаетъ о дѣйствіяхъ Степки Разина, въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ (III, 30). Въ Азовѣ послѣ взятія этой крѣпости онъ открылъ слѣды древнихъ скульптурныхъ работъ, вѣроятно, генуезской эпохи (III, 63).

Довольно часто упоминается также о путевыхъ мѣрахъ тогдашняго времени. Длина версты въ различныхъ мѣстахъ дневника показана различно: иногда одна миля опредѣляется въ пять верстъ, иногда въ четыре, иногда въ три (II, 123, 177, 188). Кое-что узнаемъ мы о томъ, какъ въ то время путешествовали. Въ 1666 году Гордонъ ѣздилъ въ Англію въ сопровожденіи военнаго конвоя; всѣхъ путешественниковъ было тринадцать человѣкъ на шести подводкахъ (I, 375, 617, 370). Подробно говорится о затрудненіяхъ путешествія весной во время половодія, по случаю поѣздки Гордона изъ Москвы въ Сѣвскъ въ 1684 году (II, 15). Какъ медленно въ то время путешествовали, видно изъ того обстоятельства, что Гордонъ ѣхалъ въ Англію два съ половиною мѣсяца. Изъ Архангельска въ Москву въ 1694 году путешественники сначала ѣхали въ судахъ по конной тягѣ, а изъ Вологды въ августѣ мѣсяцѣ отправились уже въ саняхъ, при чемъ Гордонъ жаловался, что дорога была тяжелая, песчаная (II, 481).

Хозяйственный бытъ.

Уже изъ главы о матеріальномъ положеніи Гордона въ біографическомъ очеркѣ видно, что дневникъ его включаетъ въ себя много данныхъ для исторіи хозяйства въ Россіи. На основаніи разныхъ замѣтокъ Гордона мы можемъ составить себѣ болѣе или менѣе точное

понятіе о нѣкоторыхъ явленіяхъ распредѣленія богатства, и потребленія; данныя о денежномъ обращеніи, о цѣнахъ, встрѣчаются въ изобиліи; ни одинъ изъ источниковъ того времени не представляетъ такого богатства матеріаловъ для исторіи частнаго богатства по крайней мѣрѣ того общественнаго класса, къ которому принадлежалъ Гордонъ, то-есть группѣ зажиточныхъ иностранцевъ. Судя по зажиточности Гордона, можно составить себѣ болѣе или менѣе точное понятіе о томъ, какъ жили его сослуживцы и знакомые изъ иностранцевъ, имѣвшіе нѣкоторое значеніе въ обществѣ и занимавшіе officialное положеніе. Что самъ Гордонъ, получавшій въ дѣловыхъ годахъ безъ малаго тысячу рублей жалованья, могъ жить безбѣдно, видно изъ того, что монетная единица (рубли) была тогда довольно значительна, такъ что одна четверть хлѣба стоила 50 к., иногда даже 40 к.; для сравненія можно также отгѣтять, что востокъ лютеранскаго прихода получалъ въ то время не болѣе 60 р. въ годъ жалованья ¹⁾. Можно полагать, что между иностранцами, находившимися тогда въ Москвѣ, было не мало столь же домовитыхъ хозяевъ, каковъ былъ Гордонъ: иначе не были бы возможны текущіе счеты въ томъ видѣ, къ какому они существовали между Гордономъ и множествомъ другихъ лицъ. Между иностранцами кредитъ былъ чрезвычайно развитъ. За неимѣніемъ банковыхъ учрежденій, они постоянно помогали другъ другу ссудами—иногда безъ процентовъ, иногда взиная небольшой ростъ, иногда безъ залога, иногда отдавая въ залогъ какую-либо цѣнную вещь. Въ такихъ дѣловыхъ сношеніяхъ, въ такомъ взаимномъ довѣрїи, основанномъ, разумѣется, главнымъ образомъ на нѣкоторой степени зажиточности, а также и на общей солидарности и честности въ этихъ кружкахъ, заключалось большое удобство и условіе дальнѣйшаго матеріальнаго обезпеченія. Все это требовало не только осторожнаго, бережливаго обращенія съ деньгами, но также и болѣе или менѣе сложнаго счетоводства, нѣкотораго знанія бухгалтеріи, веденія значительной корреспонденціи. Можно думать, что не одинъ Гордонъ былъ столь опытнымъ и прилежнымъ корреспондентомъ и бухгалтеромъ, и что большая часть его знакомыхъ, родственниковъ, друзей приблизительно столь же серьезно относилась къ вопросамъ своего хозяйства, какъ нашъ авторъ. Многие другіе, военные люди, кунцы, ремесленники и пр., имѣвшіе дѣла съ казною, страдали, подобно Гордону, отъ зажиточности, отъ медлен-

¹⁾ *Fechner*, l. c., I, 408.

ной уплаты казенныхъ денегъ, отъ преобладанія натурального хозяйства надъ денежнымъ. За те многіе другіе иностранцы, равно какъ и самъ Гордонъ, были собственниками домовъ съ садами и огородами, имѣли погреба съ винами, а пожалуй—и деревни.

Спеціалисты по исторіи сельскаго хозяйства могли бы извлечь изъ послѣдней части дневника Гордона довольно богатый матеріалъ для исторіи доходности тогдашнихъ имѣній. Получивъ послѣ Азовскихъ походовъ разныя деревни, Гордонъ сталъ получать оттуда, кромѣ незначительнаго денежнаго оброка, разныя съѣстные припасы. О количествѣ такъ же привозимыхъ изъ деревни продуктовъ Гордонъ оставилъ замѣтки въ дневникѣ. Гордонъ имѣлъ около 60-ти душъ крестьянъ. Въ третій разъ отправляясь изъ Азову въ 1697 г., онъ былъ въ своемъ имѣніи. Осенью этого же года онъ опредѣлялъ мѣру оброка каждому крестьянину: по 1 р. деньгами, по 2 ведра вина, по 1 пуду свинины и пр. (III, 159). Затѣмъ онъ получаетъ изъ деревни гусей, утокъ, куръ, яицъ, льну, масла, ржи, овса, пшеницы, коноплянаго сѣмени и пр. (III, 169). Далѣе встрѣчаются списки скота, содержавагося въ его имѣніи (III, 170), замѣтки о цѣнахъ крестьянскихъ избъ съ угодьями (III, 177), о недоимкахъ и пр. Особенно достойна вниманія составленная Гордономъ смѣта объ управленіи имѣніемъ „Красная слобода“. Тутъ самымъ точнымъ образомъ опредѣлено, сколько можно ожидать дохода, между прочимъ приблизительно—по 20 четв. пшеницы, ржи и гречки, 78 четв. овса, 58 четв. ячменя, 12 пуд. масла, 20 пуд. меду, 158 ведеръ вина, 71 р. деньгами, 8 пуд. хмѣлю, 4 пуд. грибовъ, 316 штукъ въ аршинъ длины, 316 лещей въ $\frac{3}{4}$ арш. длины, 632 плотицы, 79 пуд. свинины, 79 гусей, 79 утокъ, 79 куръ, 79 поросать, 8 ведеръ льнянаго масла и 500 копень сѣна (III, 215). Перечисливъ все это на деньги по тогдашнимъ цѣнамъ и сравнивъ итогъ, съ одной стороны, съ соответствующимъ количествомъ хлѣба, а съ другой—съ жалованьемъ, которое Гордонъ получалъ изъ казны, можно бы составить себѣ довольно точное понятіе объ эконоическомъ значеніи жалованья деревнями въ концѣ семнадцатаго вѣка.

Уже въ очеркѣ біографіи Гордона мы указали на то, что у Гордона было много предметовъ роскоши, что онъ выписывалъ ихъ изъ-за границы, и между прочимъ упоминали о весьма значительныхъ суммахъ, которыя тратилъ Гордонъ на покупку рыбы. Особенно по случаю чрезвычайныхъ празднествъ, потребленіе рыбы было необыкновенно большое. Когда Гордонъ праздновалъ свадьбу своей дочери Маріи съ майоромъ Спивинсомъ, употреблено было 10 налимовъ на уху и на паштеты въ

5-ти блюдахъ; 18 стерлядей, отчасти жареныхъ, отчасти вареныхъ (между ними было 4 большихъ); 20 стерлядей на уку; 10 щей жареныхъ и вареныхъ (между ними 4 большихъ); 10 щуекъ и 10 судаковъ жареныхъ и вареныхъ (между ними по 4 большихъ); 200 ершей, 400 карасей, 30 щуекъ соленыхъ, 300 пискарей, 250 раковъ и пр. Все это вмѣстѣ стоило 30 руб., то-есть, столько, сколько стоили въ то время 60 четв. ржи, — сумма, равняющаяся 500 рублямъ по нынѣшнимъ хлѣбнымъ цѣнамъ.

Вообще данныя о цѣнахъ, встрѣчающіяся въ дневникѣ Гордона, всегдѣ подтверждаютъ уже добытый прежними экономическо-историческими изысканіями результатъ, показывающій, что въ XVII столѣтіи сырые продукты были необыкновенно дешевы, а обработанные или предметы промышленности, а также предметы привоза изъ дальнихъ странъ, стоили немовѣрно дорого. Такъ, строительные матеріалы, дерево, дома стоили дешево. Гордонъ купилъ домъ за 120 р. (II, 209), очевидно—для себя, потому что немногимъ позже онъ говоритъ о переездѣ въ новый домъ (II, 215); другой домъ купленъ былъ за 40 р. (II, 223), третій—за 55 р. (II, 873). За постройку бани онъ заплатилъ 13 р. (III, 185); другой разъ была построена баня съ комнатою, переднею и чердакомъ за 6¹/₂ р. (II, 403). Переставить двѣ конюшни, выстроить новую и еще домикъ для сторожа стоило 9 р. (II, 415). Починка крыши двухъ комнатъ стоила 60 к. (III, 189). Сдѣлать четыре рамы для оконъ стоило 48 к. (III, 205 и 183). За 40 бревенъ Гордонъ заплатилъ лишь 4 р. (III, 187). За перестройку комнатъ и постройку трехъ новыхъ комнатъ два плотника ввезли не болѣе 13 р. (II, 375). Даже каменный домъ, построенный для Гордона въ 1697 г., стоилъ не дорого. Строитель Никита Степановъ за всю работу долженъ былъ получить 120 р. и 10 ведеръ вина. Бочка извести стоила 18 к., а всего требовалось 300 боч., сотня камней стоила 2 р. 70 к., 1,000 кирпичей—1 р. 85 к. съ провозомъ и пр. (III, 87; III, 206; II, 513). Нѣсколько разъ говорится о расходахъ при постройкѣ печей. За двѣ новыя печи и исправленіе третьей заплачено 4¹/₂ р. (II, 377, 379). Изразцы стоили 1¹/₂ к. штука (III, 205) и по 1 к. Довольно дорого стоилъ дикій камень для фундамента, а именно 2¹/₂ р. сажень (II, 510). Также дорого стоило копаніе пруда въ 40 саж. длины и 20 саж. ширины,—120 р. (II, 217, 344). Лошади покупались по разнымъ цѣнамъ: самыя дешевыя—за 6¹/₂ р. за 5 и за 9 р. (II, 511; III, 102), однажды, когда Гордонъ купилъ пару старыхъ нѣмецкихъ лошадей для своего экипажа, ему пришлось заплатить по 60 руб. за

штуку (III, 85). Однажды упоминается о покупке 29 лошадей за 86 р. 73 к. (III, 39) и проч. Рожь стоила по 54 к. четверть, овесъ—50 к., просо—1 р. 80 к. (II, 105); солодъ—по 42—73 к. бочка или четверть (II, 369, 370, 405, 425, 497; III, 81); хмѣль—по 2¹/₂—4 к. фунтъ (II, 369, 370, 405, 425, 497; III, 81); возъ сѣна—32—35 к. (III, 10); ведро вина—18 к. (II, 88); сажень березовыхъ дровъ—¹/₂ р. (II, 160); бочка смолы—70 к. (II, 519). Чрезвычайно дорого было желѣзо—по 30 и 35 к. пудъ (III, 187). За то человѣка можно было купить весьма дешево—по 20 р. (II, 511). Годичная плата слугъ была 6—10 р. (IV, 200; III, 85); однажды Гордонъ купилъ мужа съ женой и заплатилъ 27 р. (III, 96).

И плата за умственный трудъ не была высока, какъ видно изъ нѣкоторыхъ замѣтокъ объ учителяхъ (II, 291, 430). Пастору при похоронахъ Стивинса Гордонъ далъ 5 р. (III, 171). За портретъ Гордона, сдѣланный изъ воска, также заплачено 5 р. (III, 79). Когда хоронили сына Гордона въ Кіевѣ, пѣвчіе и два „оратора“ получили вмѣстѣ не болѣе 1¹/₂ р. и пр. (II, 44). По случаю похоронъ дочери Гордона Юанны заплачено ремесленникамъ за гробъ и пр. 10¹/₂ р. (II, 299), а за надгробный камень 4 р. (II, 361). Обдѣлка надгробнаго камня для сына Гордона Петра и надпись стоили 40 к. (II, 639); надпись на могилу маіора Стивинса 1 р. 80 к. (III, 191). Много денегъ было истрачено на крепъ по случаю похоронъ маіора Стивинса: нужно было 68 уборовъ, и за нихъ заплачено 16¹/₂ р. (II, 171).

Вообще матеріи обходились дорого. Аршинъ краснаго одѣяла стоилъ 1 р. 10 к. (II, 78); въ Данцигѣ Гордонъ заплатилъ за шинель 9 талеровъ (II, 129); въ Лондонѣ за одинъ парижъ—7 фунг. стерл.; за шляпу—2¹/₂ фунта; за шелковыя чулки—12 шиллинговъ (II, 130); аршинъ тафты по 60 к. (II, 8). Кожаные предметы также стоили дорого: сукно и кожа для экипажа—10 р. (II, 421, см. подробный счетъ, II, 422); сбура стоила дешево (II, 78, 370, 413); за то переплетъ книгъ обходился дорого: за двѣ книги заплачено 35 к. (II, 8). Предметы иностраннныя стоили весьма дорого, какъ напримѣръ, виноградное вино (см. напримѣръ, II, 365; III, 204) и колоніальныя товары (II, 512). О лимонахъ и апельсинахъ говорится иногда, какъ объ особенной рѣдкости. Ихъ привозятъ въ подарокъ по нѣскольку штукъ. Сахару потребляется весьма мало.

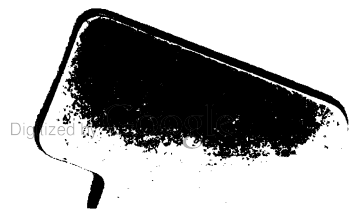
О расходахъ при путешествіяхъ судить трудно. Были случаи весьма дешевыхъ поѣздокъ: двумъ солдатамъ, отправленнымъ въ Архангельскъ изъ Москвы, дано на дорогу всего 2 р. 68 к. (II, 223). За наемъ лошадей изъ Риги до Пскова заплачено 6 талеровъ за каждую (III, 206); такъ

какъ нужно было 8 лошадей, приходилось заплатить 48 талеровъ. Коляска стоила 70 р. (III, 205). За наемъ судна изъ Риги въ Любекъ Гордонъ съ товарищами заплатилъ однажды не болѣе 12 талеровъ (I, 378). За то на возвратномъ пути онъ заплатилъ, нанявая галиотъ изъ Травемюнда до Риги не менѣе 200 талеровъ (I, 409). О разныхъ расходахъ на пути въ Англiю въ Германiю говорится весьма подробно въ 1686 г. (II, 125—132). Уже выше мы видѣли, что портовые деньги были въ то время весьма высоки (см. напримѣръ, II, 296).

Наконецъ, укажемъ еще на отношенiе цѣны русскихъ монетъ къ цѣнѣ иностранныхъ. Одинъ червонецъ равнялся 1 р. 42 к. (I, 214), иногда 1 р. 10 к. (II, 434, 501); одинъ талеръ равенъ былъ 55 к. (II, 501). Серебро стоило 10¹/₂ р. фунтъ въ 1691 г. (II, 345), иногда и дешевле; 8 к. золотникъ, значитъ—7 р. 68 к. фунтъ (II, 499). Вѣроятно, столь низкая цѣна обуславливалась живкою пробой серебра. Серебро въ позолоченномъ кубкѣ стоило 10 р. фунтъ (III, 96). Одной за разные серебряные предметы, вѣсомъ въ одинъ фунтъ, заплачено 14 талеровъ.

Таково значенiе дневника Гордона, какъ историческаго источника. Нельзя не пожелать, чтобы наши историки при изученiи второй половины XVII вѣка болѣе, чѣмъ понынѣ, обращали вниманiя на этотъ драгоценный памятникъ.

Digitized by